

№ 7 (307). ИЮЛЬ 2016

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

ДРЕВНИЙ РУССКИЙ ГОРОД ВЕЛИКИЕ ЛУКИ.
СОВРЕМЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

75 лет назад, 2 июля 1941 года, вышло постановление Военного совета Московского военного округа (МВО) о создании Московского ополчения. Повинуясь зову сердца, в ополчение вступили свыше ста шестидесяти тысяч человек: рабочие, служащие, представители технической и гуманитарной интеллигенции. Шли на фронт как люди пожилые, так и вчерашние школьники, совсем мальчишки, нередко приписывавшие к своему возрасту «нужное» количество лет. Ополченские дивизии, проявляя массовый героизм, сражались под Москвой, а затем, отстояв столицу, вместе с кадровыми армейскими частями двинулись на запад, пройдя славный боевой путь. Многие, очень многие ополченцы не вернулись с поля боя. Многих, очень многих не пощадило миновавшее с тех пор время. На сегодняшний день из огромной добровольческой рати, покидавшей Москву в 1941-м, здравствуют всего 86 человек. Благодарно помянем павших. Низко поклонимся живущим.

*Я с вами равный среди равных,
Я камнем стал, но я живу!
И вы, принявшие Москву
В наследство от сограждан ратных,
Вы, подарившие века мне,
Вы — все, кто будет после нас,
Не забывайте ни на час,
Что я смотрю на вас из камня.*

М. Максимов

*Памятник ополченцам Москвы.
Скульптор О.С. Кирюхин,
архитектор А.П. Ершов*

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов), Г.В. Аксенова,
А.А. Белай, С.Ю. Житенёв,
В.Ф. Козлов, В.В. Максименко

Художник-верстальщик

Е.С. Сухорукова

Редактор-корректор

О.В. Соловьева

Учредитель: ОАО «Редакция газеты
“Вечерняя Москва”». 2016

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mostmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 21.06.2016.

Печать офсетная.

Объем 12 п. л. Формат 64 × 90/8.

Тираж 43 000 экз.

Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская обл., г. Подольск,
Революционный просп., д. 80/42

Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС 2 *Алексей Васильевич Шишов*
«Россия и Соединенные Штаты братствуют...»
Об открытии и освоении русскими первопроходцами Аляски и Алеутских островов и о российско-американских отношениях в XIX веке

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА 24 *Илья Александрович Шляпкин*
Первый русский историк Н.М. Карамзин (1766–1826)
Очерк жизни и творчества (продолжение)

СТРАНИЦЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ 38 *Дмитрий Юрьевич Радченко*
Армия Конде
Французы на русской службе (рубеж XVIII–XIX веков)

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА 45 *Полина Георгиевна Кузьмина*
Усадьба на Введенской: люди и судьбы
Об особняке купцов Носовых и его обитателей

ПРОЗА 56 *Юрий Пахомов*
Визави

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ 65 *Любовь Георгиевна Еремينا*
Фотография из прошлого
О московских гастролях (1864) немецкой пианистки и композитора Клары Шуман (1819–1896)

БЫЛОЕ 70 *Михаил Николаевич Глазков*
Обвинялся в шпионаже и терроризме...
Жизнь и история ареста директора Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Шедрина Мечислава Михайловича Добраницкого (1882–1937)

ЛЕТОПИСЕЦ 76 *13–17 мая 2016 года*
Десять всероссийские краеведческие чтения
(Москва – Верея – Великие Луки)

РЕПЛИКА 86 **Вниманию читателей**

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ 89 *Наталья Александровна Филаткина*
Арсеньевы
Рассказ автора о своих предках

Алексей Васильевич Шишов

«Россия и Соединенные Штаты братствуют...»

Об открытии и освоении русскими первопроходцами
Аляски и Алеутских островов
и о российско-американских отношениях в XIX веке*

Россия смотрится на карте как огромное евразийское государство. Не одно столетие геополитический вектор ее развития и «прирастания» был устремлен к востоку. Особенностью этого продвижения русской цивилизации являлось то, что оно осуществлялось морским путем вдоль полярного побережья Евразии.

Отважные первопроходцы — прежде всего предприимчивые новгородцы — свой путь на восток начали с освоения берегов Белого моря и Мурман (Кольского полуострова). Русских мореходов манили к себе неизведанные просторы, сказочно богатые «мягкой рухлядью» (мехами) и «рыбьим зубом» (моржовыми клыками). «Соболиная

*Полный вариант публикации: *Шишов А.В.* «Высочайше повелено принять с русским радушием...» К 150-летию визита в Россию первой официальной делегации США во главе с адмиралом Густавусом Вазой Фоксом (1866) // Почетные граждане города Москвы. Густавус Ваза Фокс (1821–1883). Приложение к «Московскому журналу. История государства Российского». М., 2016. — *Прим. ред.*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

казна» являлась главным «торговым брендом» вольного города Новгорода, а потом и Великого княжества Московского. Знаменитые посольские соболя еще при последнем русском царе и первом всероссийском императоре Петре I производили на европейские и восточные дворы сильное впечатление. Промысловикам за добычей приходилось спускаться вниз по рекам, впадающим в Северный Ледовитый океан. Там, на реке Таз, появилась «златокипящая» Мангазея — первый русский заполярный город, просуществовавший до 1672 года. Мореходы на своих утлых судах-кочах все дальше уплывали навстречу восходящему солнцу. Продвижение по полярным морям давалось дорого: за все приходилось платить человеческими жизнями. Однако даже гибель целых экспедиций не могла этого продвижения остановить. Был пройден «камень преткновения» — полуостров Таймыр, изведаны берега, где пасли олени стада воинственные чукчи. Наконец первопроходцы оказались на самой восточной оконечности Евразии. За Чукотской таилась не изведанная еще земля. Так Россия открыла Американский континент со стороны Азии. И образование Русской Америки — открытых и освоенных нашими соотечественниками земель на этом континенте и прилегающих к нему островах — закономерно в той же мере, что и возникновение Новой Англии, Новой Франции, Новой Испании...

Точное время появления русских на берегах Аляски неизвестно. Можно сослаться на работу В.П. Петрова, считающего, что это произошло в XVI веке и что первыми поселились здесь новгородцы после раз-

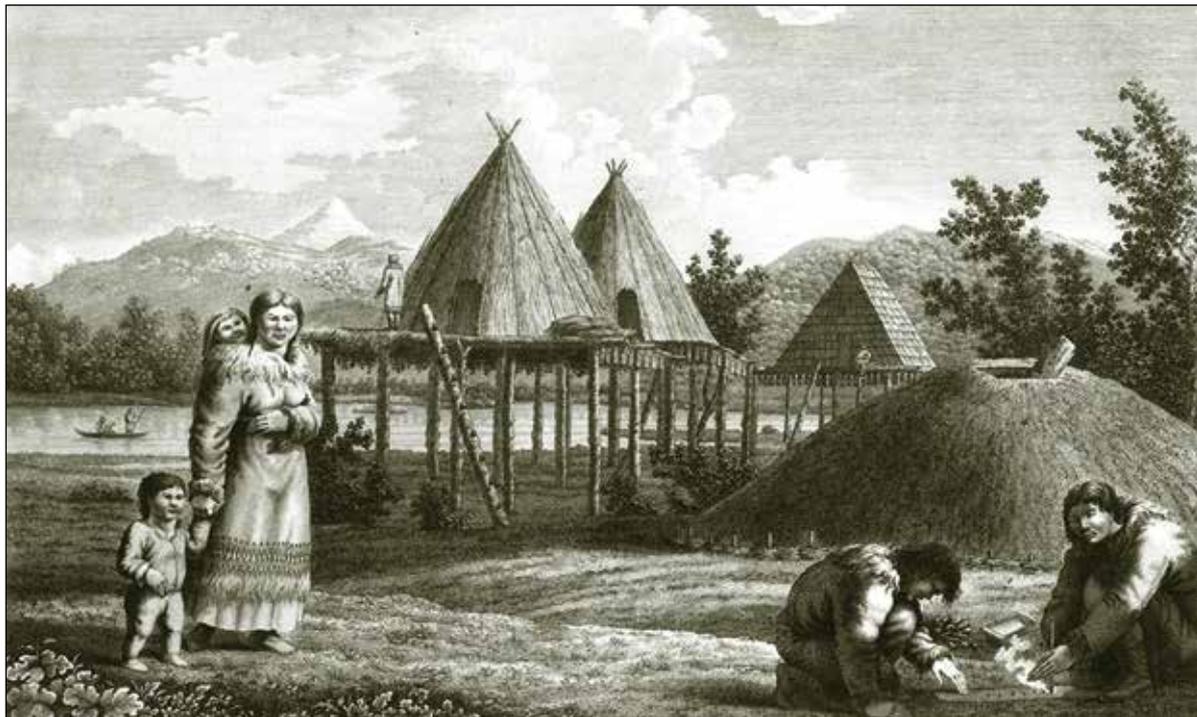
грома «господина Великого Новгорода». Но достоверные свидетельства на сей счет отсутствуют¹. Хотя в 1937 году американские землеустроители обнаружили на полуострове Кенай (Аляска) остатки древнего поселения, признанного специалистами русским и отнесенное ими также к XVI веку (и это не единственная археологическая находка подобного рода)².

Историю Русской Америки, думается, можно вести с сентября 1648 года: в те штормовые дни кочи экспедиции Семена Дежнева и Федора (Федота) Алексеева открыли пролив (ныне — Берингов), разделяющий Азию и Америку³. Шторм разбросал суда, и они потеряли друг друга из виду. Некоторые путешественники достигли берегов Аляски, где сложили свои отчаянные головы. Дежневу и Алексееву удалось высадиться в разных местах Камчатского полуострова. Первыми же обнаружили местный американский берег («Большую землю») подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев. Это случилось 21 августа 1732 года (здесь и далее даты приводятся по старому стилю), когда бот «Святой Гавриил» под командованием Федорова оказался в районе мыса, носящего сегодня имя принца Уэльского⁴. На тот момент еще никто не знал, что показавшаяся вдали «Большая земля» — Америка, в жарких широтах уже «осваиваемая» конкистадорами.

Петр I призвал на службу мореплавателя Витуса Ионассена Беринга, в России ставшего Иваном Ивановичем и капитан-командором. Он руководил историческими Первой (1725–1730) и Второй (1733–1743) Камчатскими экспедициями.

Первые поселения в Русской Америке

Жилища камчадалов

Обследование и нанесение на карту значительной части побережья Северной Америки и Алеутских островов состоялось через 9 лет после плавания Ивана Федорова и Михаила Гвоздева на «Святом Гаврииле». Участники Второй Камчатской экспедиции достигли «Большой земли» в июле 1741 года. Эта честь выпала помощнику Беринга Алексею Чирикову, который на судне «Святой Павел» подошел к берегам Аляски. Беринг же проследовал между Чукоткой и Аляской проливом (в будущем — его имени) и открыл ряд островов Алеутской гряды. По праву первооткрывателей новые земли и острова становились собственностью Российской империи.

Поиск и освоение «Большой земли», то есть Русской Америки, стоил огромных трудов и жертв. Достаточно сказать, что за чуть более чем полувековой период (1743–1797) россияне предприняли к американским берегам около 90 экспедиций⁵. Поэтому академик Н.Н. Болховитинов утверждал: евразийская держава Россия стала тогда в известной мере еще и державой американской. По его мнению, Америка открывалась и обживалась представителями многих стран и народов, подобно тому, как ныне интернациональными усилиями покоряется космическое пространство⁶.

Поначалу освоение Аляски шло посредством торгово-промышленных экс-

педиций. Недра ее еще не были изучены, а главным богатством являлся мех морского зверя. Первое постоянное русское поселение в Северной Америке основал купец и промышленник Григорий Иванович Шелихов (Шелехов, 1747–1795) — один из пионеров в деле исследования Курильских островов и Аляски. В 1775 году он создал компанию для ведения пушного и зверобойного промысла, на базе которой в 1799-м будет образована знаменитая Российско-Американская компания (см. ниже). Упомянутое поселение появилось в 1784 году, в царствование Екатерины II, на острове Кадьяк. Через двадцать лет административным центром русских поселений в Америке стал Новоархангельск, основанный в 1799 году и получивший это название в 1804-м (после продажи Аляски США Новоархангельск переименуют в Ситку).

К освоению Аляски приложил руку и «противоречивый в поступках» император Павел I, который, что бы о нем ни писали, всегда оставался государственным человеком. Именно его указом от 8 июля 1799 года «под высочайшим покровительством» в целях обживания земель в Северной Америке и на прилежащих к ней островах было организовано крупное торговое объединение — та самая Российско-Американская компания (РАК). Ее правление

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Григорий Иванович
Шелихов*

*Николай Петрович
Резанов*

размещалось в Иркутске, к тому времени уже ставшем неофициальной столицей Востока России. Одним из учредителей РАК являлся дипломат, путешественник, предприниматель Николай Петрович Резанов (1764–1807), высочайше назначенный «корреспондентом», то есть исполнителем функций правительственного контролера за деятельностью компании, а затем возглавивший правление РАК. В целях поиска удобных морских маршрутов к Русской Америке Резанов инициировал первую отечественную кругосветную экспедицию И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806). Путь на Аляску через Сибирь и Камчатку был долог и дорог. Одно дело — отправлять легковесную пушнину на отечественные рынки и оттуда в Европу, другое — везти в обратном направлении все необходимое для обитателей «Большой земли». Опираясь на поддержку императора Александра I и его окружения, Российско-Американская компания во главе с Н.П. Резановым основала на северных берегах Тихого океана ряд поселений; принимала активное участие в хозяйственном освоении Приамурья и острова Сахалин; организовала 25 экспедиций, в том числе 15 кругосветных; провела значительную исследовательскую работу на Аляске

и островах Алеутской гряды; способствовала развитию в ряде мест хлебопашества, огородничества и скотоводства, чего аборигены ранее не знали⁷.

Многое сделал для закрепления Русской Америки за Россией император Александр I. Так, 4 сентября 1821 года он издал указ, который запрещал плавать иностранным судам в Тихом океане севернее 51-го градуса северной широты⁸, что означало провозглашение Берингова моря внутренним морем Российской империи. Однако браконьеры, прежде всего американские, выполнять требования указа не спешили. Тогда официальный Санкт-Петербург добился заключения с Соединенными Штатами и Англией соглашений о торговле и мореплавании, регулировавших заход американских и британских судов во внутренние воды Аляски. Русско-американская конвенция, принятая 5 апреля 1824 года в Санкт-Петербурге, устанавливала границу наших поселений и промыслов на тихоокеанском побережье Северной Америки. Согласно конвенции, русские обязывались не селиться к югу, а американцы — к северу от параллели 54 градуса 40 минут северной широты. Аналогичную конвенцию Санкт-Петербург заключил и с Лондоном.

* * *

А через несколько десятилетий Аляска была продана Северо-Американским Соединенным Штатам. Дискуссии по поводу этой «сделки века» не утихают и сегодня.

Идея продажи Русской Америки возникла в ходе Крымской войны (1853–1856), показавшей, что от Великобритании и Франции — могущественных морских держав — Российская империя защитить свои владения на Тихом океане будет не в состоянии. Еще в начале войны Вашингтон, учитывая возможные негативные последствия обострения отношений между Россией и Англией для Соединенных Штатов (нападение «владычицы морей» на Аляску, то есть «почти» на Штаты), а также желая «округлить» свою территорию на севере американского континента, сделал России такое предложение, которое, однако, император Николай I, и мысли не допускаявший о торговле российскими владениями где бы то ни было, отклонил.

Тогда реализация идеи пошла по другому сценарию. Как пишет историк В.Н. Пonomарев, обеспокоенность администрации РАК возросшей угрозой нашим поселениям в Америке со стороны Англии и озабоченность на сей счет (и не только) американцев стали предпосылкой появления на свет проекта фиктивного договора о продаже Русской Америки⁹, донныне порождающего у исследователей множество вопросов.

Текст фиктивного договора (устоявшееся в историографии определение документа) датирован 19 мая 1854 года. От имени РАК его подписал П.С. Костромитинов, российский вице-консул в Сан-Франциско, от имени калифорнийской Американско-Русской торговой компании (АРТК) — ее представитель А. Макферсон. В соответствии с договором РАК уступала АРТК сроком на три года все свое имущество, промыслы и привилегии на территории Северной Америки, за что АРТК обязывалась уплатить 7 миллионов 600 тысяч долларов. Указанная сумма, кстати, почти совпадает с той (7 миллионов 200 тысяч долларов), за которую Русская Америка в итоге и была продана, но уже не «фиктивно» — факт, наводящий на определенные размышления.

Цель заключения фиктивного договора трактуется однозначно: заставить Британию и Францию отказаться от помыслов атаковать российские владения на тихо-

океанском побережье Северной Америки. И действительно, теперь если в продолжение Крымской войны союзные английская и французская эскадры ожесточенно нападали на русские дальневосточные поселения, то мимо Аляски они проходили словно с завязанными глазами. Ибо в случае нападения англичан на ныне уже состоящие под контролем калифорнийской компании (согласно фиктивному договору) территории, Лондон, учитывая напряженность англо-американских отношений, имел бы совершенно нежелательный для него конфликт со Штатами.

Здесь присутствует один нюанс. По соглашению подписавших документ сторон, договор вступал в силу только при крайней необходимости, каковая, однако, не наступила даже на исходе проигранной Россией Крымской войны¹⁰.

Есть мнение, что фиктивный договор между РАК и АРТК «подстраховывал» другой, считавшийся в Санкт-Петербурге ненадежным, — подписанный 1 мая 1854 года между Российско-Американской и английской Гудзонбайской компаниями под гарантии правительств договор о взаимной нейтрализации владений в Америке: Британия тоже беспокоилась о безопасности своих американских территорий (Канада).

* * *

После войны тема продажи Русской Америки, казалось, сошла на нет. Снова подняли вопрос отнюдь не в Вашингтоне, а в... Санкт-Петербурге. Да еще на каком уровне! Инициатором сделки стал глава Морского министерства Великий князь Константин Николаевич, сын императора Николая I, младший брат воцарившегося Александра II. Именно он вскоре после окончания Крымской войны вновь заговорил о необходимости продать Русскую Америку, официально заявив об этом весной 1857 года, когда 22 марта направил по этому поводу специальное письмо министру иностранных дел князю А.М. Горчакову. У напористого и влиятельного Великого князя в дальнейшем нашлись единомышленники по данному вопросу, в их числе — российский посланник в Вашингтоне барон Э.А. Стеклъ. Они считали, что Россия все равно «не удержит» Аляску — так лучше уж успеть получить за нее хоть что-нибудь. При этом большинство государственных деятелей империи

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Подписание договора о продаже Аляски 30 марта 1867 года.
Слева направо: Р.С. Чу, У.Г. Сьюард, У. Хантер, В. Бодиско,
Э.А. Стебль, Ч. Самнер, Ф. Сьюард*

*Н. Лейтце. Подписание договора о продаже Аляски.
Гравюра*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

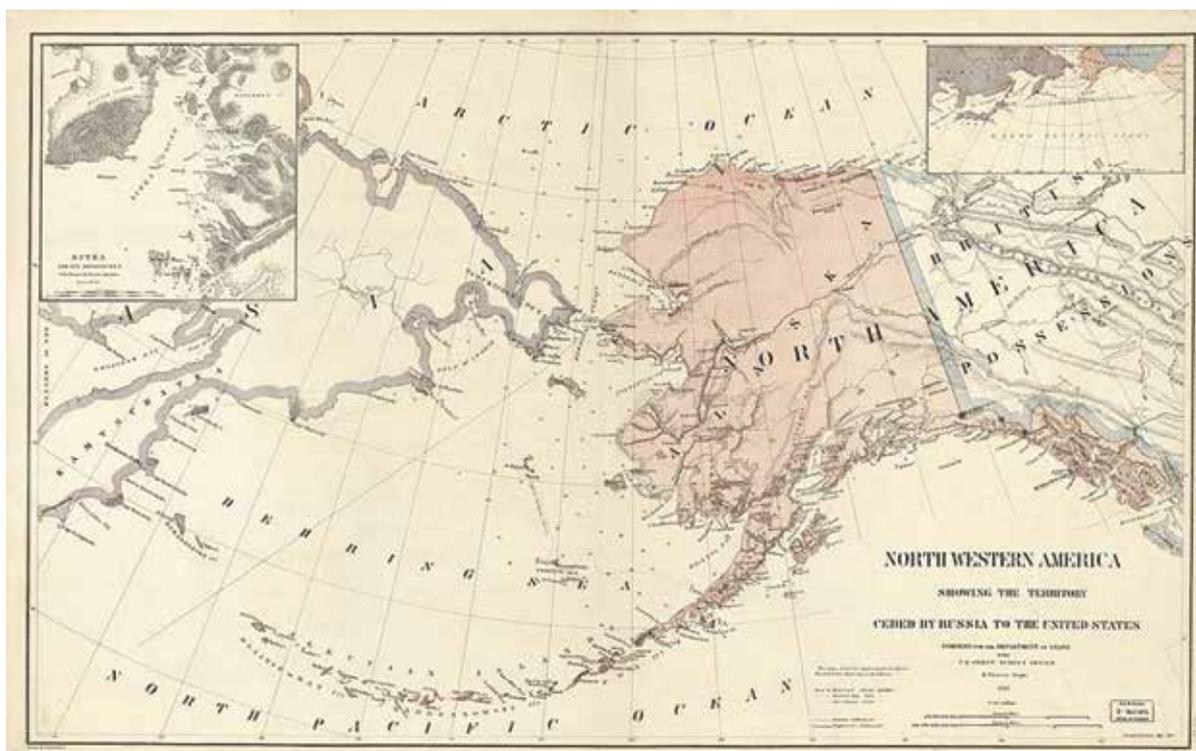

Чек на 7,2 миллиона долларов, которым Америка расплатилась с Россией за покупку Аляски

в принципе не возражали против продажи убыточных в денежном выражении российских владений («колоний») на американском континенте стране, которая на тот момент проявляла по отношению к России дружелюбие. Конечно, говорили они, столь серьезная проблема требует не менее серьезного предварительного обсуждения... Решительно против никто не высказывался. Между тем в светских

салонах этот вопрос вообще мало кого интересовал.

Слово оставалось за самодержцем. Александр II, ознакомившись с делом в интерпретации МИДа, распорядился отложить окончательное решение до ликвидации фиктивного договора с АРТК, «условия которого могут чрезвычайно уронить ценность владений наших в Северной Америке»¹¹.

Карта территорий Северо-Западной Америки, переданных Российской империей Северо-Американским Соединенным Штатам в 1867 году

Находившиеся в Санкт-Петербурге американские дипломаты поспешили сообщить в Вашингтон о «публичном стремлении» Великого князя Константина Николаевича продать Аляску Штатам. Правительство Соединенных Штатов, демонстрируя, не в пример российскому, изрядную дальновидность, считало такую покупку весьма желательной: несмотря на то что зверобойный промысел на Аляске и Алеутских островах давно захирел, рыбы пока хватало у берегов Калифорнии, а о золоте в песках реки Юкон еще не знали даже немногочисленные местные индейские племена.

Начался торг с госаппаратом империи. Американцы «для затравки» предложили за Аляску с островами Алеутской гряды всего 5 миллионов долларов. В Санкт-Петербурге столь низкой начальной ставки явно не ожидали. Глава российского МИДа князь А.М. Горчаков, политик опытный и искушенный, ответил, что данная сумма не отражает «действительную стоимость наших колоний»¹². Переговоры продолжились на разных уровнях, в том числе и в апартаментах Зимнего дворца, но были прерваны начавшейся в США Гражданской войной (1861–1865).

* * *

В 1862 году Франция предложила Англии и России «реализовать дипломатическое вмешательство» в войну между Севером и Югом на стороне последнего. Император Александр II отказался. Твердость позиции России предотвратила вмешательство европейских держав в «дела американские». Хотя угроза прямой поддержки рабовладельческих южных штатов двумя мировыми колониальными державами продолжала оставаться реальной: английская и французская текстильные промышленности лишились поставок хлопка с плантаций юга Америки.

Почему Александр II поступил подобным образом? Он хорошо помнил, как во время Крымской войны Соединенные Штаты открыто заявили о своей поддержке России. В те годы заметно оживилась торговля между двумя странами. Понятно, что в американских торгово-промышленных кругах думали больше о прибыли, но в любом случае воюющая русская армия получала из-за океана дополнительное оружие и снаряжение. Кроме того, аме-

риканская сторона извещала российские власти о перемещениях англо-французских эскадр и даже изъявила готовность послать на помощь добровольцев. Со своей стороны, «русское правительство считало для себя полезным усиление могущества Соединенных Штатов, оказывающих в общей политике давление на Англию и Францию и являющихся противовесом их морскому преобладанию»¹³.

К тому же императора Александра II и президента Авраама Линкольна как людей в известном смысле «одного духа» связывала взаимная симпатия: первый в 1861 году отменил в России крепостное право, второй 30 декабря следующего года подписал «Прокламацию об освобождении рабов».

Естественно, со стороны Франции и Британии не могло не последовать реакции на все это. В 1863 году вспыхнуло восстание в Царстве Польском, которое являлось частью империи Романовых. Сразу же вокруг «польского вопроса» начался политический ажиотаж, поднятый Парижем, Лондоном и Венной. Эти европейские державы, имевшие собственные огромные колониальные владения, вдруг заговорили о «свободе поработанных русским царем поляков». В столь непростой ситуации российский МИД активизировал дружественные контакты с американской дипломатией, достигнув взаимопонимания с Вашингтоном по ситуации в Польше, а в ответ на дипломатические домогательства Франции, Англии и Австрии предпринял энергичные пропагандистские контрмеры.

Более того, император Александр II, получивший в начале 1863 года от Авраама Линкольна личное письмо, распорядился отправить в территориальные воды США две российские эскадры. Одна из них в составе трех фрегатов («Ослябя», «Александр Невский», «Пересвет»), двух корветов («Витязь», «Варяг») и клипера «Алмаз» под флагом контр-адмирала С.С. Лесовского в июле того же года прибыла к атлантическому побережью Штатов и бросила якорь в Нью-Йорке, на реке Гудзон; другая эскадра (корветы «Богатырь», «Калевала», «Новик», «Рында», клиперы «Абрек» и «Гайдамак») под флагом контр-адмирала А.А. Попова в октябре достигла тихоокеанского побережья и стала на рейде Сан-Франциско. Эта новость произвела в Европе эффект разорвавшейся

бомбы. О характере миссии боевых российских эскадр нетрудно было догадаться. Французские войска уже высадились в Мексике, англичане в помощь своим отрядам в Канаде прислали пять боевых кораблей. В случае вмешательства Парижа и Лондона в войну между Севером и Югом Лесовскому и Попову надлежало охранять побережье Соединенных Штатов от нападения Франции и Британии с моря, нанося ответные удары по их коммуникациям и колониям¹⁴.

Приход русских кораблей в Нью-Йорк и Сан-Франциско был восторженно встречен американцами и имел огромный политический резонанс. Газеты с пристальным интересом писали о торжественных приемах, балах и даже парадах в честь военного флота России. Печатались самые различные материалы, посвященные союзническому жесту дружественной страны.

Среди встречавших эскадру Лесовского официальных представителей Соединенных Штатов выделялся внушительной фигурой коренастый бородатый человек в адмиральском мундире. Это был помощник военно-морского министра США адмирал Густавус Ваза Фокс (1821–1883). Ему предстояло «опекать» русскую эскадру, которая могла очень пригодиться американцам. После взаимного приветствия Лесовский вручил Фоксу послание главы Морского министерства Российской империи генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича. В послании Великий князь приветствовал американцев и их президента от имени императора Александра II и от себя лично и выражал надежду на дальнейшее укрепление и развитие дружественных связей между двумя странами. Ни слова о целях прибытия эскадры в Соединенные Штаты — об этом Лесовский расскажет Фоксу в приватной беседе.

Вскоре этот разговор состоялся — предельно откровенный, поскольку двум адмиралам нечего было скрывать друг от друга: ведь, вполне возможно, им предстояло решать общие задачи. Сразу условились на официальных раутах и в интервью говорить лишь о дружественном визите военных кораблей России в Соединенные Штаты и о предполагаемом ответном визите американской эскадры в Санкт-Петербург. В итоге все так и вышло: экспедиционным эскадрам контр-адмиралов Лесовского и Попова не довелось участвовать в каких-либо боевых действиях. Но при-

сутствие русских кораблей оказало моральную поддержку федеральному правительству и заставило Париж и Лондон проявить сдержанность, что, в общем, и требовалось. Гражданская война близилась к победоносному для Севера завершению. В апреле 1864 года русские эскадры соединились в Нью-Йорке и взяли курс на родину. Проводы были теплыми. Во время нахождения эскадр в Северо-Американских Соединенных Штатах с газетных страниц не сходили заголовки типа: «Новый союз скреплен. Россия и Соединенные Штаты братствуют», «Русский крест сплетается со звездами и полосами». На подобном фоне сделка по продаже Русской Америки виделась взаиможелаемой.

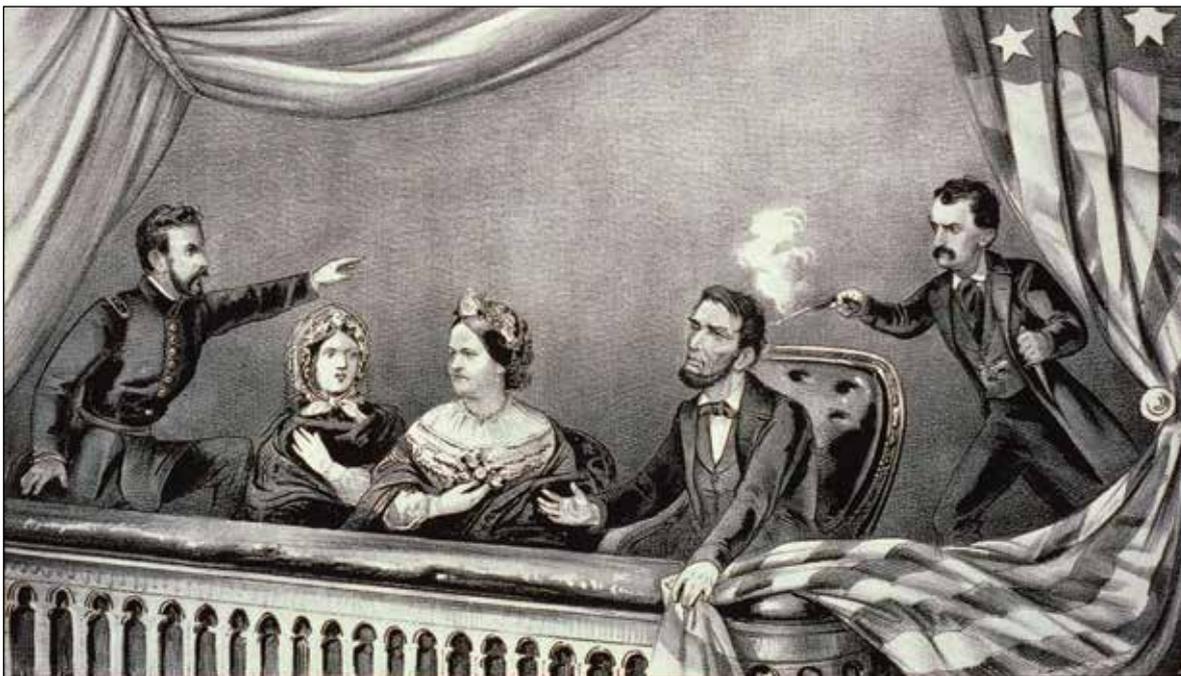
* * *

Итак, Гражданская война в США закончилась полным поражением Конфедерации Юга. 14 апреля 1865 года в Вашингтоне прогремел торжественный салют. А вечером того же дня в театре «Форд», где шло представление веселой комедии «Наш американский кузен», актер Джон Бут, агент южан, застрелил Авраама Линкольна — самого популярного американского президента, «освободителя американских рабов»¹⁵. Новым президентом США стал Эндрю Джонсон. Именно он начал строить дальнейшие отношения Штатов с Российской империей, в том числе и в деле с продажей-покупкой Аляски.

Практически ровно через год, 4 апреля 1866 года, жертвой покушения едва не стал другой Освободитель — император Александр II. Когда он в четвертом часу полудни выходил после прогулки из Летнего сада, в толпе раздался выстрел. Стрелял революционер-террорист Дмитрий Каракозов. Пуля не задела монарха — оказавшийся рядом с покушавшимся мастеровой Осип Комиссаров, уроженец Костромской губернии, «нанес злодею по руке удар под локоть в тот самый момент, когда тот спускал курок»¹⁶.

Весть о покушении на императора Александра II вызвала в США всеобщее возмущение. Президент Эндрю Джонсон и Конгресс незамедлительно высказали российскому монарху соболезнование. Было принято решение отправить в Россию с дружественным визитом военную эскадру во главе с адмиралом Фоксом, уже хорошо знакомым русским военным морякам.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Убийство Авраама Линкольна. Литография. 1865 год

Эскадра состояла из двух кораблей — броненосца класса монитор «Миантономо» и парусно-колесного фрегата «Аугуста». Адмирал держал свой флаг на мониторе. Это был первый случай в истории Соеди-

ненных Штатов, когда их броненосец отправился в океанское плавание.

Адмирал Густавус Ваза Фокс имел официальное поручение передать только что пережившему покушение Александру II

*Д.Н. Кардовский. Покушение Каракозова на Александра II.
Почтовая карточка. 1931 год*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

приветствие и слова поддержки от народа США, год назад потерявшего в результате террористического акта президента Авраама Линкольна.

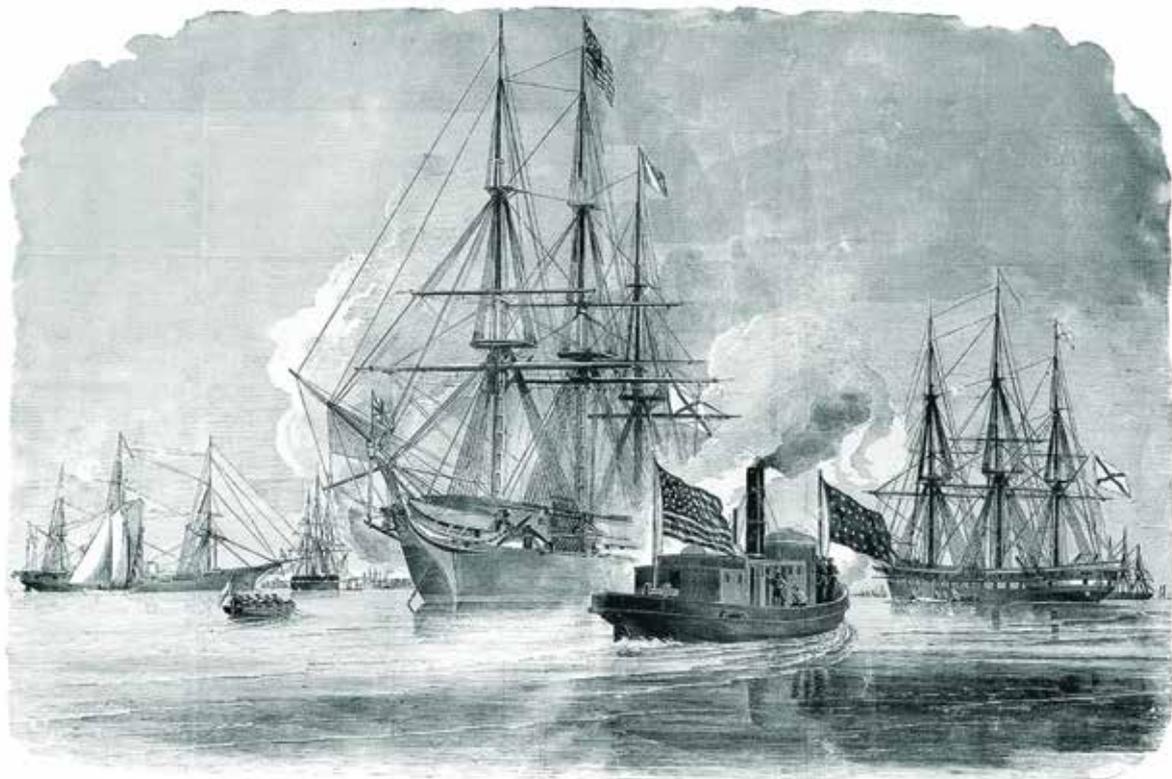
По прибытии в Санкт-Петербург «Миантономо» и «Аугуста» были встречены строем кораблей Балтийского флота, расцвеченных приветственными флажными сигналами. Эскадра из двух вымпелов вошла в Неву и стала на якорь недалеко от Петропавловской крепости и Зимнего дворца. Позже американские корабли переместились в Кронштадт.

В Санкт-Петербурге адмирал Густав Ваз Фокс нанес официальные визиты генерал-адмиралу Великому князю Константину Николаевичу, морскому министру вице-адмиралу Н.К. Краббе и другим лицам. Американские гости посетили Зимний дворец, Петропавловскую крепость и Эрмитаж, несколько столичных театров и светских салонов, Петродворец, совершили прогулки по Неве, ознакомились с достопримечательностями Северной Венеции. Адмиралу Фоксу вручили грамоту о присуждении ему звания почетного гражданина столицы Российской империи. Фокс принял грамоту с благодарностью, как залог дружественных отношений между двумя государствами — Россией и Соединенными Штатами.

Густав Ваз Фокс

Затем заокеанские визитеры отправились в Москву, куда прибыли на специальном поезде. Впоследствии американцы назовут все происходившее с ними в эти дни «торжественным путешествием». Делегация нанесла официальный визит московскому генерал-губернатору князю Владимиру Андреевичу Долгорукову. Московская городская дума вслед за Санкт-Петербургской единогласно избрала Густавуса Вазу Фокс-

Прибытие американского монитора «Миантономо» в Кронштадт в 1866 году

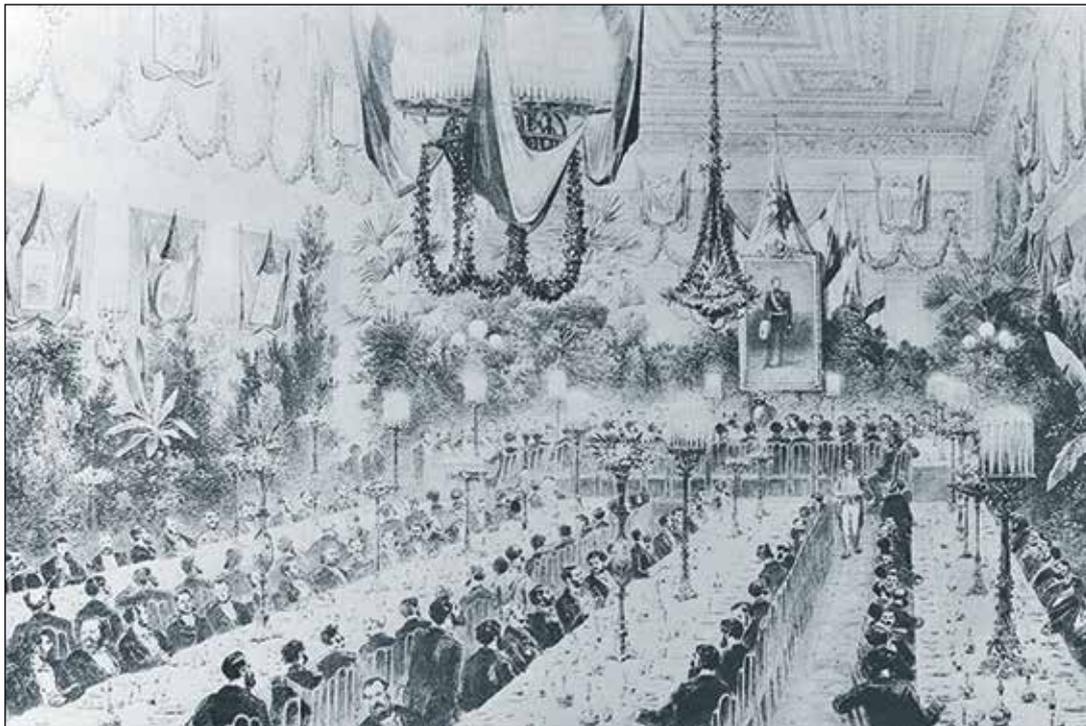
Г.В. Фокс с русскими офицерами — членами делегации. 1866 год

са почетным гражданином своего города — «в ознаменование прибытия по приглашению городского общества в Москву делегации Северо-Американских Соединенных Штатов для принесения Государю Императору Александру II и всему русскому народу поздравления по случаю избавления от опасности, грозившей Его Величеству, и в знак особенного уважения городского общества к господину посланнику Фоксу, возглавившему это посольство».

Делегацию принимали в Первопрестольной со всем радушием. Кто-то из американцев позже вспоминал: «Обеды следовали один за другим, и после того как мы благополучно пересекли океан, мы рисковали утонуть в море шампанского».

Большое впечатление на Фокса и его спутников произвело посещение Московского Кремля — дворцов, Грановитой и Оружейной палат. Они с интересом осматривали Царь-пушку и Царь-колокол, арсенал, где хранились трофейные оружейные стволы наполеоновской Великой армии, изготовленные во Франции, Саксонии, Пруссии, Австрии, Вюртемберге, Гессене и прочих европейских государствах, покоренных Бонапартом. Посланцев далекой Америки ознакомили и со

многими другими достопримечательностями Москвы. А затем на речных пароходах, поездах, тройках «покатили» по Центральной России: Нижний Новгород, Кострома, Тверь... Гостей всюду принимали главы губерний и именитые горожане, начальники местных воинских гарнизонов. Восторг американцев вызвала Нижегородская ярмарка. В старинном городе Костроме Фоксу подарили бюст уроженца Костромского края, национального героя России Ивана Сусанина, а также с гордостью сообщили, что Осип Комиссаров — человек, спасший императора Александра II от пули злоумышленника, — тоже из здешних мест. В Твери среди прочего адмиралу Фоксу показали только что открывшийся зоопарк, после чего вручили диплом почетного члена тверского отделения Императорского русского общества акклиматизации животных и растений. Когда во время одного из обедов губернатор спросил Фокса, какой уголок губернии он хотел бы посетить, тот ответил: «Кимры, где, как я слышал, шьют превосходную обувь». Американцев тут же доставили на колясках в это старинное русское селение, и местные сапожных дел мастера «показали Фоксу

Обед, данный московским городским обществом в честь американской делегации в зале Московской городской думы. 1866 год

множество сапог и ботинок самых разных фасонов и размеров»¹⁷. Из Твери в Санкт-Петербург возвращались по железной дороге. Череповецкому купцу Милютину удалось проникнуть в вагон Фокса и угостить его своим особым ситным хлебом. Густавус Ваза Фокс остался настолько доволен качеством русского хлеба, что передал через Милютина в дар городу Череповцу звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов.

Американская эскадра снималась с якоря 3 сентября 1866 года. К стоящим в Кронштадте «Миантономо» и «Аугусте» подошел русский пароход-фрегат «Рюрик», на борту которого морской министр Н.К. Краббе дал прощальный завтрак.

Адмирал Густавус Ваза Фокс покидал Россию с чувством исполненного долга. Перед его заокеанским визитом в Вашингтоне активно обсуждалась перспектива покупки у Российской империи Аляски. Фокс среди прочего должен был в Санкт-Петербурге «под рукой» прозондировать, что думают русские по данному вопросу. Здесь можно заметить следующее: в США адмирал Фокс вернулся убежденным сторонником сделки, лишившей Россию места на американском континенте. К финалу этой истории мы теперь и переходим.

* * *

Еще в самом начале 1866 года американский посланник в Санкт-Петербурге К. Клей повел дипломатическую игру, готовя почву для возобновления переговоров по Аляске. Важно было прежде всего соответственно настроить общественное мнение. Думается, Клею здесь удалось многое. Вопрос стал приобретать конкретные очертания с возвращением на родину русского посланника в Вашингтоне барона Э.А. Стекля, тоже активно потрудившегося на сей ниве. 16 декабря российский МИД в присутствии императора провел «особое заседание» с участием Стекля, Великого князя Константина Николаевича, министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, министра финансов М.Х. Рейтерна и управляющего Морским министерством Н.К. Краббе. Все участники высказались за продажу русских колоний в Северной Америке, чтобы сосредоточить усилия на развитии «приморского края, где именно предстоит России будущность».

В 1867 году в Вашингтоне только и говорили об ожидающейся сделке. Тон задавали государственный секретарь США Уильям Г. Сьюард и Э.А. Стекль. Каждый из этих двух дипломатов проявил редкую изобретательность в попытках выведать позицию противоположной стороны и не продеше-

*Адмирал Николай Карлович Краббе.
Гравюра. Около 1865 года*

вить. Русские желали знать, на какую сумму они могут рассчитывать, американцы — сколь велики финансовые аппетиты русских. «Подобные действия торговых партнеров по современным меркам можно по праву причислить к самым первым известным нам разведывательным операциям США против России и России против США»¹⁸.

18 марта 1867 года в Вашингтоне госсекретарь Сьюард и посол Стебль подписали договор о продаже Россией Аляски (Русской Америки) с Алеутскими островами Соединенным Штатам. Сумма в итоге оказалась незначительной — 7 миллионов 200 ты-

сяч долларов (11 миллионов рублей). За эти деньги отдавалась территория площадью 1 519 000 квадратных километров, на освоение которой русский народ положил столько сил и человеческих жизней. Договор был ратифицирован императором Александром II 3 мая того же года. 8 июня в Вашингтоне состоялся обмен ратификационными грамотами. В Новоархангельске прошла церемония спуска российского флага.

В нашу задачу не входит геополитический анализ этой «сделки века», равно как и обзор существующих сегодня на сей счет мнений. В дореволюционной же России устоялась следующая оценка факта продажи Русской Америки: «На восточной окраине Азии Россия в царствование Александра II <...> сделала довольно важные приобретения, к тому же еще мирным путем. По Айхунскому (Айгунскому) договору, заключенному с Китаем в 1857 г., к нам отошел весь левый берег Амура, а Пекинский договор 1860 г. предоставил нам и часть правого берега между р. Уссури, Кореей и морем. С тех пор началось быстрое заселение Амурской области <...> и даже Курильских островов. <...> Чтобы не разбрасывать своих сил и округлить азиатскую границу, правительство решило отказаться от бывших наших владений в Северной Америке и за денежное вознаграждение уступило их Соединенным Северо-Американским Штатам, что послужило основанием нашей дружбы с последними»¹⁹.

¹Петров В. Русские в истории Америки. М., 1991. С. 13.

²Чекуров М.В. Загадочные экспедиции. М., 1991. С. 32.

³Дивин В.А. К берегам Америки. М., 1956. С. 26.

⁴Там же. С. 159.

⁵Макарова Р.В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке // Вопросы географии. 1950. Сб. 17. С. 34–41.

⁶Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991. С. 3–4.

⁷Толмачев Е.П. Александр I и его время. Кн. 2. М., 1998. С. 162.

⁸ПСЗ. Т. XXXIII. № 28747.

⁹Пономарев В.Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993. С. 42.

¹⁰Русский вестник. 1856. Т. 1. Кн. 2. Раздел «Политическое обозрение». С. 79.

¹¹Толмачев Е.П. Указ. соч. С. 164.

¹²Там же.

¹³Г.В. Чичерин о позиции России в период Гражданской войны в США в 1861–1865 гг. // Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 118.

¹⁴Красный архив. 1930. № 1 (38). С. 156.

¹⁵Шишов А.В. 100 великих покушений. М., 2010. С. 28–284.

¹⁶Записки И.А. Черевина. Кострома, 1918. С. 2–5.

¹⁷Годовицын В.В. 1866. Американцы в Твери. Тверь, 2009. С. 4–28.

¹⁸Очерки истории российской внешней разведки. М., 1966. С. 161.

¹⁹Александр II // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 1. СПб., 1890.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Интересные подробности описанного выше визита Густавуса Вазы Фокса в нашу страну находим в «Российском архиве» (Т. VI. М., 1995. С. 336–343. Публикация А.Н. Гусаровой). Перепечатываем этот материал (с незначительными сокращениями) в качестве дополнения к основному тексту. Примечания сделаны публикатором.

Первая правительственная делегация Северо-Американских Соединенных Штатов (САСШ) в России

В РГА ВМФ хранятся документы о первом официальном посещении России представителем правительства Северо-Американских Соединенных Штатов летом 1866 года. Ответственная миссия была возложена на помощника морского министра САСШ капитана Густава Фокса, который по поручению президента САСШ Э. Джонсона должен был доставить в Россию резолюцию Конгресса, принятую в связи с покушением на Александра II. Этой миссией президент Джонсон хотел подчеркнуть неординарность события и дружеское отношение САСШ к России.

Для приема Фокса в России была образована особая комиссия из офицеров и специалистов флота, которую возглавил контр-адмирал С.С. Лесовский, побывавший в 1863 году в Америке с эскадрой русских судов.

Программа пребывания американской делегации предусматривала, помимо официальных визитов, завтраков и обедов, посещение и осмотр адмиралтейств, заводов, учебных заведений, храмов и соборов, дворцов, Эрмитажа, Академии наук, поездку в Москву, Нижний Новгород, Кострому (а также Тверь. — *Ред.*).

25 июля 1866 года около 10 часов утра в сопровождении судов броненосной эскадры Балтийского флота два американских корабля — монитор «Майантономо» и пароход «Августа» (оставляем это написание. — *Ред.*) — отшвартовались на малом Кронштадтском рейде. Капитан Фокс с двумя секретарями находился на мониторе. <...>

О визите американской делегации было широко известно в России. На имя Фокса поступали телеграммы с приветствиями и приглашениями от моряков, купцов, представителей городов.

9 августа Фокс <...> сопровождал Александра II во время посещения Кронштадта. 10 августа в честь Фокса был дан обед в Большом Петергофском дворце. 11 августа Фокс с офицерами в сопровождении С.С. Лесовского выехали в Москву. Затем американская делегация посетила ярмарку в Нижнем Новгороде и Кострому, «дабы видеть дом, в котором жил Михаил Федорович Романов с матерью, когда его призвали на царство» (Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 154).

20 августа представители русского купечества телеграфировали в Кострому: «Ярмарочное русское купеческое общество, простившееся с американской миссией в Нижнем, поздравляет с благополучным прибытием и дружески приветствует» (Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 178).

Как отмечал Н.К. Краббе (Морской министр России. — *Ред.*), «прием американцев повсюду, где они появлялись, отличается <...> радушием и энтузиазмом. <...> Американские суда просто осаждаются посетителями» (Ф. 410. Оп. 2. Д. 2432. Л. 177). Во время посещений различных учреждений Фоксу были преподнесены многочисленные подарки, документы и книги по интересующим его вопросам.

В начале сентября американские корабли покинули Россию. <...>

Через три года, в январе 1869 года, Александру II от имени купцов Милютиных, уроженцев г. Череповца, была подарена картина («виньетка в рамке»), изображающая «воспоминание о посещении России американцами в 1866 г.». Копию картины Краббе отправил Фоксу в Америку.

Письмо Фокса к Краббе, завершающее публикацию, свидетельствует, что автор его сохранил самые приятные впечатления о посещении России, ему доставило искреннее удовольствие отблагодарить русских за прием, оказанный ему и в его лице американскому народу, первым официальным представителем которого в России он являлся.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

* * *

Письмо российского посланника в Северо-Американских Соединенных Штатах Стекля управляющему Морским министерством Н.К. Краббе¹

Мая 3/15 дня 1866 г.

Министерство иностранных дел.

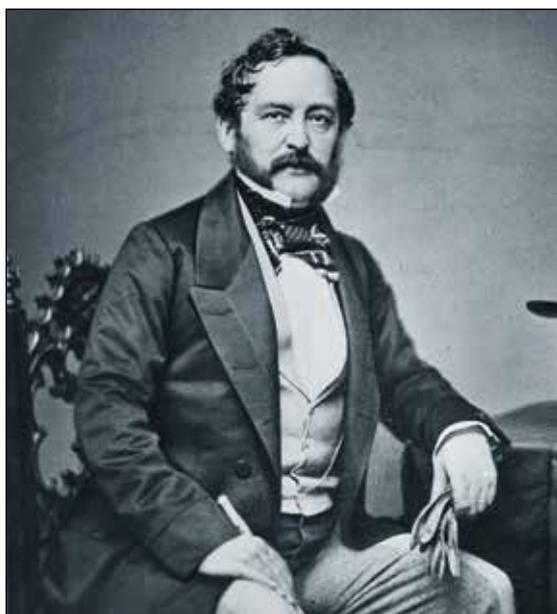
Российская императорская миссия в Северо-Американских Соединенных
Штатах.
Вашингтон.

Милостивый государь, Николай Карлович!

Вашему превосходительству, вероятно, известно, что Президент Джонсон предписал посланнику Северо-Американских Соединенных Штатов в Петербурге поздравить Государя императора по случаю спасения Его величества от угрожавшей ему опасности².

Сенат и Палата депутатов Конгресса, желая с своей стороны выразить сочувствие и уважение к Августейшей особе нашего Монарха, единогласно приняли резолюцию, приложенную к сему в копии. <...>

Подобное решение представителей народа здешней страны без примера в истории Соединенных Штатов, и Президент захотел придать ему еще большее значение, поручив Товарищу морского Министра, капитану (адмиралу. — *Ред.*) Фоксу, поднести означенную резолюцию Его императорскому величеству.

Барон Эдуард Андреевич Стекль

Г. Фокс отправится в Европу на мониторе «Майантоном» (Miantonomoh), одном из лучших по постройке в американском флоте. Я льщу себя надеждой, что Ваше превосходительство сделает все от Вас зависящее для оставления в г. Фоксе приятного воспоминания о России, тем более что он, будучи одним из влиятельнейших лиц здесь, постоянно старался оказывать все возможные услуги морским офицерам, находившимся в Америке по поручениям от нашего Правительства. Это обстоятельство дает мне также право иметь честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, всенижайше довести от меня до сведения <...> Великого князя Константина Николаевича, имя и заслуги которого пользуются общеизвестностью и уважением

в Соединенных Штатах, что Его императорское высочество в качестве генерал-адмирала русского флота польстит всем американским морякам, приняв с особенным вниманием одного из самых достойных из числа их, соединяющего с учеными и административными практические познания.

Предполагая, что в памяти всех наших морских офицеров до сих пор должны быть живы рассказы о гостеприимстве, с каким приняты тому три года назад их товарищей в Америке³, я как представитель России здесь, без сомнения, буду иметь счастье услышать, что наш флот воспользуется редким случаем иметь в русском порту американский военный корабль и захочет встретить с радушием г. Фокса и гг. офицеров, подчиненных его.

Покорнейше прошу Ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности.

Стекль

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

* * *

Совместная резолюция Сената и Палаты представителей Конгресса Соединенных Штатов⁴

Май 1886 г.

Решение.

Конгресс Соединенных Штатов Америки с чувством глубокой скорби узнал о покушении на жизнь императора России, покушении, сделанном врагом эмансипации.

Конгресс шлет свои поздравления Его императорскому величеству и Русской нации и поздравляет 20 миллионов освобожденных от крепостной зависимости по случаю чудесного избавления от опасности государя, высоким помыслам и сердечной доброте которого обязаны они благодеяниями дарованной им свободы. Также решено просить Президента Соединенных Штатов представить копию настоящей резолюции Его величеству императору всероссийскому.

* * *

Письмо контр-адмирала С.С. Лесовского старшинам Кронштадтского Морского собрания⁵

В Кронштадтское Морское собрание.

Г. Управляющий Морским министерством поручил мне быть главным руководителем при приеме капитана Фокса и офицеров американской эскадры. Вспоминая тот радушный и истинно дружеский прием, то гостеприимство, которыми пользовались наши эскадры в Бостоне, Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско, я считаю долгом уведомить гг. членов Кронштадтского Морского собрания о скором прибытии наших заокеанских друзей, потому что наши моряки в главном пункте своего местопребывания, в Кронштадте, захотят принять участие во встрече и приеме дорогих гостей и угостить их с русским радушием в оплату за то угощение, которым пользовались многие из них.

Сообщая о скором прибытии американской эскадры, имею честь просить гг. старшин Морского собрания сделать зависящие распоряжения и не оставить меня уведомлением о результатах настоящего сообщения⁶.

Свиты Его величества
контр-адмирал Лесовский.
6 июля 1866 г.

* * *

Телеграмма московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова министру государственных имуществ А.А. Зеленому⁷

4 августа 1866 г.

Телеграф главной станции.

ПБГ. МСК. Министру государственных имуществ. В казенном доме.

Завтра отправляется депутация к американцам с письменным приглашением от городского головы посетить старушку-матушку Москву⁸.

Князь Владимир Долгоруков

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

* * *

Телеграмма городского головы Курска Тиханова Г. Фоксу⁹

9 августа 1866 г.
Телеграф в СПб.
В Петербург.

Господину помощнику статс-секретаря Морских сил
Северо-Американских Штатов капитану Фоксу.

Курский городской голова от имени курского купеческого и мещанского общества по единодушному желанию имеет честь принести Вам и всем прибывшим с Вами лицам поздравление с благополучным прибытием в Российскую столицу. Настоящее прибытие Ваше в Россию служит новым доказательством расположения северо-американского народа к русскому. Позвольте же просить Вас принять искреннее наше заявление, что мы живо сочувствуем расположению к России северо-американского народа и что такое сочувствие Северной Америки к России мы высоко ценим как семейную связь великих народов.

Городской голова Тиханов с купеческим и мещанским обществом

* * *

Телеграмма Г. Фокса городскому голове Курска Тиханову¹⁰

[10 августа 1866 г.]
Курск — городскому голове.

Выражая мою глубокую признательность за Вашу депешу, я буду счастлив передать моим соотечественникам то сочувствие, с которым Россия приняла поздравление американского народа.

Фокс

* * *

Телеграмма исполняющего должность командира Севастопольского и Главного командира Николаевского портов вице-адмирала М.П. Манганари С.С. Лесовскому¹¹

Императорский телеграф в Кронштадте.
<...>

Подано в Николаеве 11 августа 1866 г.
Получено в Кронштадте 12 августа 1866 г.
Адмиралу Лесовскому.

Узнав о приходе в Кронштадт американской эскадры, Черноморцы поздравляют Балтийцев с прибытием дорогих гостей, которым просят передать искреннее уважение как братьям по ремеслу и представителям глубоко уважаемого народа.

Вице-адмирал Манганари

* * *

Любопытная переписка¹²

Нижеследующая переписка (на самом деле одно письмо. — *Ред.*), помещенная в газете Portsmouth Journal, показывает чувства, питаемые Россией к этой стране и к одному из граждан Ловеля (Лоуэлл, штат Массачусетс, — город, где жил и умер Густавус Ваза Фокс. — *Ред.*). Мы с удовольствием перепечатаем оную.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Письмо от Морского министра вице-адмирала Краббе

Петербург, Россия, мая 21, 1869 г.
Достопочтенному Густаву Фоксу. <...>

Милостивый государь.

Русский народ никогда не забывает почтения и уважения, высказываемого его любимому императору, и память об американском посольстве 1866 г. еще свежа. В доказательство этого факта имею честь по просьбе череповецких купцов братьев Милютиных переслать Вам рамку, в которой вставлено изображение небольшого подстава¹³; картина эта была представлена государю императору и милостиво одобрена Его величеством.

Льщу себя надеждой, что эта картина будет служить для Вас и Ваших близких приятным воспоминанием того впечатления, которое произвело в России посольство от Американского Конгресса, бывшее под Вашим начальством.

Пользуюсь этим случаем, чтобы уверить Вас в моем уважении и имею честь быть.

Описание рамы и картины. Рама резная, из русского дерева разных цветов, сделана по рисунку полковника Мюссара. Резная работа была сделана в 12 дней русским крестьянином Леонтьевым. Предметы, изображенные на раме, суть следующие. Византийский крест. Чаша. На каждой стороне по звезде. Русская солонка. Хлеб. Русское полотенце. Герб Новгородской губернии. Голубь с масличной веткой.

Самая картина изображает подстав с надписями на нем. По обеим сторонам рамки представлены колосья, эмблемы плодородия. Вся работа сделана в чисто русском стиле.

* * *

Письмо Г. Фокса к Н.К. Краббе¹⁴

Его превосходительству г. вице-адмиралу Краббе,
генерал-адъютанту и Морскому министру.
3 февраля 1870 г. Ловель, Массачусетс в Сев. Амер. Штатах. <...>
Милостивый государь.

Чсть имею уведомить о получении письма Вашего из С.-Петербурга от 21 мая 1869 г., в котором Вы сообщаете мне о лестном впечатлении, произведенном в России особым посольством от Конгресса Северо-Американских Соединенных Штатов в 1866 г., которого я имел честь быть главою и которое служило выражением чувств, связующих американскую нацию с Россиею.

Картина, упоминаемая в Вашем письме, которую удостоил своим одобрением Его императорское величество, была получена вскоре после того и составляет в настоящее время самый видный и привлекательный предмет в моем доме. Эта картина служит залогом воспоминания того момента в истории обеих наций, когда обе они жили одною жизнью и Америка разделяла с Россией опасения и радости. Портреты Их императорских величеств, подаренные адмиралом Лесовским, фотографии князя Горчакова и г-на Морского министра, чтимые дары из собственных их рук, портрет Его высокопреосвященства митрополита Филарета, красивые дипломы на звание почетного гражданства от Кронштадта, Петербурга и Костромы вместе с последнею картиною составляют драгоценные документы нашего дома.

Великолепный миниатюрный портрет величайшего из российских монархов, разукрашенный бриллиантами и дарованный Его императорским величеством, был представлен всем лицам нашего Правительства в Вашингтоне, и Конгрессом издан особый закон, предоставляющий мне право принять этот подарок.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Великолепная шкатулка из малахита, поднесенная С.-Петербургскою ду-мою, была выставлена публично и заслужила всеобщее удивление.

Диплом на звание почетного гражданина Москвы, с которым я был поздравлен в самый день приезда в эту столицу <...> князем Щербатовым, городским головою, и которое впоследствии подтверждено было депешою российского посланника в Вашингтоне, еще не получен¹⁵.

11 числа сего месяца я послал Вам через гг. Остин, Болдвин и К^о в Нью-Йорке на Бременском пароходе ящик, содержащий нижеследующие предметы:

Для одного из братьев Милютиных:

История флота Соед. Штатов в 2-х частях.

Пистолет.

Визитная карточка.

Для другого брата Милютина:

Национальный реестр, I часть.

Пистолет.

Визитная карточка.

Полковнику Мюссару:

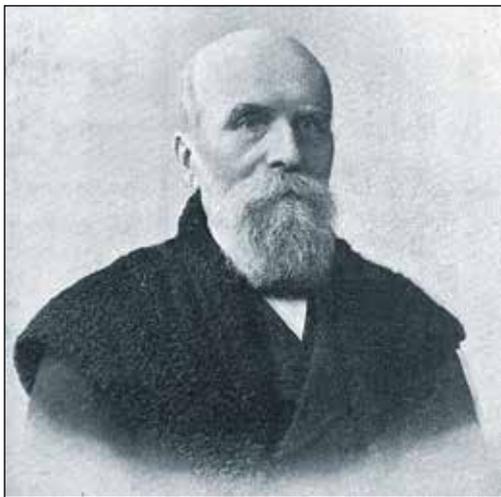
Рапорты Секретаря флота Соед. Штатов в годы восстания, в 4-х частях.

Рапорт главного строителя мостов в Иллинойсе и St. Louis, 2 брошюры.

Крестьянину Леонтьеву:

Американский флаг.

Покорнейше прошу Ваше превосходительство принять на себя труд при-казать, чтобы эти ничтожные предметы были доставлены по принадлежности в знак моей признательности щедрым жертвователям за поднесение мне на-стоящей картины в то время, когда мои официальные обязанности уже были окончены.

Иван Андреевич Милютин

В этом же ящике заключаются:

Штуцер Спенсера, заряжающийся с дула или с казенной части, по же-ланию.

Американский флаг.

Русский флаг, изготовленный по моей просьбе в здешнем городе.

Официальный рапорт касательно принятия однообразной системы для нарезов винтов и гаек, с приложением образцов.

Письмо к Секретарю флота Соед. Штатов от инженера, строившего броненосные суда для наших запад-ных рек, с предложением некоторых изменений в системе устройства мо-ниторов, и Книга образчиков амери-канских ситцев.

13/25 августа 1866 г. я посетил одну из ситцевых фабрик в Москве, и взятые мною оттуда образчики ситцев нашли многих подражателей в этой части Со-единенных Штатов; многие из этих рисунков с некоторыми изменениями пе-чатаются с большим успехом.

Желание отвечать услугою за услугу побудило меня собрать эти образчики для раздачи их ситцевым фабрикам в России, как будет признано за лучшее.

Посылаемые флаги служат для указания принятого здесь способа окраски их во всевозможные цвета, дабы избежать швов.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Один из флагов, назначенный мною для Вашего превосходительства, надеюсь, будет принят Вами в знак воспоминания последних минут, проведенных на «Рюрике».

Скорострельный магазинный карабин я желал бы поднести Его императорскому величеству в знак глубочайшего уважения.

С совершенным почтением
имею честь быть Вашим покорнейшим слугой
Г. Фокс

¹Ф. 410. Оп. 2. Д. 2862. Л. 2–3. Подлинник. На письме имеются пометы Н.К. Краббе: 1. «Должено государю императору и Высочайше повелено принять с русским радушием, для чего составить программу приема и потребные на это деньги получить из Государ. казначейства сверхсметным кредитом. 23 мая 1866 г. Царское Село. Н. Краббе». 2. «Поручено составление программы к[онтр]-а[дмиралу] Лесовскому. Сообщено Его превосходительству С.С. Лесовскому 26 мая. № 1612». (Даты отправленных из США писем в данном и ряде других случаев указаны по старому и новому стилю, принятым тогда соответственно в России и странах Запада. — *Прим. ред.*)

²На Александра II было совершено покушение Д.В. Каракозовым 4 апреля 1886 г.

³Имеется в виду пребывание русских кораблей в Америке в сентябре 1863 г., когда в период Гражданской войны впервые в Нью-Йорк пришла русская эскадра в составе пяти кораблей под командованием контр-адмирала С.С. Лесовского. Американцы встретили русских моряков восторженно. На приеме в ратуше мэра Нью-Йорка, приветствуя офицеров эскадры, сказал: «Мы желаем через вас заявить наше уважение и нашу дружбу вашему правительству и народу. Мы признаем в вашем государе императоре Александре просвещенного правителя могущественной страны. В его подданных мы видим мужественный и предприимчивый народ, который идет быстрым шагом по пути прогресса. Мы высоко ценим сочувствие и дружбу такого народа» (Морской сборник. 1863. № 11).

⁴Публикуется перевод резолюции (Ф. 410. Оп. 2. Д. 3046, Л. 7 об.—8; копия на англ. яз. — Д. 2862. Л. 4).

⁵Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 40. Рукописная копия.

⁶28 июля 1866 г. в Морском собрании Кронштадта в 5 часов вечера в честь офицеров американских кораблей был дан обед, который сопровождался «хором музыкантов», присланных из 4-го флотского экипажа (Ф. 283. Оп. 2. Д. 206. Л. 232; Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 112).

⁷Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 142. Телеграфный бланк.

⁸Москва готовила самый радушный прием и хотела показать во всей широте русскую натуру (Ф. 410. Оп. 2. Д. 2432. Л. 178 об.). Приглашения поступали от многих учреждений и организаций: Синод предлагал присутствовать при наречении во епископа архимандрита Макария, министр юстиции приглашал на любое судебное заседание и т. д. (Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 47 об., 54–55). Прием, оказанный американским морякам, произвел большое впечатление. Приводим выдержку из доклада Н.К. Краббе императору Александру II: «Ваше императорское величество, одобрив мой отчет по осмотру в 1864 г. броненосной эскадры, изволили выразить, что подобные осмотры весьма полезно производить и на будущее время. В нынешнем году в отсутствие Его императорского высочества генерал-адмирала Вашему величеству благоугодно было приказать мне осмотреть броненосную эскадру, находящуюся в Транзунде. Так как день ухода моего в море, 3 сентября, совпал с днем отплытия американских судов из Кронштадта, то я предложил посланнику Конгресса Фоксу и командирам “Августы” и “Майантономо” прощальный завтрак на пароходе-фрегате “Рюрик”

и затем сопровождал их в начале пути. Последние часы, проведенные американцами посреди русских, показали еще раз, как искренне расположено их к нашему отечеству и как глубоко они ценят радушный сделанный им прием. В прощальной своей речи Фокс сказал, что “сердце его растаяло, согретое изливаниями лучей дружбы его русских друзей”, и слезы, катившиеся по лицу этого достойного и почтенного представителя американской нации, свидетельствовали, что эти слова исходили из глубины души. <...> 25 сентября 1866 г.» (Ф. 410. Оп. 2. Д. 2876. Л. 1–1 об. Подлинник). На докладе имеется помета императора: «Прочел с удовольствием».

⁹Ф. 930. Оп. 49. Д. 508. Л. 157–158. Телеграфный бланк.

¹⁰Там же. Л. 164. Рукописная копия.

¹¹Там же. Л. 170. Телеграфный бланк.

¹²Ф. 410. Оп. 2. Д. 3046. Л. 16–17. Перевод с английского.

¹³«Подстав имел следующие надписи. На лицевой стороне: “При отправлении обратно из С.-Петербурга посольства, прибывшего от американского Конгресса для поздравления государя императора по поводу чудесного спасения его жизни 4 апреля 1866 г., депутаты гор. Череповца поднесли хлеб-соль посланнику г. Фоксу и в лице его благодарили американцев за сочувствие”. На левой боковой стороне: “Фокс сказал на это следующее: как солнце стоит в середине Вселенной и соединяет своим тяготением все светила небесные, так и царь Русский соединяет в себе все чувства земли русской, и вот теперь перед нами выступает одна из единиц необъятного русского царства с чувствами беспредельной любви и преданности своему императору”. На правой боковой стороне: “Отдавая посланнику хлеб, испеченный в гор. Череповце, депутация объяснила ту его особенность, что он всегда подымается, как бы сильно ни сжали его, на что Г. Фокс отвечал: этот хлеб похож на Россию и Америку, обе эти страны также подымаются, как бы сильно ни сжали их извне”. На центре около бокала: “Бокал, сломанный Фоксом после осушения его за благоденствие г. Череповца, переданный в память о нем вместе с фотографической карточкой”. На банте около флага: “Национальный американский флаг, подаренный гор. Череповцу с собственноручной надписью Г. Фокса. <...> 3 сентября 1866 г.” Депутатами были череповецкие купцы Милютины, Озерцов, Волков и Тарасов. Рисунок подстава составлял и исполнил Мюссард» (Там же. Л. 6–8). Сам подстав был подарен купцами Милютиными городу Череповцу и хранился в Череповецкой городской думе.

¹⁴Публикуется перевод с английского языка (Там же. Л. 19–21; подлинник — Л. 22–25). Имеется помета Н.К. Краббе: «Его величество изволил благосклонно принять подносимый штуцер (см. в письме. — *Ред.*) и вместе с тем разрешил и прочим лицам принять присланные Фоксом подарки. 2 февраля 1870 г.».

¹⁵«Помимо перечисленных Фоксом подарков, Министерство внутренних дел вручило ему 37 томов изданий Министерства, в том числе “Списки населенных мест России по губерниям” (изд. 1861 и 1866 гг.) и “Численность крепостного населения России по 10-й народной переписи” (изд. 1861 г.). Музеем Горного института подарены коллекция русских минералов, образцы холодного оружия (кинжики, сабля и др.) из златоустовской стали и геологическая карта России; Синодом — три экземпляра Нового Завета, украшенного хромофотографическими изображениями работы академика Солнцева, и народное издание русского перевода Четвероевангелия. Строительное управление Морского министерства поднесло планы местности всех адмиралтейств и морских арсеналов, Кораблестроительный департамент — описание русских броненосных судов, Артиллерийский — описание морских орудий и мест их изготовления, Инспекторский — правила приема и образования морских офицеров, матросов, описание учебных заведений и др.» (Ф. 283. Оп. 2. Д. 206. Л. 387–388).

Илья Александрович Шляпкин

Первый русский историк Н.М. Карамзин (1766–1826)

Очерк жизни и творчества*

Неизвестный художник. Портрет Н.М. Карамзина

*Продолжение. Начало в № 6 за 2016 год

Карамзин-литератор уходит от полюбивших его весьма многочисленных читателей и посвящает себя в глубоком уединении делу важному и, без сомнения, трудному. «Время покажет, — писал он в последней книжке “Вестника Европы”, — мог ли я без дерзости на то отважиться».

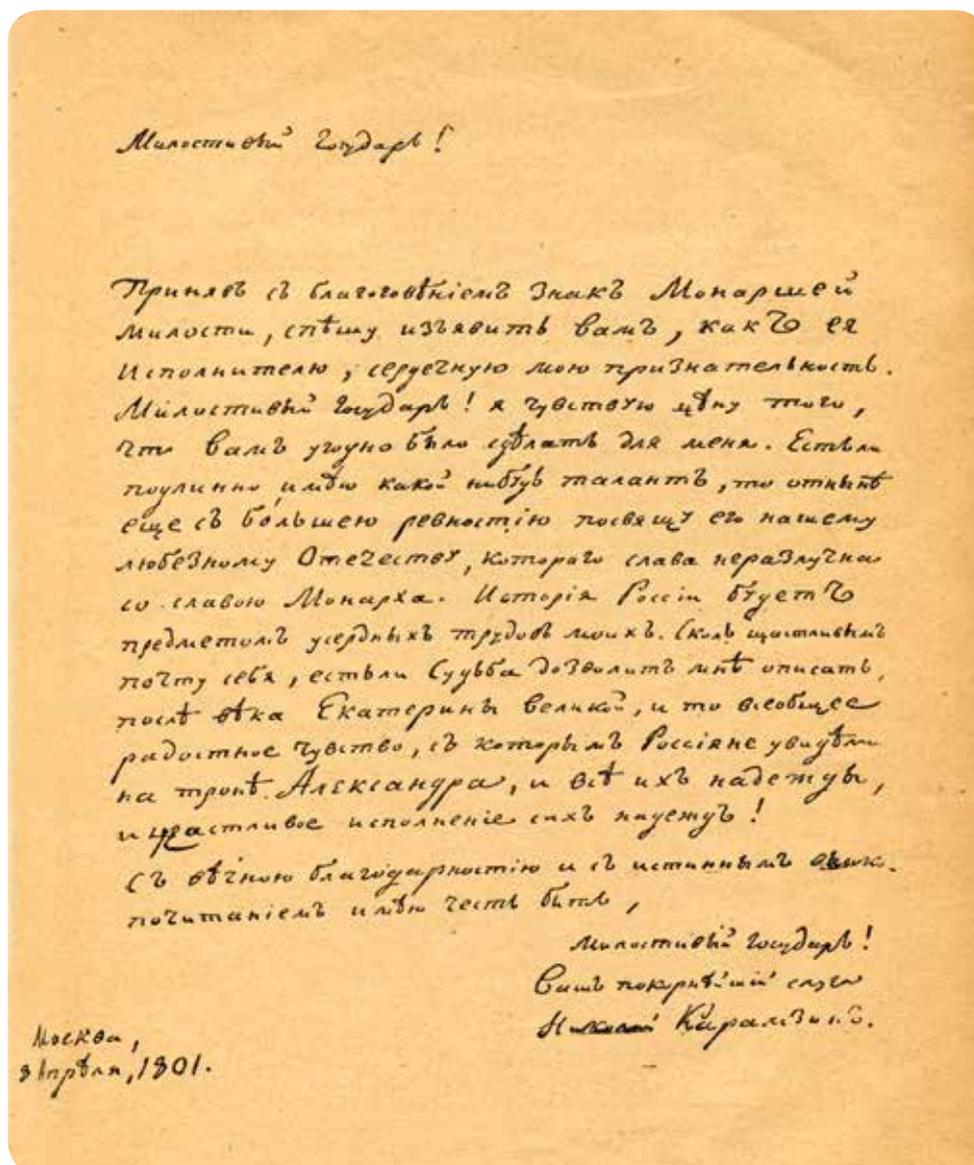
«В самом грустном расположении, в котором цветы разума и воображения не веселят нас, человек может еще с каким-то меланхолическим удовольствием заниматься историей: там все говорит о том, что было и чего уже нет». Вот слова Карамзина (1806), которые дают возможность перекинуть мостик от сентиментального направления молодого Карамзина через его журнальную деятельность к интересам автора «Истории государства Российского».

Интерес [Карамзина] к русскому прошлому был уже нами не раз отмечаем выше и в «Письмах русского путешественника», и в бытовых повестях (и даже в «Бедной Лизе»); напомним и его заявление о погружении в архивы прошлого после прекращения «Московского журнала»; не забудем, конечно, и его исторические повести; исторические наклонности Карамзина сказались, наконец, с особой силой в «Вестнике Европы»: здесь уже целый ряд исторических статей, показывающих в авторе человека, хорошо знакомого и с источниками русской истории, и с ее исследователями. Так, в статье «Тайная канцелярия» он полемизирует со Шлецером⁴⁷. Недаром же еще в 1800 году Карамзин писал Дмитриеву: «Я по уши влез в русскую историю: сплю и вижу Никона с Нестором». 6 июля 1803 года он писал брату: «Мне хочется до того времени выдавать журнал (“Вестник Европы”), пока будет у меня столько денег, чтобы жить без нужды, а там хотелось бы мне приняться за труд важнейший — за русскую историю, чтобы оставить по себе отечеству недурной монумент, но все зависит от Провидения».

28 сентября 1803 года Карамзин наконец после долгих колебаний и разговоров с И.И. Дмитриевым написал письмо товарищу министра народного просвещения, попечителю Московского университета писателю Михаилу Никитичу Муравьеву: «Имея доказательства вашего ко мне благорасположения и более всего уверенный в вашей любви к славе отечества и Русской словесности, беру смелость говорить вам о моем положении. Будучи весьма небогат, я издавал журнал с тем намерением, что-

бы принужденной работой пяти или шести лет купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы, — одним словом, сочинять Русскую историю, которая с некоторого времени занимает всю душу мою... Могу и хочу писать историю, которая не требует поспешной и срочной работы, но еще не имею способа жить без большой нужды. С журналом я лишуюсь 6000 рублей дохода. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство может иметь некоторое уважение к человеку, который способствует успехам языка и вкуса, заслужил лестное благоволение российской публики и которого безделки, напечатанные на разных языках Европы, удостоились хорошего отзыва славных иностранных литераторов, то нельзя ли при случае доложить императору о моем намерении написать историю не варварскую и не постыдную для его царствования... Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лет, ибо в это время надеюсь управиться с историей, и тогда я мог бы отказаться от пенсии: написанная история и публика не оставили бы меня в нужде. Смее думать, что я трудом своим заслужил бы профессорское жалованье, которое предлагают мне дерптские кураторы, но вместе с должностью (профессора), неблагоприятной для таланта...» М.Н. Муравьев доложил тогда же письмо государю, и такое было тогда светлое время, что 31 октября 1803 года состоялся указ, напечатанный в «Вестнике Европы», о назначении Карамзина историографом [с] 2000 рублями «ежегодного пенсионера». Карамзин ответил Муравьеву письмом, которого снимок здесь прилагается (см. иллюстрации. — *Публ.*). Карамзину были открыты по его просьбе Высочайшим повелением архивы и монастырские библиотеки.

Счастье улыбнулось Карамзину. 8 января 1804 года он женился на дочери князя А.И. Вяземского Екатерине Андреевне Колывановой, сводной сестре известного поэта и друга Пушкина⁴⁸. <...> Дом князя Вяземского, который посещали Ю.А. Нелединский-Мелецкий, князь Лобанов-Ростовский, князь Белосельский, И.И. Дмитриев, был, видимо, давно уже открыт и для Карамзина: сохранилось письмо Карамзина от 2 ноября 1796 года, где он скорбит об отсутствии князя, «чувствительном в Москве для тех, которые имели честь и удовольствие проводить иногда

*Письмо Н.М. Карамзина М.Н. Муравьеву

вечерние часы в доме князя, приятном для Муз, Граций, философов и светских людей». Карамзин не раз засиживался у князя за полночь, так что гувернер молодого князя француз Дандилли прозвал Карамзина monsieur Minuit-à-demi (полуночником).

Князь А.И. Вяземский горячо любил свою внебрачную дочь и хлопотал (хотя и тщетно) удочерить ее и дать ей часть в родовом имении. Известный Н.С. Мордвинов⁴⁹ приветствовал Катерину Андреевну со счастливым выбором мужа: «По его сочинениям видны его чуткий ум и нежное сердце. Теперь ему нечего воображать, он будет рисовать их прямо с природы — с вас самих». Карамзин на лето поселился в имении своего тестя в селе Остафьево (Подольского уезда Московской губернии) и с энтузиазмом принялся за свою излюбленную

работу. Зимой он жил, по-видимому, в московском доме князя у Колымажного двора. Князь Андрей Иванович Вяземский (†1870) поручил нашему историографу перед смертью опеку над своим пятнадцатилетним сыном, будущим поэтом князем Петром Андреевичем Вяземским, и хлопоты об имениях молодого князька.

Возвратившийся из Геттигенского университета в Москву и занимавшийся, между прочим, и у Шлецера юрист, а потом историк А.И. Тургенев⁵⁰ писал <...> (1805): «Карамзин <...> удивительные сведения имеет в критической русской истории... Он пользуется Стриттеровой⁵¹ и другими библиотеками. Пишет тихо, не вдруг, и работает прилежно. Я говорил с ним много и удивлялся его знаниям и усердию». И действительно, к февралю 1805 года Ка-

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

П.Ф. Соколов. Портрет князя Петра Андреевича Вяземского. Бумага, акварель. 1824 год

Карамзин написал вчерне первый том истории (до смерти святого Владимира, 1015 год). В этом же году Карамзин предложил в Московском университете темы на медаль: о древности кириллицы и глаголицы, о Кирилле и Мефодии, эпохах исправления славянских переводов Священного Писания и о времени и определении народа волохов, вытеснивших славян с Дуная.

Дело подвигалось вперед. А.И. Тургенев писал брату Николаю Ивановичу⁵² 23 июля 1808 года: «Вчера был у Карамзина в деревне, восхищался его образом жизни, его семейственным счастьем, наконец, его “Историей”. Я еще ни на русском, ни на других языках ничего подобного не читал... Какая критика, какое исследование, какой исторический ум и какой простой, но сильный и часто красноречивый слог! Он превзошел себя. Скажи это Шлецеру. Открытия его (Карамзина. — *Публ.*) в русской истории, собрание редких и совсем неизвестных рукописей удивит его... Какой порядок в расположении и как он умел пользоваться летописями». В 1809 году он же и тому же: «Я читал “Историю” Карамзина и радовался, что наконец русские имеют или по крайней мере скоро будут иметь историю, достойную русского народа. Такую историю... можно было написать

И.-Е. И. Вивьен де Шатобрен. Дом Вяземских в Остафье. 1817 год

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

только при материалах и источниках, которые он собрал; но к чести его еще сказать можно, что некоторые его материалы имели и другие... но не умели ими воспользоваться и не нашли в них того, что он нашел... Карамзин — один из лучших историков этого столетия, считая и прошедшее, которое прославили Шлецеры, Миллеры, Робертсоны и Гиббоны. Он смело может быть наряду с ними».

С каким энтузиазмом относился Карамзин к историческим памятникам, видно из того, что, найдя новую Волынскую летопись до 1297 года, Карамзин несколько ночей не спал от радости. Друзья Карамзина отметили, что он стал просто несносным — только и разговоров, что об истории.

Сам Карамзин располагал библиотеками: богатой личной, Московского университета, Санкт-Петербургской публичной, <...> Московской синодальной, правительственными и некоторыми иностранными и монастырскими архивами и т. д. Был привлечен огромный материал русский и иностранный, рукописный, печатный. Карамзин проверял всякое указание своих друзей: инициатива в поисках нужного материала везде принадлежала Карамзину.

Работе Карамзина помогали и другие лица: книгами и документами уже упомянутый А.И. Тургенев, известный собиратель руко-

писей граф А.И. Мусин-Пушкин (†1817), заведовавший Московским архивом Министерства иностранных дел А.Ф. Малиновский, археографы К.Ф. Калайдович, П.М. Строев, В.М. Рихтер (историк медицины в России), Н.Н. и Д.Н. Бантыш-Каменские⁵³. Помогали своим влиянием Н.Н. Новосильцев⁵⁴, <...> Ф.В. Ростопчин, министр внутренних дел О.И. Козодавлев, члены кружка «Арзамас».

По-видимому, через Ростопчина Карамзин познакомился с Великой княжной Екатериной Павловной.

Великая княжна Екатерина Павловна, впоследствии королева Вюртембергская, вышла замуж в 1809 году за герцога Георга Ольденбургского. Муж ее был назначен генерал-губернатором в Тверь, и здесь для них был выстроен дворец. Письма Великой княгини — большей частью на французском языке — <...> показывают, что, несмотря на плохое знание русского языка, она любила Россию, была знакома с литературой и историей русской и гордилась своей родиной. Карамзин впоследствии посылал в Штутгарт⁵⁵ новые книги по истории России, в том числе и свою «Историю». Карамзина она почитала как человека «чувствительного и добродетельного» и с удовольствием слушала его «Историю». Но не надо думать, что Карам-

**Тверской дворец, где Карамзин читал свою «Записку о древней и новой России» императору Александру I*

*А.-Ф. Ризонер. Портрет
Великой княгини Екатерины Павловны.
Холст, масло. 1819 год*

*А.П. Рокшкуль. Портрет
императора Александра I.
Миниатюра. 1817 год*

зин почивал на розах. В 1810 году он получил благодаря хлопотам И.И. Дмитриева крест Святого Владимира 3-й степени «за усердие по распространению российских изящных письмен и словесности, а наипаче за труды в изысканиях и составлении отечественной нашей истории». Тогда попечитель Московского учебного округа Голенищев-Кутузов подал министру народного просвещения графу Разумовскому формальный донос на Карамзина <...>: «Сочинения Карамзина исполнены вольнодумческого и якобинского яда... Он явно проповедует безбожие и безначалие... Не орден бы ему надо дать, давно бы пора его запереть» и прочее. Но благодаря Великой княгине донос остался без последствий.

В середине марта император Александр I приехал в Тверь. И.И. Дмитриев, тогда уже министр юстиции, сообщил Карамзину желание императора видеть историографа: Карамзина хотели в это время (или позднее) сделать министром народного просвещения. Екатерина Павловна представила в своем кабинете Карамзина и его жену государю, только что приехавшему, и «разговор наш, — говорит Карамзин, — впятером

продолжался около часа». Затем Карамзины два раза обедали с государем, а 17 марта Николаю Михайловичу приказано было явиться для чтения в восемь часов, причем «никого из посторонних не будет». Тут Карамзин читал императору отрывки из «Истории» и знаменитую «Записку о древней и новой России»⁵⁶. Тогда «Записка...» не понравилась императору Александру, но впоследствии его взгляд изменился. «История государства Российского» доведена лишь до 1612 года, а в «Записке...» мы знакомимся с историческим мирозерцанием великого русского историка во всем его объеме. Впоследствии, впрочем, во взглядах Карамзина происходили частные изменения. Можно не соглашаться с его пожеланиями в наше время, находить ошибки в его обобщениях, но это ошибки, вызванные состоянием разработки русской истории того времени; можно упрекать его в исторической близорукости, но нельзя усомниться в его искренности, в его желании сказать без лести и прикрас то, что он считал истинным и справедливым. «Записка...» дает ключ к пониманию государственных течений и в последующие за Карамзиным царствования.

**Портрет Н.М. Карамзина с гравюры А. Флерова. 1827 год*

«Записка...» распадается на две части: первая, и для нас наиболее важная, — обзор хода русской истории; вторая — разбор царствования Александра I до 1811 года. «Настоящее бывает следствием прошедшего; чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее». После призвания князей исчезли междоусобия, и благодаря победам установилось «единовластие на развалинах множества держав народных, из коих составила Россия». В XI веке при Ярославе «Россия не только была обширным, но, в сравнении с другими, и самым образованным государством». Она погибла из-за разделения благодаря удельной системе (Карамзин считал этот порядок с 1054 года). Слабую Россию легко победили и завладели ею варвары-монголы, и казалось, Россия погибла навеки, но «городок, едва известный до XIV века, возвысил главу и спас отечество — да будет честь

и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя собирателя земли Русской, есть первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира... Глубокомысленная политика князей московских не удовольствовалась собранием частей в целое; надлежало еще связать их твердо и единовластие усилить самодержавием: при Иоанне III произошла органическая связь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу, подновленных... связью с монголами, византийских и некоторых варяжских... Внутри самодержавие укоренилось... всякая власть была изливанием монаршей... Наконец, царь сделался для всех россиян земным богом. Иоанн IV, возлюбив кровь, лил оную без вины... Никогда и нигде грозное самовластие не предлагало столько жесто-

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.М. КАРАМЗИНА

ких искушений для народной добродетели — для верности или повиновения; но сия добродетель даже не усомнилась в выборе между гибелью и сопротивлением». Годунов «среди великих усилий человеческой мудрости и в слиянии добродетелей наружных погиб как жертва властолюбия неумеренного, незаконного, в пример векам и народам». Лжедмитрия, «приветствуемого усердно народом при въезде в Москву, россияне перестали уважать за презрение к народным обычаям. Уступчивость Шуйского и самолюбие бояр (ограничивших его власть) кажутся равным преступлением в глазах потомства. Многоглавая гидра аристократов недолго властвовала в России. Правительство рушилось, государство погибало. История назвала Минина и Пожарского спасителями отечества; отдадим справедливость их усердию, не менее и гражданам, которые в сие решительное время действовали с удивительным единодушием. Вера, любовь к своим обычаям и ненависть к чужеземной власти произвели общее славное восстание народа под знаменами некоторых верных отечеству бояр. Москва освободилась... Бедствия мятежной аристократии просветили граждан и самих аристократов: и те и дру-

гие единогласно и единодушно наименовали Михаила самодержавным монархом неограниченным⁵⁷. Древние княжеские роды, без сомнения, имели более права на корону, но у них было много родственников: они могли бы дать им власть фактическую и тем ослабить самодержавие». <...>

[Далее] Карамзин переходит к эпохе Петра. Россияне при Романовых сближались с Европой: явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских уставах, в системе дипломатической, в области воспитания и учения, «ибо нет сомнения, что Европа еще от XII до XVIII в. далеко опередила нас в гражданском просвещении. Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов насилия. Явился Петр. Он сквозь бури и волны устремился к своей цели... Он имел великодушие, проникание, непоколебимую волю, деятельность, неутомимость, умение выбирать слуг. Но была и вредная сторона его царствования (оставим его личные пороки) — Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государства... Он — не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что

Остафьево. Карамзинская комната. Фотография 1907 года

иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хвала и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?.. Русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ... Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России: виною — Петр!» Далее указаны ужасы самовласти в Тайной канцелярии, работавшей день и ночь в Преображенском, и падение духовенства. «Первосвятители наши уже стали только угодниками царей и на кафедрах языком библейским произносили им слова похвальные... Если государь судит сановников Церкви или награждает мирскими почестями⁵⁸ и выгодами, то Церковь подчиняется мирской власти и теряет свой характер священный: усердие к ней слабеет, а с ней и вера». Далее указан неудачный выбор места для новой столицы. Но сильною рукою дано новое движение России: мы уже не возвратимся к старине.

Слабость преемников Петра повела к образованию олигархии. Анна [Иоанновна] утвердила власть неограниченную, Остерман⁵⁹ создал твердое положение для России в системе европейской, Миних⁶⁰ «оживил воинские учреждения», но привязанность к пьяному Бирону⁶¹ «омрачила жизнь и память Анны в истории». «Лекарь-француз⁶² и несколько пьяных гренадер возвели дочь Петрову на престол... Елизавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять государством. Несмотря на то, россияне хвалили ее царствование: она изъявляла к ним более доверенности, нежели к немцам; восстановила власть Сената, отменила смертную казнь, имела любовников добродушных, страсть к веселью и нежным стихам. Темная сторона: участие в бесконечной войне, тяжелые для народа монополии... Грозы самодержавия еще пугали воображение людей... Екатерина II была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России. Главное дело ее — смягчение самодержавия без утраты своей силы... Исчезли страхи Тайной канцелярии, дух рабства. Мы приучались судить, хвалить в делах государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась с собою, но побеждала желание мести — добродетель превосходная в мо-

нархе... Внешняя политика ее достойна особой похвалы... Умела выбирать людей, создала нужную зависимость (через знаки отличия) дворянства от короны». Отмечается, однако, и «развращение нравов, примеры двора любострастного, умножение питейных домов, отсутствие правосудия, роскошь. В государственных учреждениях Екатерины видим более блеска, чем основательности... Последние годы мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину. Павел взошел на престол в то благоприятное время, когда ужасы французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства... Но что сделали якобинцы в отношении к республикам, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оно... начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти. Россияне смотрели на сего монарха, как на грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней. Она пришла... и в домах, на улицах люди плакали от радости, обнимая друг друга, как в день Светлого Воскресения».

После рассуждения о значении заговоров, которые признаются бедствием, колеблющим основу государства, и опасным примером для будущего, Карамзин переходит ко второй части своей «Записки...». «Доселе говорил о царствиях минувших, теперь буду говорить о настоящем с моею совестью и с государем, по лучшему моему разумению. Какое имею право? Любовь к отечеству и монарху, некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира... Чего хочу? С добрым намерением испытать великодушие Александра и сказать, что мне кажется справедливым и что некогда скажет «История»».

Карамзин отрицательно высказывается о конституции в России: «Кто будет блюсти неприкосновенность закона, поставляемого выше монарха? Выбираемые государи будут угодники выбираемой государством аристократии, и что делать, если монарх нарушит устав?.. Самодержавие основало и воскресило Россию, с переменою государственного устава ее — она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных... Лучший способ обуздать своих наследников в злоупотреблении властью — царствовать добродетельно и приучить своих под-

*С. Тончи (?). Портрет графа
Ф.В. Ростопчина.
Холст, масло. 1800 год*

данных ко благу. Будущие государи будут удержаны страхом возбудить всеобщую ненависть в случаях противной системы царствования». При разборе внешней политики Александра Карамзин стоит за союз, а не войну с Бонапартом. <...> Карамзин подвергает резкой критике учреждение министерств и косвенно задевает проект Сперанского⁶³. Власть министра неограниченна и не разъяснена, а все внимание обращено на канцелярские формы. Слишком сложно Министерство внутренних дел. Напрасно унижен при министрах Правительствующий сенат, только обнародующий указы и законы, предлагаемые министрами. Значение его еще понизилось учреждением Государственного Совета. <...>

Говоря о распространении образования, Карамзин по-прежнему думает, что основой должно быть усиление вообще низшего образования, а потом уже высшего. При учреждении университетов мы образовали их по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. Надо было увеличить среднее образование. Критикуются польза (давно уже отмененных) экзаменов на высшие чины, последствия запрещения продажи рекрутов, вред новых налогов,

ассигнации и металлизм⁶⁴, учреждение заемного банка, отсутствие свода законов, отсутствие ответственности министра за избранных им высших чиновников (худы капитан-исправники — виновны губернаторы, виновны министры и пр.); он опасался системы откупа — спаивания народа — и бессовестных судей. Здесь же находится и самое слабое место «Записки...»: Карамзин был противником освобождения крестьян без земли и без надзора — землю он считал собственностью дворян как служилого сословия. До идеи выкупа земли государством Карамзин не додумался. Таковы же мысли об освобождении крестьян Ф.В. Ростопчина, Г.Р. Державина, Н.С. Мордвинова и других знакомых Карамзина. Ему возражали в этом пункте, и весьма основательно, декабристы (Н.И. Тургенев). Впоследствии Карамзин, видимо, колебался и писал своему шурину, князю В.А. Вяземскому, 30 октября 1818 года: «Желаю знать, каким образом вы намерены через или в 10 лет сделать ваших крестьян свободными; научите меня: я готов следовать хорошему примеру, если овцы будут целы и волки сыты. Мысленно составляю комитет из особ либеральных...»⁶⁵ Вообще в своей «Записке...» Карамзин думал поправлять дела не выбором форм, а избранием лучших и исправлением худших блюстителей законов. Недаром же, подобно Карлейлю⁶⁶, Карамзин высоко ставил значение личности в истории.

1812 год заставил семью Карамзина уехать в Ярославль и Нижний Новгород; сам Карамзин временно приютился у графа Ф.В. Ростопчина, а в день оставления Москвы и сам отправился к семье. «Вся библиотека моя обратилась в пепел, но «История» цела», — писал Карамзин Дмитриеву.

Но и в Нижнем Карамзин продолжал работать. «Думаю приняться за свое дело, — писал он князю В.А. Вяземскому 14 ноября 1812 года, — раскладываю бумаги и книги, однако ж успех сомнителен: не имею и половины нужных материалов». Вид сожженной Москвы, куда Карамзин возвратился в июне 1813 года, поразил его: «Я плакал, смотря на ее развалины». «История» Карамзина была уже доведена до XVI века.

2 февраля 1816 года Карамзин приехал в Петербург и остановился у М.Ф. Муравьевой, вдовы Михаила Николаевича⁶⁷. Приехать Карамзина пригласила и императрица Мария Федоровна, желавшая побудить

Карамзина перейти поскорее к описанию «новейшего времени, превосходящего все прошедшие чудесными происшествиями». Но недаром Карамзин писал брату до отъезда: «Могу съездить и возвратиться ни с чем. Говорят, что у нас теперь один вельможа — граф Аракчеев. Бог с ним и со всеми». Предчувствия оправдались. Шесть недель — «пятидесятницу», как называл это время Карамзин, — он ждал высочайшей аудиенции. Карамзина ласково приняли императрица Мария Федоровна, великие княжны, <...> Державин, арзамасцы, даже Шишков. Но аудиенции не давали. Карамзин писал жене: «Я дрожал от негодования при мысли, что меня держат здесь бесполезно и почти оскорбительным образом». В конце концов, Карамзину были переданы слова Аракчеева: «Карамзин, видно, не хочет моего знакомства: он приехал сюда и не забросил даже ко мне карточки». Скрепя сердце, надев мундир, Карамзин отвез карточку к графу и на третий день (13 марта) был приглашен к Аракчееву, которому Карамзин рассказал свои обстоятельства и на вызов графа замолвить слово государю сказал: «Не прошу, ваше сиятельство, но если вам угодно и если будет кстати» и пр. В 1816 году Карамзин писал Новикову: «О характере Аракчеева не имею ясного понятия: я виделся с ним и говорил только однажды, рассказывая ему о своей жизни в молодости, и упомянул о связи моей с вами по масонству». 15 марта Карамзин увидел государя. Он принял историографа ласково, обнял, провел в разговоре час сорок минут и принял его условия: 60 тысяч на печатание и чин, принадлежащий по закону. Карамзин вернулся в Москву, но в конце мая 1816 года оставил Москву — уже навсегда. Карамзину пришлось летом жить в придворном домике в Павловске, а на зиму он переселился в Петербург, на Захарьевскую. В сентябре началось печатание «Истории» в Военной типографии, а частью и в Медицинской, где потребовали было разрешения цензуры, но государь разрешил печатать без цензуры, благодаря, впрочем, особой записке Карамзина.

Тяжело жилось Карамзину. 12 августа 1816 года он писал А.Ф. Малиновскому⁶⁸: «Мне тяжело и грустно, чувствую, что я не создан для здешней жизни». 31 декабря ему же: «Не ищу никаких связей, даже кажусь неучтивцем. Но воля их — не могу соблюдать всех пристойностей светских». И от

*А. Рослин. Портрет императрицы
Марии Федоровны.
Миниатюра около 1777 года*

6 июля 1817 года: «Живу особняком с женою, детьми и типографиями; не есмь от мира сего». <...>

Корректур доводила Карамзина до обмороков и притупляла его зрение. 28 января 1818 года Карамзин поднес 8 томов «Истории государства Российского» государю. Рассказ в них был доведен до 1560 года — царствования Иоанна Грозного.

Посвящая свой труд императору Александру I, Карамзин писал: «С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных двенадцатилетних трудов. Не хвалясь ревностью и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их! В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей читал я Вам, Государь, некоторые главы сей истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге героя Дмитрия Донского... Вы слушали с восхитительным для меня вниманием, сравнивали давно минувшее с настоящим... Туча грянула над Россией, но мы спасены, прославлены, враг истреблен, Европа свободна... Если счастье Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных... Примите милостиво книгу... История народа принадлежит Царю».

*Неизвестный художник.
Николай Иванович Новиков.
Миниатюра. Около 1790-х годов*

В предисловии, подписанном 7 декабря 1815 года, Карамзин писал: «С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет и лучшее время моей жизни на сочинения сих томов, могу по слабости желать хвалы и бояться оуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной... если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, т. е. сделать российскую историю известнее... Поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество, желаем ему благоденствия, еще более славы; желаем... да цветет Россия, по крайней мере, долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!»

Цена книги была назначена 55 рублей ассигнациями (около 16 рублей 50 копеек серебром) за 8 томов. Первые 8 томов захватывали время до 1560 года. Следующие: IX — 1560–1584 (конец царствования Грозного) вышел в 1821 году, X — 1584–1598 (царствование Федора Ивановича) и XI — 1598–1606 (Борис Годунов и Лжедмитрий) вышли в 1823–1824 годах, XII — 1606–1612 (междуцарствие) был ре-

дактирован Д.Н. Блудовым и вышел после смерти Карамзина, в 1829 году.

Пушкин писал в 1825–1826 годах: «Первые восемь томов русской истории Карамзина вышли в свет. Я прочел их в постели с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление; 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле еще не известную... Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда по моем выздоровлении я снова явился в свет, толки были во всей силе. В журналах его не критиковали». Лестные отзывы об «Истории» Карамзина дали тогда же ученые специалисты. <...> «Историю» Карамзина стали немедленно переводить на языки французский, немецкий, итальянский, греческий. Толстой *Американец*⁶⁹, прочтя «Историю», заявил: «Теперь узнаю, что у меня есть отечество».

Но наряду с похвалами слышались и другие отзывы. Мы не будем останавливаться на критических мелких ученых замечаниях, <...> но приведем любопытное мнение князя П.А. Вяземского: «“История государства Российского” встретила противников. Часть молодежи нашей замышляла в то время несбыточное преобразование России. С чутьем верным и пронизательным, она тотчас оценила важность книги, которая была событие, и событие совершенно противодействующее замыслам ее». Карамзин — историкограф, следовательно, по словам их, наемник власти; он монархический мечтатель, следовательно, запоздалый, не постигающий духа и потребностей времени. Все сии обвинения в смысле судей были основательны и рациональны. Им не хотелось самодержавия; как же им было не подкапываться под творение писателя, который чистым убеждением совести, глубоким соображением отечественных событий и могуществом красноречия доказывал, что мудрое самодержавие спасло, укрепило и возвысило Россию. Самое 14 декабря⁷⁰ не было ли, так сказать, критикой вооруженной рукой на мнение, исповедуемое Карамзиным, т. е. «Историей государства Российского».

Пушкин, когда-то сам нападавший эпиграммой о «прелестях кнута»⁷¹ на «Историю» Карамзина, теперь писал: «У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина, зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Государь освободил его от цензуры и сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность возможной скромности и умеренности. Карамзин рассказывал со всей верностью историка, он везде ссылался на источники; чего ж более требовать было от историка? “История государства Российского” есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека».

П.А. Вяземский писал тогда:

*Покорный истине и сердца чистой клятве,
Ты мудрость воскрешал на плодоносной
жатве*

*Событий, опытов, столетий и племен
И современником минувших был времен.
Сроднившись с предками, их слышал ты,
их видел,*

*Дружился с добрыми, порочных ненавидел
И, совести одной поработив язык,
Ты смело поучал народы и владык.*

Впоследствии он же писал (1866):

*Нам предков воскресил он лица,
Их образ в нас запечатлел.
И каждая его страница —
Зерцало древних дней и дел.
Своей живительной рукою
Событий нить связал он вновь,
Сроднил нас с русской семьею
И пробудил он к ней любовь...
Здесь зодчий сам за камнем камень
В свой исполинский труд вносил.
Воздвиг он храм сей величавый,
Прекрасный стройностью частей,
Сей памятник и русской славы,
И славы собственной своей.*

Пропускаем отзывы Пушкина о Карамзине по поводу «Бориса Годунова», посвящаемого памяти историографа⁷².

А вот отзыв, хотя и более поздний, поэта пушкинской эпохи, земляка Карамзина, примкнувшего к так называемым славянофилам:

*Он памятник себе воздвиг чудесный,
вечный,*

*Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб
каменосечный,*

И тверже, чем литой металл.

Тот славный памятник, отчизну украшая,

О нем потомству говорит

И будет говорить, покуда Русь святая

Самой себе не изменит!

Покуда внятны ей родимые преданья

Давно скончавшихся веков

Про светлые дела, про лютые страданья,

Про жизнь и веру праотцов;

Покуда наш язык, могучий и прекрасный,

Их вещей, их заветный глас,

Певучий и живой, звучит нам сладкогласно

И есть отечество у нас.

(Н.М. Языков. 1845 год)

*Публикация и примечания (кроме оговоренных)
Анны Филипповны Грушиной
и Александра Александровича Беляя.
Окончание в следующем номере*

⁴⁷Шлецер Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, филолог; в 1764—1767 гг. состоял на русской службе.

⁴⁸Петра Андреевича Вяземского (1792—1878).

⁴⁹Мордвинов Николай Семенович (1754—1845) — граф, государственный и общественный деятель.

⁵⁰Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — общественный деятель, историк, писатель, член литературного кружка «Арзамас».

⁵¹Автор *Memoriae populorum* — выдержки из классических писателей о северных народах. Сочинение вдохновлено Шлецером (*прим. авт.*).

⁵²Тургенев Николай Иванович (1789–1871) — декабрист, брат А.И. Тургенева.

⁵³Историки и археографы Бантыш-Каменские: Николай Николаевич (1737–1814) и его сын Дмитрий Николаевич (1788–1850).

⁵⁴Новосильцев Николай Николаевич (1768–1838) — граф, государственный деятель, президент Санкт-Петербургской академии наук (1803–1810).

⁵⁵Столица королевства Вюртемберг.

⁵⁶«Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» была составлена Н.М. Карамзиным по просьбе Великой княгини Екатерины Павловны. <...> В этом произведении Карамзин выражает взгляды наиболее дальновидной части консервативной оппозиции, недовольной ходом либеральных реформ Александра I. <...> Содержание «Записки...» — это блестящий очерк истории России и ее современного состояния, пронизанный мыслью о незыблемой и спасительной роли самодержавия как основы российского государственного порядка. Карамзин впервые формулирует в «Записке...» многие политические идеи, вокруг которых развернутся жаркие общественные споры XIX века. Автограф Карамзина, по-видимому, утрачен, но текст сохранился в многочисленных копиях. Публикация «Записки...», находившейся в XIX веке под цензурным запретом, растянулась на столетия, и первое ее издание, отвечающее научным требованиям, состоялось только в 1988 г.» (www.hist.msk.ru).

⁵⁷Карамзину не были известны борьба партий 1613 г. и предание об ограничительной записи бояр, старавшихся удержать в плену Филарета (*прим. авт.*). Подробнее см., напр.: www.portal-slovo.ru.

⁵⁸Собственно, награждение духовных орденами началось с Павла I (*прим. авт.*).

⁵⁹Остерман Андрей Иванович (1686–1747) — немец на русской службе, граф, государственный деятель во времена царствования Анны Иоанновны.

⁶⁰Миних Бурхард Кристоф (1683–1767) — немец на русской службе, граф, военный и государственный деятель.

⁶¹Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772) — граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны и фактический правитель при ней.

⁶²Речь об Иоганне Германне Лестоке (1692–1767) — лейб-медике, доверенном лице Елизаветы Петровны, организаторе дворцового переворота в ее пользу.

⁶³Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — государственный деятель, с 1808 г. — ближайший советник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований в России, критикуемого Н.М. Карамзиным.

⁶⁴Имеется в виду металлическая теория денег, рассматривавшая полноценные металлические (золотые) деньги как богатство нации. Основная ошибка ее сторонников заключается в непонимании того факта, что функция золота как всеобщего эквивалента определяется не его природой, а системой экономических отношений (БЭС. М., 1991).

⁶⁵В то время государю с его соизволения была подана записка от имени графа Воронцова, князя Меншикова и других, а также и с подписью самого князя Вяземского о позволении приступить теоретически и практически к рассмотрению вопроса об освобождении крестьян. Карамзин и узнал от государя об этой записке (*прим. авт.*).

⁶⁶Карлейль Томас (1795–1881) — английский публицист, историк, философ, считавший движущей силой истории свершения «героев».

⁶⁷Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) — граф, государственный деятель, министр государственных имуществ (1857–1865), противник проведения крестьянской реформы.

⁶⁸Малиновский Алексей Федорович (1762–1840) — археограф, главный управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел.

⁶⁹Толстой Федор Иванович, *Американец* (1782–1846) — один из самых неоднозначных представителей русской аристократии первой половины XIX в. Происходил из графской ветви рода Толстых. Отличался необыкновенным темпераментом, прославился картежным азартом, пристрастием к дуэлям и путешествиям в Америку (откуда и прозвище) (www.academic.ru).

⁷⁰Восстание декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

⁷¹*В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого*

пристрастья,

Необходимость самовластья

И прелести кнута.

⁷²Посвящение гласит: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин».

Дмитрий Юрьевич Радченко

Армия Конде

Французы на русской службе (рубеж XVIII–XIX веков)

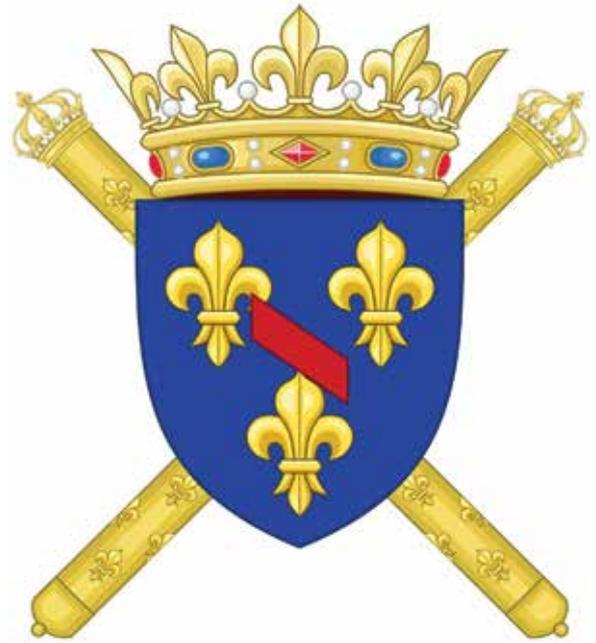
Принц Конде

Во время Французской революции многие дворяне-роялисты, приверженцы старых порядков, перешли на русскую службу, чтобы бок о бок с нашими соотечественниками сражаться против общих врагов — войск революционной Директории и Бонапарта. Как говорил известный русский публицист XIX века Н.И. Греч, «дело против Наполеона было не русское, а общеевропейское, общее, человеческое — следственно, все благородные люди становились в нем земляками и братьями» (*список цитируемых источников см. в конце*).

Неприятие революции, которая сопровождалась разгулом террора, низложением, а затем и казнью короля Людовика XVI, ликвидацией феодальных прав, вынудило многих представителей французского дворянства и духовенства эмигрировать в дружественные по отношению к старому порядку европейские страны. Не стала исключением и Российская империя, куда бежал сам граф Прованский (будущий Людовик XVIII), поселившийся во дворце герцогов Курляндских в Митаве (сегодня — Елгава в Латвии).

Нашедшее пристанище в России французское дворянство устроилось здесь по-разному. Кто-то поступил на государственную службу, как, например, граф Огюст де Шуазель-Гуфье, который возглавил Императорскую академию художеств. (Кстати, праправнуком графа был русский религиозный философ Н.А. Бердяев.) Личный враг Наполеона Бонапарта Шарль-Андре (на русский манер Карл Осипович) Поццо ди Борго, будучи корсиканским дворянином, выполнял важные дипломатические миссии при дворе Александра I в начале XIX века. После реставрации Бурбонов он служил российским послом во Франции и был активным пропагандистом тесного русско-французского союза. Другие эмигранты нанимались гувернерами в дворянские семьи: Буссон де Марэ — в доме П.И. Панина, граф де Фантент — у Блудовых, шевалье Роллен де Бельвиль — у князей Голицыных и Вигелей.

Некоторые из французских дворян, оказавшись в Российской империи, шли в армию, чему способствовал специальный закон «О распределении вступающих в военную службу иностранцев по разным военным командам, находящимся в отдаленности границ» (1792). Многие из них крепко осели в России, обзавелись по-

Герб рода Конде

томством и навсегда связали свою судьбу с новой родиной, где им пришлось доказывать свою верность русскому императору на полях брани. Они сражались не только против революционной и наполеоновской Франции, но и участвовали в других кампаниях, которые вела Российская империя в конце XVIII — начале XIX века.

В этом плане весьма показательна биография Карла Осиповича де Ламберта, считавшегося одним из лучших кавалерийских начальников в русской армии времен наполеоновских войн. (Его старший брат Мориц, также принятый в ряды русской армии, погиб в 1792 году во время русско-польской войны.)

Карл Осипович де Ламберт был выходцем из древнего французского дворянского рода, представители которого носили титул маркиза. В 1793 году он поступил на российскую военную службу в качестве секунд-майора Кинбурнского драгунского полка и штурмовал Прагу (предместье Варшавы) в 1794 году. Затем Карл Осипович командовал казачьим полком во время персидского похода (1796), после чего в составе корпуса А.М. Римского-Корсакова принял участие в швейцарской кампании (1799) и сражался с Наполеоном у Блонне и Чарнова (1806), при Прейсиш-Эйлау и под Фридландом (1807). Войну 1812 года Ламберт встретил в чине генерал-адъютанта в составе 3-й Обсервационной армии¹, в которой командовал кавалерийским корпусом и отличился в ряде эпизодов.

К их числу относится освобождение Минска, где находились тыловые склады наполеоновской армии, и Борисова — стратегически важного пункта на реке Березине. Именно де Ламберт пытался убедить командование, что Наполеон будет переправляться через реку у деревни Студенки. Однако предупреждению Карла Осиповича не придали значения, вследствие чего командир Дунайской армии П.В. Чичагов упустил шанс уничтожить полки отступающего Наполеона.

Во время заграничных походов Карл Осипович участвовал в атаке на пригород Парижа — Бельвиль. Был трижды ранен, причем в двух случаях не оставлял вверенные ему войска, а за стойкость, храбрость и старание неоднократно удостоивался наград и орденов Российской империи.

Докладывая императору о взятии Борисова, Чичагов так охарактеризовал Ламберта: «Вы имеете, государь, в храбром и искусном графе де Ламберте генерала, который не знает препятствий». Сыновья Карла Осиповича также пошли по военной стезе в России, а Карл Карлович Ламберт был наместником Царства Польского в 1861—1862 годах.

Стоит упомянуть и знакомого А.С. Пушкина Луи Александра Андро, графа де Ланжерона, сделавшего в России не менее блестящую военную карьеру. В 1790 году Ланжерон записался волонтером в русскую армию, а при императоре Павле I принял российское подданство. Перебраться в Россию графу посоветовал принц Нассау-Зиген, еще один французский аристократ с немецкими корнями, ставший адмиралом русского флота, в 1780-х годах он громил турецкие и шведские эскадры. При штурме Измаила де Ланжерон показал, по словам Суворова, «отличную неустрашимость в атаке неприятеля», отличился во время Русско-турецкой войны (1806—1812) и в заграничных походах при взятии Торна, в сражениях при Бауцене, Лейпциге, Суассоне, Лаоне и Фер-Шампенуазе.

Деятельность Ланжерона в России не ограничивалась только военной службой. Став в 1815 году градоначальником Одессы, граф добился для города статуса порто-франко, что обеспечило Одессе бурный рост и процветание. Также Ланжерон разрабатывал и проекты государственных преобразований. В частности, в 1818 году он представил Александру I проект упраздне-

Карл Осипович де Ламберт

ния табели о рангах, чем вызвал недовольство императора.

Но все это лишь отдельные примеры перехода французов в ряды русской армии, в то время как имел место эпизод поступления на службу к императору Павлу I целого воинского формирования, во многом состоявшего из дворян. Речь идет об эмигрантской Армии Конде. Людовик-Жозеф де Бурбон-Конде (1736—1818) был потомком короля Людовика Святого. Во Франции он служил главным распорядителем Дома короля. Отличился во время Семилетней войны и пользовался большим авторитетом в офицерском корпусе Французской королевской армии; имел чин генерал-полковника пехоты. Вскоре после революции 1789 года принц Конде эмигрировал в числе первых. Став одним из противников республиканцев, Конде в 1790 году выпустил манифест, в котором объявлял себя защитником дела всех государей и всех дворян. Приглашая последних собраться под его знамя, он обещал, что «дворянство всех наций пойдет вместе с ним на освобождение несчастного монарха». Это воззвание оказало действие, и в середине 1791 года на землях германских княжеств началось формирование Армии Конде. Ее боевой костяк составили дворянские полки, целиком укомплектованные кадровыми и отставными офицерами и генералами Французской королевской армии. Примечательно, что, как и в русских белогвардейских армиях (белый цвет, наряду с лилией, являлся символом французских роялистов), лямку

рядового солдата в этих дворянских подразделениях тянули офицеры.

Один из участников этого, по сути, дворянского ополчения описал его так: «Армия обычно состоит из солдат примерно одинакового возраста, одного роста и сходной силы. Наша была совсем иной, беспорядочным объединением людей зрелых, стариков и спустившихся с голубятни детей. <...> Отец служил рядом с сыном, тесть — с зятем, дядя — с племянником, брат — с братом, кузен — с кузеном. В этом ополчении, каким бы смешным оно ни казалось, было нечто трогательное и достойное уважения, поскольку люди руководствовались искренними убеждениями». Помимо дворян, Армия Конде формировалась из симпатизировавших роялистам представителей буржуазии и иностранцев-наемников, в основном немцев и швейцарцев. В 1792 году Армия насчитывала около 5600 человек, из которых более 2 тысяч служили в частях, формировавшихся исключительно из дворян. Однако к 1797 году Конде удалось увеличить численность Армии до 13 тысяч человек.

Первым боевым крещением солдат принца стал поход европейских коали-

ционных держав против революционной Франции в августе—октябре 1792 года. Там кондейцы в составе австрийского наблюдательного корпуса князя Эстерхази, действуя на берегах Рейна, играли вспомогательную роль. Затем Армия участвовала в кампаниях 1793—1797 годов в Германии. Положение кондейцев стало неопределенным после заключения Кампоформийского мира в октябре 1797 года. Англия, которая продолжила бороться с французской Директорией, прекратив выплачивать Армии жалованье, могла предложить ей лишь охрану английских колоний, но от этого французы отказались.

В сложившейся ситуации Конде решает отправиться на восток, где первые сношения между солдатами принца и российским двором имели место еще в 1792 году. (В то время Екатерина II, следуя своему курсу колониально-переселенческой политики, предлагала Конде создать на восточном побережье Азовского моря военно-земледельческое поселение во главе с самим принцем, которое бы состояло из 2 городов и 100 деревень. Согласно тому проекту, землю кондейцам предоставляли на льготных условиях, а сама колония должна была иметь свой судебный орган и решать споры по своим законам.) На сей раз Конде делает ставку на Россию во главе с императором Павлом I, который, кстати сказать, также постарается привлечь внимание принца к идее создания в России поселений кондейцев. Однако эти предложения были встречены постоянно рвущейся в бой Армией без особого энтузиазма.

Конде связывала с Павлом I личная дружба. Во время путешествия будущего российского императора по Европе под именем графа Северного в 1781—1782 годах Конде оказал ему и его второй супруге Марии Федоровне в своей родовой резиденции Шантийи настоящий царский прием. Подруга детства императрицы баронесса Оберкирх утверждала, что принц Конде «возымел к князю истинную дружбу», так как «благородные характеры быстро понимают друг друга».

В сентябре 1797 года состоялась серия консультаций и переговоров, важную роль в которых играл будущий французский король Людовик XVIII. В итоге было окончательно утверждено решение о переходе Армии Конде на русскую службу. Кондейцам давалась гарантия свободно исповедовать

**Обер-офицер и унтер-офицер
французского Гренадерского
герцога Бурбонского полка. 1797—1800 годы**

свою религию, а их командир имел право сноситься с императором, минуя прочие инстанции. Французы в свою очередь обязывались присягнуть на верность Павлу I и его знаменам и подчиняться всем военным уставам и регламентам Российской империи.

8–10 октября 1797 года около 5300 солдат и офицеров Армии Конде покинули свои квартиры на юге Германии и направились в сторону России. По сравнению с началом 1797 года численность кондейцев, выдвинутых к границам Российской империи, резко уменьшилась. Это было связано с тем, что Павел I не пожелал видеть в составе Армии иностранные наемные подразделения (лишь для одного немецкого полка император сделал исключение). К тому же многие просто не захотели ехать в далекую страну, а некоторые не могли себе этого позволить из-за полученных ранений и болезней.

1 января 1798 года, переправившись через реку Буг на российскую территорию, Армия Конде в присутствии группы русских офицеров, священника и с пикетом казаков присягнула на верность императору Павлу Петровичу. В документах французов стали именовать «Русская императорская армия — Корпус Конде» (вместо старого «Armee de Conde»). В первой половине января Корпус был расквартирован в Волынской губернии со штаб-квартирой в городе Дубно (ныне территория Северо-Западной Украины). Отдельно от него еще 100 кондейцев держали караул в Митавском замке, составляя гвардию Людовика XVIII.

Сам принц Конде в декабре 1797 года приехал в Санкт-Петербург, где Павел I наградил его орденом Святого апостола Андрея Первозванного, подарил один из петербургских дворцов и назначил Великим приором Российского великого приорства Мальтийского ордена.

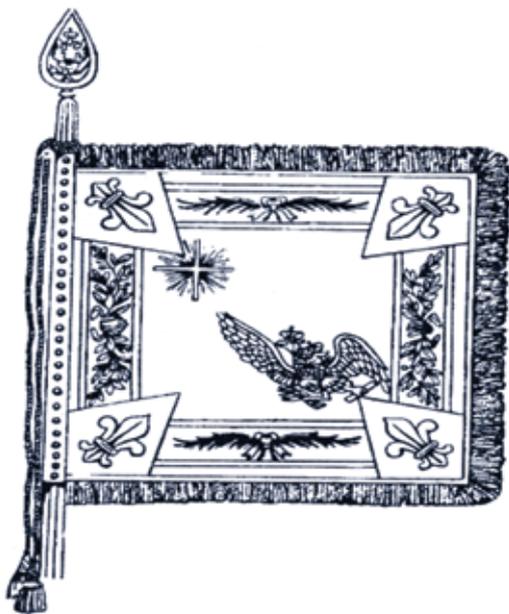
В России Корпус Конде был переформирован в 5 полков — 3 пеших и 2 кавалеристских, шефом одного из которых стал внук принца, герцог Энгийенский. Остальные кондейцы составили артиллерийский батальон и дополнительные мелкие вспомогательные подразделения и службы. Личный состав сменил свои старые мундиры на форменную одежду российского образца. Теперь даже опытный глаз не сразу мог отличить французских эмигрантов от солдат и офицеров Российской императорской армии.

Герцог Энгийенский — внук принца Конде, расстрелянный по приговору французского суда в 1804 году

Чтобы разнообразить и скрасить свою жизнь на Волыни, свободное от постоянных вахтпарадов, смотров и учений время кондейцы проводили за карточным столом, играя в фараон, макао и другие популярные в ту эпоху азартные игры, охотились в находящих по соседству лесных угодьях. При Корпусе была организована своя небольшая театральная труппа под руководством капитана дворянского мушкетерского полка Гавине де Ларошассьера. Кондейцы играли в замке польской графини Чацкой комедии Мольера и Реньяра из репертуара знаменитого парижского театра «Комеди Франсез».

В конце концов, российский внешнеполитический курс от невмешательства в европейские дела дал крен в сторону вооруженной конфронтации с революционной Францией. И вот в конце марта 1799 года в Дубно пришел долгожданный для кондейцев приказ о выступлении Корпуса в Германию, в район Констанцкого (Боденского) озера, на помощь австрийской армии. Французы встретили приказ с большим воодушевлением. Ведь они опять должны были сразиться с армией республиканцев — главных политических противников роялистов; к тому же район предстоящих боевых действий был кондейцам хорошо знаком.

Образец штандарта Драгунских полков Корпуса принца Конде 1798 года

Летом 1799 года Корпус принца Конде вместе с приданным ему русским Гусарским полком генерала Боура покинул Россию. Позже к французам присоединился Егерский полк генерал-майора Титова. Пройдя через австрийскую и баварскую территории, в октябре кондейцы сосредоточились возле города Констанца на берегу Боденского озера.

7 октября Корпус был брошен австрийской армией на крайне неудобную позицию в Констанце, после чего французам атаковала дивизия генерала Оноре Газана, входившая в состав Гельветической армии Французской республики². Ожесточенный бой, в котором роялисты и приданные им русские части проявили большую храбрость и мужество, завершился, однако, их отступлением. Из числа кондейцев были ранены 69 и убиты 57 человек, в том числе семидесятилетний граф де Сальг, командовавший Гренадерским герцога Бурбонского полком (понесшим наибольшие потери). Сам же Конде докладывал в своей реляции: «Мы сделали все то, что можно было сделать в той невозможной позиции, в которую меня поставили».

В сражении при Констанце был и свой героический эпизод. Одного из знаменосцев Корпуса Конде окружили республиканские солдаты. Сорвав с древка полотнище и завернувшись в него, он бросился в Боденское озеро, где и утонул, спасая ценой своей жизни пожалованный российским императором штандарт.

Сами кондейцы смогли отбить в ходе боя неприятельское знамя. Император Павел I даровал Гренадерскому полку новые регалии с надписью: «За взятие знамени у французов при Констанце в 1799 году». Кроме того, унтер-офицер Вольфер, захвативший флаг неприятеля, был произведен российским государем в чин подпоручика.

В ноябре 1799 года в Баварию, где в это время расквартировался Корпус, из Санкт-Петербурга пришло неутешительное для французских роялистов распоряжение о прекращении военной кампании и возвращении кондейцев обратно в Россию. Однако вернуться на место своей прежней дислокации на Вольни им уже не пришлось. В начале 1800 года была достигнута договоренность между российским императорским двором и британским правительством о переходе Корпуса принца Конде под покровительство Англии. Начав сближение с пришедшим к власти в результате переворота 18 брюмера Наполеоном Бонапартом, Павел I тем не менее не отдал Корпус новому правителю Франции и готов был и дальше содержать у себя это эмигрантское войско. Понимая желание кондейцев продолжить борьбу с Французской республикой, император позаботился об их переводе на английскую службу. В знак благодарности за верность Павел I оставил Корпусу его знамена, оружие и все принадлежавшее французам имущество. Так закончился русский этап истории Армии Конде.

Однако дальнейшее существование Корпуса было недолгим. Под английским покровительством и в составе австрийских войск, действовавших на Дунае, Армия Конде участвовала в кампании 1800 года, пока в июне 1801-го не была расформирована. Конде предпочел остаться в Англии, возвратившись на свою исконную родину в свите Людовика XVIII лишь в 1814 году. Кстати, перу принца принадлежит работа «Альманах побед Суворова», основанная на переписке между Конде и русским полководцем во время кампании 1799 года. Судьба же самих кондейцев сложилась по-разному. Кто-то продолжил службу в английской армии, полностью в ней растворившись (например, 6-й ротный батальон так называемых «британских егерей» состоял из бывших кондейцев). Кто-то возвратился во Францию, воспользовавшись объявленной Наполеоном амнистией. Кто-то остался в России. Трудно

*Н.И. Аргунов. Портрет императора Павла I.
Холст, масло. 1797 год*

с точностью подсчитать количество последних, поскольку многие из них скрывали свое прошлое, а порой и имя. Известно, например, о некоем шевалье д'Изарне,

организовавшем в Москве торговлю зерном, и о де Клозете, который в 1801–1802 годах был домашним учителем в дворянской семье Муравьевых, занимаясь воспитанием Н.Н. Муравьева — впоследствии крупного военного деятеля, покорителя турецкой крепости Карс (1855), получившего за это прозвище Карсский. Еще один бывший кондеец, обосновавшийся в России, — граф Октавий (Осип Осипович) де Кенсон. В 1812 году он участвовал в войне против Наполеона. Женился на представительнице старинного княжеского рода Одоевских. Основал в Москве приют при церкви Святого Людовика, среди прихожан которой было много французов. Немалый вклад в победы русского оружия внес и другой кондеец — Эммануил Францевич Сен-При (виконт Гийом Эммануэль Гиньяр де Сен-При).

В памяти потомков Армия Конде осталась символом верности и преданности своим принципам и идеалам. Сам Наполеон Бонапарт говорил о кондейцах: «Они были наемниками наших врагов, это верно, но они являлись ими или считали необходимым быть таковыми ради своего короля. Франция погубила их дело и оплакала их храбрость. Всякая преданность есть героизм».

¹3-я Обсервационная армия была сформирована в мае 1812 г. из части войск 2-й Западной армии и резервных войск. В ее задачу входило прикрытие Киева и нанесение ударов во фланг и тыл неприятеля. После соединения с Дунайской армией получила название 3-я Западная армия.

²Гельветическая армия была сформирована в 1798 г. в Швейцарии. По свидетельству Карла фон Клаузевица, численность Гельветической армии составляла около 30 000 человек.

Литература

Аскиноф С. Московские французы в 1812 году. От московского пожара до Бerezины. М., 2012.

Бовыкин Д.Ю. Эмигрантский Корпус Конде на русской службе. Письмо Павла I принцу Конде // Россия и Франция XVIII–XX веков. Вып. 7. М., 2006.

Васильева А.А. Корпус принца Конде в Российской империи (1798–1799 гг.) // Франция и Россия в начале XIX столетия. М., 2004.

Егоров В.И. Корпус Конде в документах РГВИД. М., 2013.

Иванов И.Б. Корпус принца Конде. К 200-летию принятия на русскую службу // Наши Вести. 1998. № 252.

Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М., 2011.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796. СПб., 1830 г.

Ржеуцкий В.С. Французская колония в Москве в царствование Екатерины II // Россия и Франция... Вып. 5. М., 2003.

Ростиславлев Д.А. Французская контрреволюционная эмиграция и проекты колонизации юга России в конце XVIII века // Россия и Франция... Вып. 3. М., 2000.

Файбисович В.М. Портрет графа Александра Ланжерона // Родина. 2015. № 9.

Шишов А.В. Генералиссимус Суворов. М., 2003.

Полина Георгиевна Кузьмина

Усадьба на Введенской: люди и судьбы

Об особняке купцов Носовых и его обитателях

Дом Василия Дмитриевича Носова. Архитектор Л.Н. Кекушев

В XVIII веке в Москве рядом с Введенской площадью (ныне — площадь Журавлева) по берегам Хапиловского пруда и речки Хапиловки селились ремесленники-ткачи из старообрядцев Преображенской общины. Из их среды вышла семья Носовых — братья Василий, Дмитрий и Иван. Накопив первоначальный капитал, они основали в 1829 году небольшую фаб-

рику по производству драдемамовых¹ платков. Затем братья занялись изготовлением сукна, которое шло на нужды армии. Заказы росли, и дело Носовых процветало. Купцы выстроили новые фабричные здания, в несколько измененном виде сохранившиеся до наших дней (в советский период предприятие называлось «Освобожденный труд», сейчас здесь бизнес-центр).

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

Сын одного из основателей фабрики Василий Дмитриевич Носов (1848–1920), разбогатец, женился на купеческой дочери Августе Дмитриевне Жучковой (1851–1890). Не позднее 1873 года Василий Дмитриевич купил расположенный на холме у Введенской площади одноэтажный деревянный дом с мезонином². Выстроенный на каменном фундаменте особняк стоял, как и ныне существующий, по красной линии. Позади дома находились хозяйственные постройки и сад.

Старый дом был снесен, а на его месте построен новый, также деревянный, двухэтажный, п-образный в плане. Небольшие крылья тыльной части соединялись крытой деревянной галереей.

Очень скоро, однако, новое жилище перестало удовлетворять владельца. В апреле 1883 года В.Д. Носов получил разрешение на пристройку к левому крылу. В июне того же года архитектор П. Щеголев составил проект, по которому левое деревянное крыло было снесено, а вместо него на каменном фундаменте возведено в два этажа кирпичное.

У Василия Дмитриевича Носова и его жены в этом доме родилось семеро детей: дочери Екатерина, Варвара, Вера, Татьяна, Софья, Августа и единственный сын-наследник Василий. Со временем Василий Дмитриевич стал купцом 1-й гильдии, потомственным почетным гражданином Москвы, гильдейским старостой Московской купеческой управы, владельцем Промышленно-торгового товарищества мануфактур братьев Носовых с конторой в Китай-городе, в Большом Черкасском переулке, и розничного магазина в Лубянском пассаже. По воспоминаниям внука В.Д. Носова Юрия Алексеевича Бахрушина, «Носовы славились своими пуховыми одеялами и платками, но основным их производством было изготовление кустарных кавказских сукон, из которых на Кавказе шились многочисленные черкески и которые там продавались как местное производство»³. С 1877 по 1880 год В.Д. Носов избирался гласным Московской городской думы, а с 1888 по 1903-й — выборным Московского биржевого общества. Рано овдовев (жена умерла в возрасте 39 лет), он больше не женился, занимался воспитанием детей сам с помощью няни и экономки Варвары Семеновны Лебедевой.

Был Носов, как пишет все тот же Ю.А. Бахрушин, «врожденным русским

*Василий Дмитриевич Носов (справа)
с братом Александром*

А.Д. Носова

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

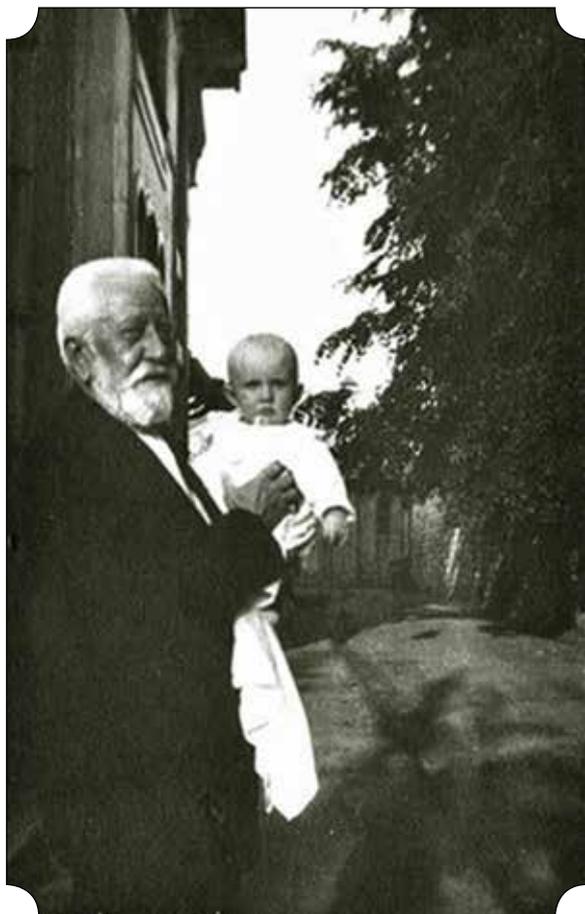
*Василий Дмитриевич с дочерьми
в старом доме*

С женой Августой Дмитриевной

*Василий Дмитриевич
с дочерьми и зятьями*

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

*В.Д. Носов с внучкой Галей.
Июль 1918 года*

спортсменом, но отнюдь не по физкультурным соображениям, а из-за любви к воздуху, к движению, к природе. При этом он очень мало говорил, но очень много делал. Почти до конца своих дней, встав утром с постели, он обливался двумя ведрами холодной воды из-под крана. <...> Летом он постоянно купался, невзирая на погоду. <...> Ранней весной он пропадал вечерами на тяге⁴, осенью — искаживал десятки верст с легавой собакой, зимой совершал дальние поездки, после которых в его доме прибавлялось число волчьих и лисьих чуел или ковриков. В летний перерыв охоты он вооружался удочками и просиживал часами, наблюдая за движением поплавок⁵. Василий Дмитриевич любил подвижные игры (особенно городки) и принимал в них участие, даже когда перешагнул 60-летний рубеж. Увлекался фотографией, всячески поощрял интерес домочадцев к техническим новинкам.

Бежали годы. Пятеро из шести дочерей Василия Дмитриевича вышли замуж. Менялась не только жизнь обитателей, но и облик усадьбы. Вновь обратимся к воспоминаниям Ю.А. Бахрушина: «Вход в дом был со двора. <...> Кабинет деда — это была святая святых дома: там было много

Старый дом Носовых. Современная фотография

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

интересного, множество разных карандашей и ручек, аккуратно разложенных на столе, чучела волков и какая-то сложная электрическая машина с железной щеткой для зажигания папирос. <...> Помню узкую лестницу с перилами в виде бархатных шнуров, которая вела вниз, — по ней ходили в столовую. Перед столовой была курительная комната с гобеленами на стенах, изображавшими сцены охоты. Столовая была огромной комнатой, в которой стоял рояль, <...> со стороны сада в столовой был витраж. Где-то еще помещалась бильярдная. <...> Помню <...> дверные ручки в виде птичьих лап светлой бронзы, держащих граненые хрустальные шары. <...> Хорошо осталась в памяти обивка стульев со сценами из китайской жизни. Помню обширный сад с оранжереями, фруктовыми деревьями, речкой Синичкой (на самом деле Хапиловкой. — *П. К.*), конюшнями и псарней, где была масса охотничьих собак»⁶.

Сын Василия Дмитриевича — Василий Васильевич Носов (1872–1939) — в 1902 году женился на Евфимии Павловне Рябушинской (1886–1976), дочери миллионера Павла Михайловича Рябушинского и его второй жены Александры Степановны, урожденной Овсянниковой. Некото-

рые поступки членов семьи Рябушинских не одобрялись купеческим сообществом. Например, громкое дело деда по материнской линии — хлеботорговца Овсянникова — о поджоге им своей мельницы с целью сокрытия махинаций весьма смущало купечество, особенно старообрядческое. Да и Евфимия Павловна слыла девушкой экстравагантной и дерзкой. Василий Дмитриевич не обрадовался выбору сына, тем не менее препятствовать свадьбе не стал и даже оставил свой особняк молодым, переехав в 1903 году с младшей, еще незамужней, дочерью Августой в дом, выстроенный на второй, низинной, половине собственного земельного участка. Здание, возведенное по проекту Л.Н. Кекушева, сохранилось до наших дней почти без изменений (Электровзаводская улица, 12).

Новая хозяйка носовского особняка — Евфимия Павловна — начала перестраивать его на свой лад. По проекту гражданского инженера А.Н. Агеенко в 1910 году к дому добавили новую пристройку в два этажа. Сохранился составленный Агеенко план, являющийся приложением к прошению в Строительное отделение Московской городской управы, с надписью: «По сему плану желаю пристроить по доверенности Василия Дмитриевича Носова. Потомственный почетный гражданин Василий Васильевич Носов». После внесенных изменений главным фасадом фактически стал левый, выходящий в сад. Именно здесь сделали основной вход (ранее находящийся в правом крыле), а лестница, которая начиналась от него, теперь вела на площадку, соединявшую два главных парадных зала здания.

Искусствовед С.Р. Эрнст свидетельствовал, что, «по удачной мысли хозяйки дома, комнаты его должны представлять как бы музей современного искусства»⁷. Для отделки так называемого колонного зала и парадной столовой хозяева пригласили архитектора И.В. Жолтовского, женатого в то время на одной из сестер Рябушинских — Елизавете. Расписать парадную столовую наняли В.А. Серова. Художником и заказчицей предполагалось, что три стены столовой займут панно на тему «Метаморфоз» Овидия. Эскизы к панно заполнили несколько альбомов Серова, датированных 1910–1911 годами. Это наброски вариантов композиций: «Диана и Актеон», «Диана, превращающая Актеона в оленя», «Венера, Аполлон и Дафна», «Аполлон

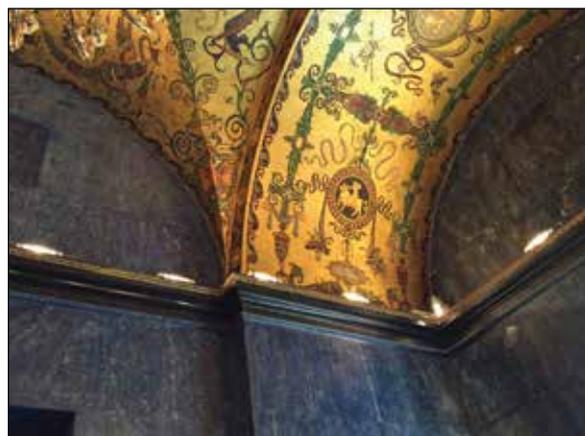

*Василий Васильевич Носов
с женой Евфимией Павловной*

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

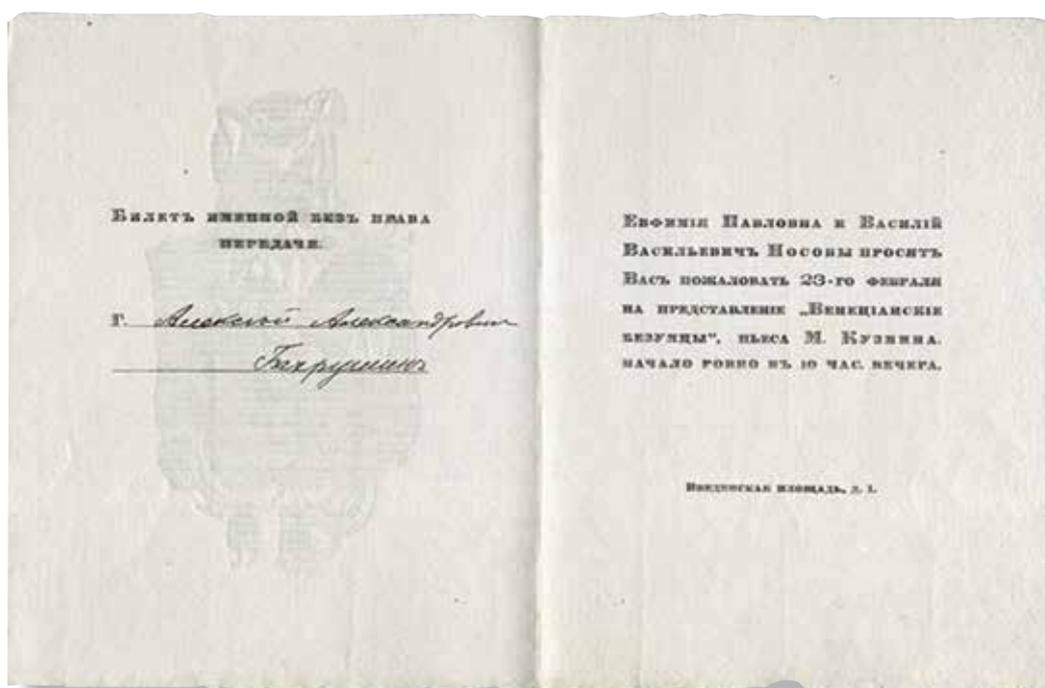
и Диана, избивающие детей Ниобеи». Помимо альбомных эскизов, в мастерской художника осталось «пятнадцать больших проектов росписи с чудными деталями и остроумными затеями»⁸. К сожалению, завершить проект Валентину Александровичу не удалось в связи с преждевременной кончиной. Три эскиза экспонировались на его выставке в здании Третьяковской галереи на Крымском Валу (октябрь 2015 – январь 2016).

Жемчужиной дома стала круглая площадка, разделяющая колонный зал и парадную столовую, с куполом, расписанным М.В. Добужинским.

О.Э. Браз. Портрет М.В. Добужинского

Добужинского называют мастером городского пейзажа, книжным иллюстратором (рисунки в журналах и к произведениям А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, К.И. Чуковского), сценографом (работал с МХТ, рижским и каунасским театрами, парижской «Летучей мышью»). Гораздо реже о нем пишут как о художнике-монументалисте. Это связано не только с тем, что монументально-декоративной живописью он занимался меньше, чем прочим, но и главным образом с тем, что в России сохранилось, пожалуй, единственное его произведение в данном виде искусства, причем скрытое от глаз — именно в доме Носовых, куда доступ ныне ограничен, поскольку здание принадлежит частной компании. Мстислав Валерианович трудился в особняке с октября 1912-го по апрель 1913 года, о чем свидетельствует настенная табличка с надписью: «ANNO DOMINI MCM XII — MCM XIII»; на противоположной стороне купола художник оставил автограф «Mstislaw Dobuzinski». Им была создана оригинальная роспись: на темном, почти черном фоне, переходящем в синий, таинственно сияют золотые орнаменты. На первый взгляд купол оставляет впечатление чего-то очень яркого, разноцветного, мозаичного, но в действительности здесь использованы лишь

четыре краски: зеленая, красная, черная и белила⁹. До начала работы Е.П. Носова отправила Добужинского в Италию для знакомства с искусством Средних веков и эпохи Возрождения. Роспись купола в носовском особняке, выполненная по образцу фресок дворца Козимо Медичи во Флоренции, напоминает мозаику. Кобальтовый фон с обильным применением позолоты указывает на неоклассический стиль. Сюжеты отсылают к итальянской живописи XIV–XVI веков: античная мифология, знаки зодиака, портреты хозяев особняка в соответствующем исполнении. Стены лестничной клетки также были выкрашены на 4/5 высоты в интенсивно синий цвет, а на 1/5 снизу — в черный; наружные стороны дверей, ведущих в зал и столовую, и рама большого лестничного окна расписаны золотом по черному фону. Условно выделенные светотенью мужской и женский профили на щитах, по одной из версий, изображают Одиссея и Пенелопу — при явном портретном сходстве с хозяевами дома.

Пол под куполом выложен мозаикой из мелких камней — светло-серых с теплым оттенком, серых и черных. Он разделен на радиально расходящиеся ячейки, в которые вписаны коровьи черепа и растительные мотивы. Мозаика композиционно едина с росписью, но «качеством уступает ей — по-видимому, художнику принадлежит лишь эскиз мозаики, исполнение

было поручено ремесленникам»¹⁰ (сейчас мозаика нуждается в реставрации и скрыта под ковром).

В 1940 году после перепланировки здания чиновники распорядились фреску закрасить. К счастью, приказ выполняли знающие люди — они прежде заклеили роспись бумагой и наложили слой шпаклевки. В начале 1970-х годов «маскировку» убрали — фреска была как новая.

В молодой семье Носовых доминировала и блистала Евфимия Павловна. Муж больше занимался делами фабрики, торгового дома, а за культурную жизнь отвечала жена. Евфимия Павловна устраивала в доме художественно-литературный салон. В зале давались спектакли по пьесам Алексея Толстого и Михаила Кузмина. Вот несколько высказываний современников о хозяйке особняка. М.В. Добужинский: «Для дамы она знает довольно много»; К.А. Сомов: «Великодушная и некупая»; И.Э. Грабарь: «Энергичная собирательница искусств, хозяйка местного салона, привлекавшая видных живописцев и писателей». Портреты госпожи Носовой писали такие мастера, как К.А. Сомов¹¹ и А.Я. Головин¹², ее скульптурный бюст изваяла А.С. Голубкина¹³. О возможностях и вкусах Евфимии Павловны говорит тот факт, что свои наряды она заказывала у самого знаменитого в то время модельера России — Надежды Ламановой. Сомов, например, изобразил ее в белом атласном

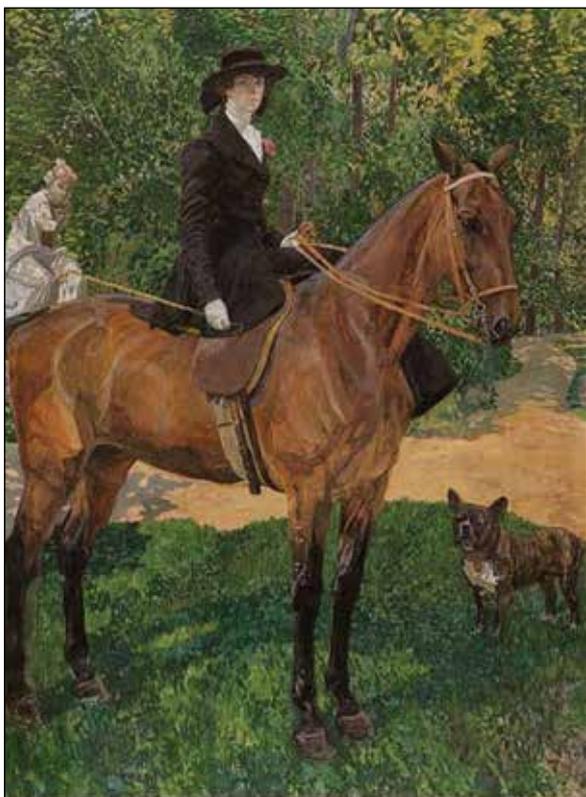
ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

*К.А. Сомов. Портрет Е.П. Носовой.
1911 год*

*А.С. Голубкина. Бюст Е.П. Носовой.
1912 год*

*А.Я. Головин. Портрет Е.П. Носовой.
1914 год*

платье от Ламановой, украшенном черными кружевами и кораллами.

Евфимия Павловна известна и как собирательница старинных русских портретов. В ее коллекции были работы Д.Г. Левицкого, Ф.С. Рокотова, В.Л. Боровиковского, О.А. Кипренского, В.А. Тропинина, С. Тончи. Уезжая после революции в Европу, Носовы отдали свое собрание на временное хранение И.Э. Грабарю — тогда директору и попечителю Третьяковской галереи. В фонде Третьяковки оно хранится и в настоящее время.

Е.П. и В.В. Носовы имели двоих дочерей — Киру и Августу. Кира вышла замуж за персидского сановника. По свидетельству потомков, она вместе с мужем в составе иранской делегации в 1930-х годах приезжала в Москву. Августу замужем не была.

Евфимия Павловна пережила супруга на 37 лет; похоронена на кладбище Verano в Риме.

После 1917 года носовский дом видел много хозяев, не очень рачительных: почти все элементы внутреннего и внешнего убранства оказались утрачены. В 1919–1920

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

годах здесь находился пролетарский музей Благуше-Лефортовского района, затем детские ясли, а с конца 1920-х — Дворец культуры имени В.И. Ленина. В этот период особняк еще не претерпел серьезных изменений. Его коренная реконструкция произошла в связи с передачей здания Дому комсомольца и школьника (1935). В 1961 году в особняке расположился историко-краеведческий музей Первомайского района (с начала 1990-х годов — выставочный зал «Музей “Измайлово”»)¹⁴. В 1993-м дом Носовых был приватизирован. В настоящее время на здании сохранилась декоративная отделка фасадов, относящаяся к 1930—1940-м годам. Частичные внутренние реставрационные работы производились в 1980 году объединением «Росреставрация». В середине 1990-х годов крупный ремонт осуществила организация, на тот момент владевшая особняком. Сейчас его площади арендуют несколько коммерческих структур. Надо отдать должное нынешнему собственнику: хотя и без исторической реставрации, дом содержится в образцовом порядке. Ремонт фасада и части помещений был сделан в 2010—2012 годах.

Из фрагментов первоначальной внутренней отделки дома уцелел купол Добужинского, правильному зрительному восприятию которого, правда, мешает не подходящая по стилю люстра. Колонны из искусственного мрамора ионического ордера работы И.В. Жолтовского остались практически без изменений. В угловом кабинете, архитектурно-декоративное убранство которого изначально выполнено Л.Н. Кекушевым в стиле модерн, хорошо сохранился затейливый сложный карниз. В малой гостиной привлекает внимание каннелированный ребристый потолок и лепной карниз. Несмотря на неполную сохранность интерьеров, они тем не менее представляют значительную историко-художественную ценность.

* * *

В заключение скажем несколько слов о дочерях В.Д. Носова, сведения о которых автору предоставили их потомки.

Екатерина Васильевна Носова (1871—?) в 1891 году вышла замуж за мелкопоместного дворянина Сергея Николаевича Силина. У них родилась дочь Екатерина. Характеристику Сергею Николаевичу дает

в своих «Воспоминаниях» Ю.А. Бахрушин: «Человек он был не злой, даже добрый», и в то же время «никакими особыми талантами не обладал и выдающимся человеком отнюдь не был, но, несмотря на это, все это, его фигура была исключительно характерна для целого ряда людей того времени — представителей пережившей себя эпохи. <...> Владея крайне незavidным имением, десятин в пятьсот, и небольшим деревянным усадебным домиком, он считал себя по призванию помещиком и практичным дальновидным сельским хозяином. Но почему-то выходило так, что все затеи дяди никогда ему не удавались <...>»¹⁵. После революции Силины эмигрировали на Балканы. Об их дальнейшей судьбе родственникам ничего не известно.

Варвара Васильевна Носова (1874 — после 1940) в 1893 году вышла замуж за князя Ивана Александровича Енгальчева. Венчание состоялось в домово́й церкви генерал-губернаторского дома на Тверской улице. Ю.А. Бахрушин цитирует письмо матери, Веры Васильевны Носовой: «Сестра полтора месяца проплакала, прежде чем ей позволили выйти за <...> князя. А отчего? Именно оттого, что он — князь. Папа — купец, всякий гордится своим, и он не желал, чтобы его дочь выходила за князя»¹⁶. И далее Бахрушин пишет: «Нужен был весь исключительный такт и обаяние моего нового дяди, чтобы со временем сгладить этот неравный брак»¹⁷. Летние месяцы Енгальчевы проводили в основном в своем имении Новоселки Мценского уезда Орловской губернии, на зиму возвращаясь в Москву. Потом купили дом в Орле. В семье родились три сына и дочь. Во время революционных событий Енгальчевы, предупрежденные местными крестьянами о готовящихся погромах, уехали в южные губернии, занятые в то время белыми войсками, затем перебрались на Балканы, оттуда в Германию, в Бремен. Сын Николай погиб в Гражданской войне. Из Бремена Енгальчевы в 1924 году отправились пароходом в Америку, где, примкнув к общине русских эмигрантов, обосновались в Балтиморе. Князь, имея художественное образование, писал картины, в основном портреты. Его сын Кирилл также занялся живописью и, по некоторым сведениям, расписывал в Балтиморе Свято-Троицкий православный собор. Варвара Васильевна, как и многие жены эмигрантов, работала белошвейкой. А младший сын Иван, инженер, создал собственную фирму

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ДОМА

по производству кондиционеров и стал настоящим американским миллионером. Потомки Енгальчевых живут в США.

Вера Васильевна Носова (1875–1942), с детства отличавшаяся самостоятельностью, единственная из дочерей В.Д. Носова окончила казенную гимназию — 2-ю московскую (остальные сестры учились в частных). Интересующаяся фотографией и техникой девушка выбрала эту гимназию сама, поскольку там хорошо преподавали точные дисциплины. В 1895 году Вера вышла замуж за Алексея Александровича Бахрушина (1865–1929) — будущего основателя Театрального музея в Москве, общественного деятеля, крупного кожевенного фабриканта. «Брак был равным и не встретил никаких возражений среди родни. Свадьба была пышная, о ней говорила вся купеческая Москва»¹⁸. Энергичная и увлекающаяся супруга с радостью разделила театральные пристрастия мужа и стала ему неизменной помощницей. Вначале молодые поселились в квартирке на Большой Якиманке. Вскоре отец Алексея Александровича подарил чете участок земли на углу Лужнецкой улицы и Зацепского Вала и выделил сумму для постройки собственного дома. Особняк был спроектирован архитектором К.К. Гиппиусом. В планировке здания предусматривалось помещение под театральную коллекцию. Со временем в особняке разместился Государственный центральный Театральный музей имени А.А. Бахрушина. (После кончины мужа, будучи пожизненным членом Русского театрального общества и числясь при этом в штате простой машинисткой, Вера Васильевна многое сделала для сохранения музея.) В семье родилось трое детей — Юрий, Александр (умер во младенчестве) и Кира. Юрий Алексеевич Бахрушин (1896–1973), впоследствии ставший крупным балетоведом, историком театра, преподавал в Хореографическом училище Большого театра и в ГИТИСе, работал с К.С. Станиславским в его музыкальной студии. Человек очень скромный, он долгие годы жил в коммунальной квартире в Леонтьевском переулке и лишь незадолго до смерти получил однокомнатную квартиру. Всю жизнь Юрий Алексеевич оставался простым членом ученого совета Театрального музея, хотя по завещанию отца должен был стать почетным попечителем музея. Потомки Юрия Алексеевича живут в Москве.

К.Е. Маковский. Портрет В.В. Бахрушиной (урожденной Носовой). 1900-е годы

Татьяна Васильевна Носова (1877–1919) в 1901 году вышла замуж за Владимира Семеновича Алексеева (кстати, родственника К.С. Станиславского) — представителя еще одного известного купеческого рода. Венчались в храме Святых апостолов Петра и Павла на Новой Басманной, свадебный обед был дан в собственном доме Алексеевых на той же улице. В семье родились дочери Августа и Фелицата и сын Серафим. Татьяна Васильевна неплохо рисовала — сохранились расписанные ею фарфоровые тарелки. После революции Алексеевы проживали в подмосковной Малаховке. Умерла Татьяна Васильевна в возрасте 42 лет от свирепствовавшего в те годы тифа и похоронена на малаховском кладбище. Потомки четы Алексеевых до сих пор проживают в Москве.

Софья Васильевна Носова (1882–1940) вышла замуж за Николая Васильевича Постникова — представителя известной семьи купцов и коллекционеров. Они также остались в Москве. Детей не имели. В советское время Софья Васильевна, как человек глубоко верующий и не скрывающий

*Августа Васильевна Носова.
Москва. 1916 год*

своих убеждений, подверглась выселению за «сто первый километр». Последние годы проживала в городе Юрьеве-Польском.

Августа Васильевна Носова (1884–1960), младшая дочь Василия Дмитриевича, вместе с отцом, как мы помним, переехала в новый, кекушевский, дом, где под ее по-

кои был отведен весь второй этаж. Во время Первой мировой войны в качестве сестры милосердия Августа отправилась на фронт в составе бригады санитарного поезда. Вышла замуж в ноябре 1916 года за Леонида Ивановича Кондрашева из семьи крупных фабрикантов-текстильщиков. В октябре 1917-го родился первый ребенок — дочь Галина. А уже через год Носовых выселили из их дома, который был национализирован. Василий Дмитриевич уехал в подмосковную Перловку, где вскоре и скончался. Бывшего купца похоронили на старом Перловском кладбище (сносено). Л.И. Кондрашев, юрист по образованию (окончил юридический факультет МГУ), устроился на работу в музейный отдел Наркомпроса, где, занимая должность заведующего подотделом недвижимого имущества, тесно сотрудничал с известным архитектором-реставратором Петром Дмитриевичем Барановским. От Наркомпроса Кондрашевы получили комнату в коммунальной квартире. У них было четверо детей. Две первые дочери, Галина и Виктория, умерли малолетними (1921). Выжили и обзавелись семьями младшие дети — сын Дмитрий и дочь Евгения. Супруга Дмитрия и потомки Евгении живут в Москве. Похоронена Августа Васильевна на Даниловском кладбище.

Автор выражает благодарность за предоставленную информацию правнучкам Василия Дмитриевича Носова — Ольге Кирилловне Карасевой, внучке Августы Васильевны Носовой (Кондрашевой), и Татьяне Васильевне Мигиной, внучке Татьяны Васильевны Носовой (Алексеевой).

¹Драдедам (от фр. *drap de dames* — «драп для дам») — легкая шерстяная ткань с ворсом и разнообразными ткаными рисунками.

²Грушина А.Ф. Особняк на Малой Семеновской // Куранты. Историко-краеведческий альманах. М., 1989. Вып. 3. С. 293.

³Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С. 356.

⁴Тяга — вид охоты на птиц.

⁵Бахрушин Ю.А. Указ. соч. С. 353.

⁶Там же. С. 40–41.

⁷Эрнст С.Р. В.А. Серов. Очерк жизни и деятельности. Пг., 1921. С. 69.

⁸Грбарь И.Э. Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество. 1865–1911. М., 1965. С. 286.

⁹Сорокатый В.М. Забытое произведение М.В. Добужинского // Сборник «Советское монументальное искусство». № 5. М., 1984. С. 246.

¹⁰Там же.

¹¹Находится в Государственной Третьяковской галерее.

¹²Находится в Государственном Историческом музее.

¹³Мраморный бюст находится в Русском музее, бронзовая и гипсовая копии — в музее-мастерской А.С. Голубкиной в Москве.

¹⁴Грушина А.Ф. Указ. соч. С. 297–298.

¹⁵Бахрушин Ю.А. Указ. соч. С. 113.

¹⁶Там же. С. 56.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. С. 153.

Юрий Пахомов

Визави

Дико сидеть в номере гостиницы одному и глядеть на телефонный аппарат в надежде, что кто-нибудь позвонит. Но кто? Я был чужим в родном городе. В ванной капала из крана вода, в коридоре громко говорили, смеялись. И странно было слышать напористый южный говор и смех, словно то, что происходило во мне самом, должно было автоматически

исключить все посторонние звуки. А перед глазами все еще плыла дорога, сады, отгремел под колесами такси мост через реку, грязно-желтую, напоминающую подсыхающий бетон, а навстречу летели придорожные кусты, огороды, одноэтажные дома предместья, неотвратно приближая то, куда я ехал. И мне стало бы легче, если бы я увидел больничные бараки с окнами в решетках, окруженные высоченным забором, легче потому, что в последние дни я не раз воспроизводил в сознании подобную картину, наполняясь ненавистью к себе.

Интернат же оказался уютным и светлым. И зелени было много. Полководе зелени. А на скамейках сидели чистенькие старички и старушки. И кто-то даже смеялся. Ворота медленно отворились, движимые скрытым механизмом. Пожалуй, только это и напоминало о режиме, о той черте, что отделяла интернат от всего мира. Но опять-таки — в этом не было безысходности, ибо за воротами светило то же солнце, зеленели деревья, стоял тот же перезревший сентябрьский день.

Именно эта несообразность больше всего потрясла меня.

— Подождите, — торопливо сказал я водителю, с трудом удержав вырвавшийся горловой звук — не то смех, не то рыдание.

Остальное запомнилось плохо. Профессионально внимательный взгляд врача интерната, его плавная, округлая речь, смысла которой я так и не смог постичь. Что еще? Кажется, ее комната... Прочно врезалась в память только одна фраза, произнесенная старухой нянечкой: «Перед тем, как отойти, она вроде в себя пришла... Глянула на меня и говорит: “Вы меня только в казенном не кладите. У меня свое белье есть. И платок черный, с золотом”...»

— Черный, с золотом? — переспросил я, пытаюсь унять дрожащие губы.

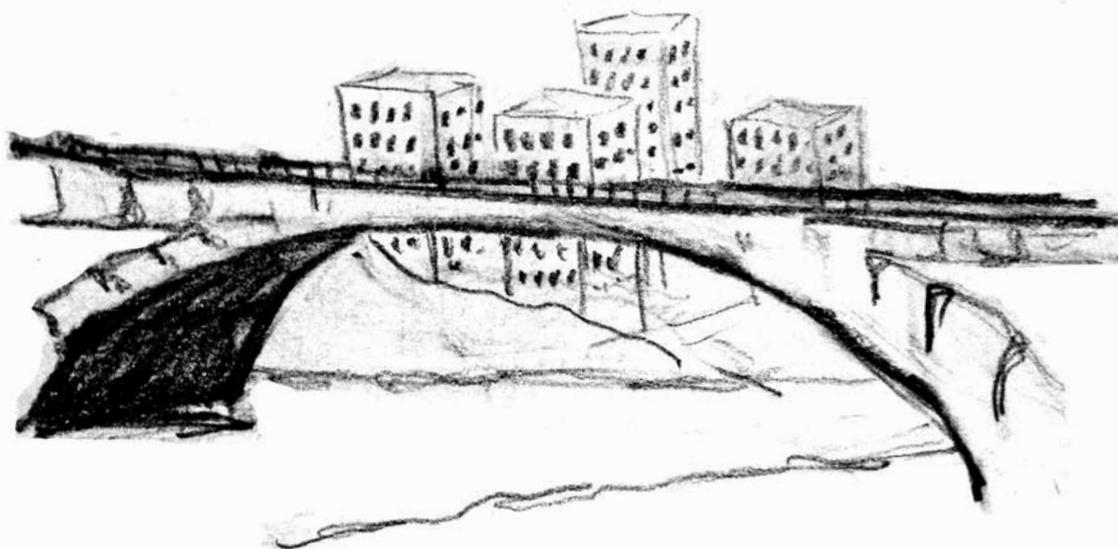
— Ну! Она его не снимала. Смеялась еще: стара барыня на вате. В нем и положили.

— Черный, с золотом, — повторил я и вспомнил, как покупал платок на рынке в Конакри. — Как же все это?

— Да как... Обыкновенно. Я и обмыла ее, и проводила. Все, как у людей, — старуха поджала губы.

Я полез в карман, достал деньги и протянул ей.

Старуха нянечка не удивилась, взяла и, не поблагодарив, пошла прочь, шаркая растоптанными шлепанцами. И в каждом движении ее было

нечто укоряющее и одновременно равнодушное. Когда она скрылась за домом, я вспомнил, что нянечка обещала проводить меня на кладбище. И не пошла. Впрочем, у меня наверняка не хватило бы сил — так вдруг заломило в затылке и черные точки поплыли перед глазами.

«Нужно сходить в ресторан, что-нибудь съесть и выпить, — подумал я, — может, тогда усну...»

Потребовалось немало усилий, чтобы сменить рубашку и галстук. Я старался не глядеть на свое отражение в зеркале — почему-то это было неприятно, — и только боковым зрением определил: узел лег хорошо, с изящной небрежностью. «Может, все-таки не ходить? Принять душ и лечь?»

Ресторан гостиницы, где я остановился, мне не понравился. Безвкусица выпирала из каждого угла, свисала пыльными шторами с окон; нагло поблескивали бра невысказанной формы — этакий декаданс, порожденный местным гением. Зеркальные панели производили странное впечатление, словно там, за тускнеющей амальгамой, сидели люди-двойники, среди которых я различил и самого себя — высокого, бледного, с растерянным лицом. Все столики были заняты. И я уже хотел уйти, как вдруг обнаружил свободное место у самого окна. За столиком одиноко сидел пожилой блондин, разительно отличающийся от всей публики, южной, пестрой, джинсово-яркой. Блондин был безукоризненно, пожалуй, даже изысканно одет: дымчато-голубой костюм, серый, неброский, но великолепный галстук. Тут я мог поклясться, что и костюм, и галстук имеют фирменную этикетку знаменитого Дома «Диор», во всяком случае, точно такой галстук — серый, с едва заметной искрой — я купил две недели назад в Париже. И стоил он недешево.

— Вы... позволите? — нерешительно спросил я.

— О-о, пожалуйста, — ответил блондин, приподняв светлые брови, и сдержанно улыбнулся. Улыбка, светлые брови — были знакомы, напоминали кого-то.

«Черт возьми, где я его видел?» — подумал я с тягостным недоумением.

Блондин был бледен, знакомым движением погладил затылок и раздраженно сказал:

— Официант принес вино и исчез. Хорошо, что вы подсели, настроение у меня — хуже некуда. Только представьте: сижу в кабаке в центре родного города. Отсюда до школы, где я учился, пять минут ходьбы... И один. Вы проездом или в командировке?

— Не то и не другое. Приехал навестить родные могилы.

— Поразительно, я ведь, в сущности, здесь тоже с этой целью.

Блондин достал пачку сигарет «Данхилл», закурил и с какой-то странной, напоминающей судорогу улыбкой продолжил:

— Два часа назад я вернулся с похорон самого близкого мне человека. Собственно, похороны состоялись раньше, но... это не имеет значения. Утрату я осознал только сегодня.

Он погасил сигарету и тут же зажег новую.

— Простите за мою навязчивость, но как-то сегодня мне не по себе.

— Понимаю, иногда необходимо выговориться. Одиночество, город, в котором когда-то жил, воспоминания. Вы меня ничуть не обремените, тем более что вечер у меня пустой, да и настроение...

— Вы серьезно?

— Вполне.

— Благодарю вас. Давайте выпьем, неизвестно, когда явится этот халдей. Черт знает, я отвек от такого обслуживания.

Вино мне понравилось, прохладное, терпкое, с тонким ароматом. Блондин внимательно глянул на меня и сбивчиво заговорил:

— Итак, я сегодня похоронил женщину, которая усыновила меня. Веру Сергеевну. Отца своего я не помню, даже фотографии не сохранилось. Мать потерял, когда мне было девять лет, погибла во время аварии на стеклотарном заводе. Вера Сергеевна была моим классным руководителем. Не могу понять, почему мы ее так боялись. Я прямо цепенел от ужаса, когда она входила в класс. И вот, сижу я дома, зареванный, — и вдруг входит Вера Сергеевна. Как сейчас помню: высокая, худая, гладко причесанная. Она даже в те трудные послевоенные времена очень следила за собой...

«Собирайся, Сергей, будешь жить у меня», — сказала она и улыбнулась. Ей-богу, я ее улыбку увидел впервые и почему-то еще больше испугался. Я просто представить не мог, что постоянно буду жить рядом с ней. Но и послушаться не мог. Вера Сергеевна жила на улице Ворошилова, в трех кварталах отсюда... Старая часть города сохранилась, ее флигелек тоже.

Представьте себе застекленную, увитую виноградом веранду, служащую кухней и столовой, и просторную светлую горницу. В горнице узкая, аккуратно застеленная кровать, диванчик, этажерка с книгами, на стене фотография девушки в берете. Судьба Веры Сергеевны, как я узнал позже, достаточно необычна: дочь известного московского адвоката, бестужевка, замужество, муж-прапорщик, бегство на юг. Муж погиб под Екатеринодаром. Вера Сергеевна так навсегда и осталась в этом городе. Дочь Наталью (ту самую, на фотографии) немцы повесили за связь с партизанами. Казалось, что все это должно было сломить ее, но никогда я не встречал более цельного, стойкого человека.

Помню, как я, ошеломленный, стоял в дверях, боясь перешагнуть порог. Вера Сергеевна поцеловала меня в лоб и сказала: «Заходи, Сергей, теперь это твой дом». Второй раз она поцеловала меня, когда провожала в Ленинград, — я ехал поступать в институт. Поцелуи и всякие там сюсюкающие словечки у нас были не приняты. Но от Веры Сергеевны исходило глубинное, устойчивое тепло, и я сразу же отогрелся. Внешне я еще долго оставался замкнутым, угрюмым ребенком.

Вера Сергеевна и не пыталась меня растормошить, у нее на этот счет было свое мнение. Говорила она со мной чуть мягче, чем в классе, никогда ни на чем не настаивала, но как-то так получалось, что ее и мои желания чаще всего совпадали и при этом я не чувствовал себя ущемленным. Думаю, что Вера Сергеевна была замечательным педагогом.

Из-за того, что у нее не было диплома (Бестужевские курсы не в счет), она вела только младшие классы, полагаю, что старшеклассники много потеряли из-за того, что русский язык и литературу у них вела не Вера Сергеевна.

Каждое воскресенье мы садились на трамвай и ехали на Сенной рынок. Там, в стороне от шумной барахолки, прямо на земле, расстелив рогожу или мешковину, торговали всякой всячиной. Попадались и редкие книги. Книги тогда еще не стали материальной ценностью, и за мизерную плату можно было купить томик Андрея Белого, Блока, подшивку «Нивы» с ломкими желтыми страницами. Со временем мы собрали приличную библиотеку.

«Лучше на чем-нибудь сэкономим, — говорила Вера Сергеевна, — Вещи тленны, Сергей. И мне жаль людей, которые всю жизнь посвящают накопительству вещей. Ковры, хрусталь... Книги — другое, духовное, а потому и вечное».

Вера Сергеевна рассказывала о Москве и Петербурге ее молодости. Особенно мне запомнился рассказ, как в доме ее отца пел Собинов. Она свободно говорила по-французски, и к пятому классу я уже неплохо знал французский язык. И это в те времена, когда преподавание языков в школе было поставлено отвратительно.

— Итак, дорогой визави, я рос в суровой чистоте и духовности. Откуда же тогда нравственная аномалия? Теперь, возвращаясь назад, я не могу точно вспомнить, когда во мне поселился тот, другой человек. Внешне я остался прежним — тихим, застенчивым мальчиком. Круглый отличник, победитель математических олимпиад — что-то вроде эталона. Меня ставили в пример, мною гордились. А по сути я был скрытен, недобр и жаден. Откуда это могло возникнуть у подростка, окруженного вниманием и заботой? И постепенно «другой» стал основным, первым, именно он теперь управлял моими поступками. Я не любил общественной работы, но одним из первых вступил в комсомол, стал старостой класса. Я научился хорошо, правильно говорить и делал все так, что у одноклассников не оставалось сомнений в моей искренности. От пристального разглядывания моей души спасало сиротство. Я понял и оценил все преимущества быть сиротой. И это понимание как бы ставило меня на две головы выше окружающих. Перемены, происшедшие во мне, не разглядела даже Вера Сергеевна. Любовь, как известно, слепа.

Психологи объясняют такие аномалии души комплексом неполноценности. Сиротство, заурядная внешность. Я был не то чтобы некрасив, некрасивость может быть выразительной, способной привлечь. Я был зауряден. А представление о собственной исключительности уже действовало, требовало признания. К тому же я рос слабым, болезненным ребенком. Корь, скарлатина, унизительные прыщи на подбородке. С какой ненавистью я разглядывал свое лицо в зеркале. К девятому классу я, правда, окреп, вымахал под метр восемьдесят (при нашем-то низкорослом поколении), но комплекс, по-видимому, уже сработал...

Блондин разлил вино по фужерам. Ресторан постепенно заполнялся. Люди-фантомы, отраженные зеркалами, скользили в воздухе. У меня ломило затылок, и, чтобы унять боль, я иногда прикасался к коротко постриженным волосам. И визави в точности повторял мои движения. Он был взволнован, бледен и временами, как ребенок после плача, судорожно вздыхал.

— У Жан-Жака Руссо есть такие строки: «Я хорошо понимаю, что читателю не очень нужно все это знать, но мне-то очень нужно рассказать

ему об этом». Так и у меня. Вы уж наберитесь терпения, мне и в самом деле необходимо выговориться... Знали бы вы, как Вера Сергеевна радовалась, когда я поступил в Ленинградский финансово-экономический институт. Правда, ее несколько шокировало, что я, золотой медалист, выбрал такой «заземленный», совсем не модный в те времена институт. Его называли «как много девушек хороших», имея в виду, что финансовый поставлял невест для выпускников военных училищ. В моду вошли физики, и Вера Сергеевна мечтала видеть меня кем-то вроде Ландау или Капицы. Разве я мог ей сказать, что пошел в финансово-экономический по необъяснимому внутреннему толчку. Я и позже многократно ловил себя на том, что, по сути, предсказывал ход событий, оказываясь на гребне в совершенно, казалось бы, провальной ситуации.

Через десять лет, когда я окончил институт, аспирантуру, защитился, выяснилось, что такие специалисты востребованы — торговля с зарубежными партнерами стала носить все более интенсивный характер, а я к тому же знал языки.

Студенчество вспоминать тяжело, оно было серым и голодноватым. Посылки от Веры Сергеевны передавались со знакомыми проводниками — я надолго запомнил кислотоватый запах перронов, ожидание, торопливый разговор с проводницей, в котором всегда было нечто унижительное. И еще приходили почтовые переводики. Именно переводики. Много ли может заработать учительница начальных классов? А я отказывал себе во всем, чтобы сшить черный костюм. Тогда в моду вошли черные костюмы и галстуки спокойных тонов. Пятидесятые годы перевалили за середину. «Оттепель» растревожила, изменила жизнь. Да вы и сами хорошо помните то время. Выставка Пабло Пикассо в Эрмитаже, французские импрессионисты, поэтический бум — новые имена, студенческие вечера с буги-вуги. Впрочем, поэзия и танцы меня интересовали мало, вечера я, как проклятый, просиживал в Публичке. Все, что уводило в сторону от цели, было отодвинуто до лучших времен.

Не могу без отвращения вспомнить полутемную лачугу в доме на набережной Фонтанки, кислый запах коммунальной кухни, пельмени на завтрак, на обед и на ужин...

В институте все пять лет я был отличником, занятия фехтованием принесли даже некоторую славу. Отношения с ребятами были равные. Не пьет, не курит? Ну что же, даже оригинально, зато, как и многие, подрабатывает на товарной станции, вкалывает, разгружает вагоны, легко ссужает деньги, в деканате при случае заступится. Мужик, «клевый чувак» — были такие словечки, взятые из жаргона музыкантов.

Женщины чутче угадывают натуру. Отношения с однокурсницами у меня установились сложные, хотя к 3-му курсу я, что называется, вошел в форму, со вкусом одевался, но их почему-то больше тянуло к забулдыге Витьке Квашину, все достоинства которого сводились к превосходной игре на гитаре, или к неряхе Мармышкину (тут и вовсе было непонятно). Существует мнение, что русская баба любит за талант. Но ведь и я был небесталанен, так, по крайней мере, утверждали мои преподаватели. Однажды однокурсница Галя Тетушкина, очкастенькая худышка со странными глазами, — считалось, что у нее мухи в голове, — сказала мне: «Не пойму, из чего ты сделан, из железа или из картона?» О, это была зоркая девушка.

— Усилия не пропали даром, — блондин усмехнулся, — я стал серьезным специалистом в своей области. Мои монографии переведены в США, во Франции и в Японии. Я перечитал гору книг, в том числе

и по искусству, и в обществе коллег выгляжу эрудитом. Новый роман Кабо Абэ, фильмы Антониони, Марк Шагал, самиздат... В моем мозге заложены сотни запоминающих устройств, достаточно лишь включить одно из них. Но это мертвая информация, ибо в смысле духовном я не стал совершеннее.

Следуя логике моего повествования, вы вправе предположить, что на очереди выгодная, тщательно продуманная женитьба. Все так и вышло: дочка академика, роскошная квартира в центре Москвы, дача в Абрамцево. Маша была очень хороша, я стал бывать в доме академика, специалиста по международному праву, человека милейшего, подлинного интеллигента, с родословной, корнями уходящей к декабристам и народовольцам. Предки его покоятся у стен Донского монастыря. Тещу мне застать не удалось, она умерла за год до моего набега на Москву. Бедняга тесть растрогался, узнав о моей жизни. Он сразу же потребовал, чтобы Вера Сергеевна переехала в Москву. Старик вдовец, по-видимому, рассчитывал, что наша жизнь станет и его жизнью. Он был очень привязан к дочери, и теперь привязанность его щедро распространилась и на меня.

На какое-то время и у меня возникло расслабляющее желание примириться с самим собой. Тем более что я был почти у цели. Вот тут и сработал холодный, жесткий механизм самосохранения: приближая Веру Сергеевну с ее нетерпимостью и страстью к пуританской жизни, я ограничивал свой маневр. Я с трудом представлял Веру Сергеевну в старинной квартире с дедовской бронзой и антикварной мебелью. В дальнейшем свои рассказы о потерянном детстве я построил таким образом, так расставил акценты, что из вороха словесной шелухи стал вырастать некий образ мачехи, извлекающей из воспитания сироты собственные выгоды. Старик что-то такое уловил, что-то надломилось в нем, он уже не заводил разговоры о Вере Сергеевне и поглядывал на меня с недоумением. Похоже, он был близок к пониманию моей сути. Взгляд его временами напоминал взгляд человека, выходящего из наркоза: искры прозрения бились в мутноватой глубине зрачков. Но тут случилась моя первая заграничная командировка. Мы с Машей уехали на год, тесть скончался через неделю после нашего возвращения. Кажется, я искренне горевал, хотя мне сейчас трудно отделать, что я пережил на самом деле, а что сыграл, совершив обычный акт лицедейства.

Началась эра благополучной жизни. Кто только не перебивал у нас в московской квартире и на даче в Абрамцево. Теплоота приема, терпимость, по крайней мере внешний демократизм, наконец, выпивка и закуска привлекали самых различных людей. Журналисты, актеры, модный портной — чтобы сшить у него костюм месяцами стояли в очереди, — студенты, военные, телевизионщики. Случалось, на огонек заходили и по-настоящему интересные люди. Однажды побывал известный поэт, худой, желчный человек с презрительными складками в углах рта. Он весь вечер просидел в углу, курил, стряхивал пепел на ковер, изумленно озирался, словно не понимая, как здесь оказался. Ушел он, не попрощавшись, забыв в прихожей шапку, которая до сих пор висит на вешалке.

А что же Маша? В ней как бы раз и навсегда застыли не то страх, не то восхищение мной. Тут я боюсь быть неточным. Она представляла собой кусок воска, которому можно было придать любую форму. Я вылепил ее по своему образу и подобию. Произведение носило столь завершенный характер, что меня иногда даже оторопь брала — мои слова, мои мысли! Я настолько властно разместился в ней, что ее совет, ее желание стали как бы сигналами одного из полушарий моего мозга. И все-таки я думаю,

что в основе моей власти над женой лежало одно важное обстоятельство: у нас не было детей. Не было по ее вине, и она это знала. Страх женской неполноценности разрушил остатки воли.

В те годы я много и хорошо работал. Слава широкого человека, кутилы, притягивала ко мне людей, укрепляла авторитет. Защита докторской диссертации прошла без единого черного шара. Знание иностранных языков, безупречное поведение за рубежом открыли иные возможности. Но вот что странно: на фоне совершенного благополучия у меня вдруг случались приступы тоски, и тогда я срывался, уезжал в родной город, всегда один, причем ехал непременно в плацкартном вагоне. Это был как бы рецидив угасающей совести. Я вез чемоданы дорогих подарков, словно вещами можно было откупиться от совершенного предательства. И пока шел от вокзала по мощенным булыжником мостовым, мне казалось, что с каждым шагом я молодею, становлюсь чище, и фантазии, одна причудливее другой, плескались у меня в голове. Я бросаю московскую квартиру, переезжаю в южный город, устраиваюсь преподавателем в институт, и мы живем вместе: я, Вера Сергеевна и Маша. Я шел, наполняясь решимостью, что именно так все и произойдет, и одновременно понимал всю несбыточность, бредовость этой идеи. Кстати сказать, это тоже одно из свойств моей природы — поиграть с воображением и тем самым сжечь энергию действия.

Вера Сергеевна встречала меня приветливо. С годами в ее облике все больше обозначалось нечто иконописное: седые, с серебряным отливом волосы, строгое и как бы высвеченное изнутри лицо, а глаза (вот уж верно сказано: «Глаза — зеркало души!») были светлы и всепонимающе печальны. Я сутки отлеживался на своем узком диванчике, читал возвышенно-странные книги, например прозу Марины Цветаевой. С Верой Сергеевной мы почти не разговаривали — и это стало как бы правилом игры: мы понимали друг друга с полуслова, мне снова было десять лет, и я еще не ощущал в себе ожесточенной раздвоенности. А Вера Сергеевна жалела меня. И мне нужна была ее жалость, я словно совершал омовение в купели и выходил из нее обновленным. Но уже через два-три дня подступало раздражение и я ругал себя за поездку, тяготился, чувствуя себя горожанином, оставленным в лесу, где уже не восторгаешься запахом травы и пением птиц, где каждое дерево кажется угрожающим, а трава отвратительно скользкой от росы.

Прощались мы сдержанно. И все же, возвращаясь в Москву, я ощущал прилив сил, как случается иногда после загула, когда встряхнешься...

В последний раз я был в родном городе два года назад. Вере Сергеевне перевалило за восемьдесят, она стала заметно сдавать. Черты лица отвердели, стали неподвижными, глаза потускнели, хотя двигалась она еще довольно бодро и вполне могла обслуживать себя. Комната ее по-прежнему была образцом чистоты и порядка. А ведь старость зачастую неряшлива. Я предложил ей переехать в Москву, но в голосе моем звучала неуверенность, и она, должно быть, почувствовала это, ибо посветлевшее ее лицо вдруг погасло, словно его заволокло пеленой. Она долго внимательно глядела на меня, и мне до смерти не забыть ее глаз. Наверное, в тот момент она приняла окончательное решение.

Простились мы хорошо. Она даже проводила меня до аэропорта. И мне кажется, что там, у железной ограды, среди свиста и грохота турбин авиалайнеров и по сей день стоит высокая старуха в светлом плаще и прощально машет рукой. Ну вот, в сущности, и вся история. Я улетел за границу, пробыл там без отпуска два года. И поверьте, это были непростые для меня годы. Ехал я без Маши, в страну, где все бурлило, и было неизвестно, как сложится обстановка. Вернулся несколько дней назад и узнал о кончине Веры Сергеевны. Она ушла в интернат для престарелых, книги отдала в библиотеку школы, где проработала всю жизнь, вещи и мебель раздала соседям. С собой взяла несколько любимых книг, иконку и черный, с золотом платок, что я привез ей когда-то из Африки. Я побывал в интернате сегодня. Вполне приличное заведение. Зеленые скамейки, квалифицированный персонал, но именно это меня почему-то особенно ужаснуло. Вы когда-нибудь глядели в колодезь, в его манящую глубину? Сегодня я заглянул — пусто, дна нет, а в глубине мрак...

Блондин вздохнул и вытер лоб платком.

...Я, по-видимому, захмелел, потому что не мог определить, сколько же времени сижу в ресторане. Блондина за столом уже не было, он вообще не оставил следов — пепельница была пуста, бутылки и рюмки исчезли. И разговор с блондином не запомнился, а вот тягостный осадок от общения с ним остался. Подошел официант, я хотел спросить у него про блондина, но сдержался, что-то помешало мне это сделать. Может, неприятный вид официанта? Весь он состоял из выпуклостей, окружностей, полушарий. Черный галстук-бабочка напоминал огромную муху, присосавшуюся к кадью.

— Пожалуйста, счет.

Официант выпучил глаза. Зрачки у него были тусклые, сероватые белки в прожилках.

— Вы же рассчитались.

— Ах, да...

Мои швейцарские часы показывали без двадцати девять. Неужели в ресторане я просидел всего час? Какая-то путаница. Боль в затылке прошла, но ощущение нереальности усилилось. Я закрыл глаза и сразу же увидел старуху-нянечку. «Я обмыла ее и проводила. Все, как у людей», — сказала она. Я встал и пошел прочь из ресторана. Когда подошел к двери, оркестр издал ужасающий грохот, и противный голос, сбиваясь на визг, запел: «Эх, Одесса, жемчужина у моря...»

В номере стояли сумерки. Я включил верхний свет, подошел к зеркалу и стал развязывать галстук. Пальцы двигались автоматически. Узел не поддавался, я поднял глаза и некоторое время с недоумением разглядывал свое отражение: из зыбкой глубины зеркала на меня глядел мой недавний визави, лицо у него было бледным, губы собраны в скорбную складку.

Иллюстрации Е.С. Сухоруковой

Любовь Георгиевна Еремина

Фотография из прошлого

О московских гастроях (1864) немецкой пианистки и композитора
Клары Шуман (1819–1896)

Однажды я рассматривала домашний архив потомков семьи Давидовых¹. Мое внимание привлекла фотография женщины с надписью на обороте. Хотя текст, написанный по-немецки, был неразборчивым, я поняла, что карточку некогда подарили Полине (Паулине) Давидовой (1832–1898), дочери док-

тора медицины Ю.П. Давидова (см. прим. 1), который являлся также отцом профессора Императорского Московского университета математика Августа Давидова (1823–1885/86) и композитора-виолончелиста Карла Давыдова² (1838–1889). Хозяин архива не смог мне сказать, кто изображен на снимке.

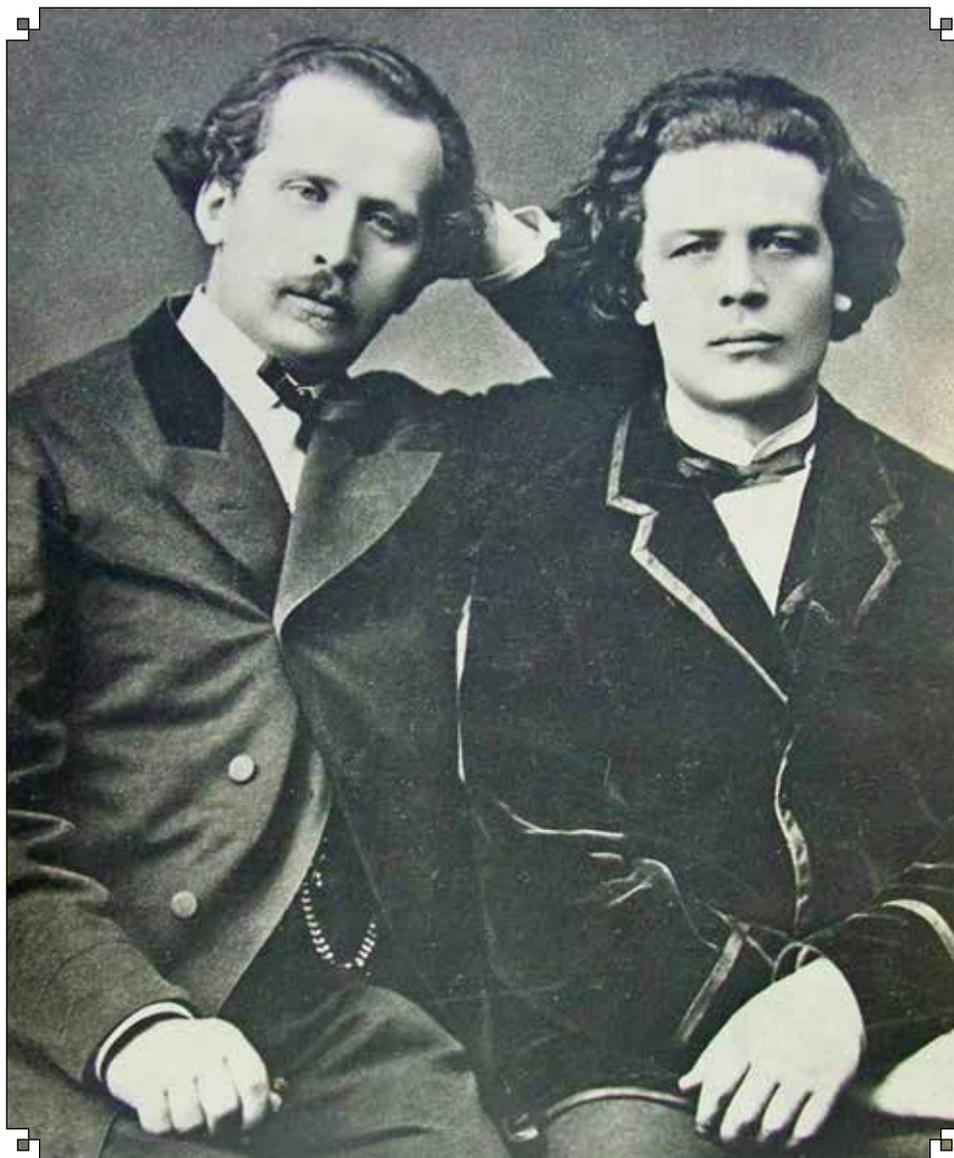

*Роберт и Клара Шуман.
1847 год*

По облику женщины я датировала снимок серединой XIX века. Далее обратилась к друзьям, владеющим немецким языком, но они оказались не в состоянии перевести дарственную надпись, со временем ставшую трудночитаемой. Вместе с тем лицо со снимка мне казалось знакомым, и вот однажды, когда я в очередной раз взгляделась в изображение, меня осенило: Клара Шуман! Найденный в Интернете точно такой же портрет пианистки не оставил места сомнениям.

Я связалась с Немецким культурным центром имени Гёте в Москве с просьбой расшифровать надпись. За исключением некоторых фрагментов, текст удалось разобрать специалистам Центра госпоже Наталье

Дирконос и господину Кристиану Маркграфу: «Sehr geehrte Pauline Davidoff zur freundlichen Erinnerung an Klara Schuman. [Название места неразборчиво]. 20 April 1884» («Уважаемой Паулине Давидофф на память о Кларе Шуман. <...> 20 апреля 1884»). Перед цифрой «20» стоял знак, напоминающий восьмерку, — возможно, дата была указана здесь по юлианскому и григорианскому календарям. Мне вспомнилось, что именно 8 апреля (по старому стилю) Клара Шуман дала в Москве концерт. Так определилось место — «Moskau». Однако гастроли пианистки в России состоялись не в 1884, а в 1864 году. Поэтому я решила, что специалисты Центра в расшифровке даты подписи, вероятно, ошиблись.

*Николай и Антон Рубинштейны.
Почтовая карточка начала 1900-х годов*

Перейдем теперь к тому, о чем напомним старинная фотография.

Впервые Клара Шуман посетила Россию с концертами в 1844 году вместе с мужем, композитором Робертом Шуманом. Тогда чету музыкантов у нас мало кто знал, поэтому гастроль прошла без особого успеха. Со второй половины 1850-х годов творчество Роберта Шумана обретает в России популярность. В 1864-м пианистка приехала для выступлений в Санкт-Петербурге и Москве уже по приглашению создателей Русского музыкального общества — Д.В. Стасова и братьев А.Г. и Н.Г. Рубинштейнов.

Первоначально в Москве Шуман должна была участвовать в трех квартетных

концертах в зале Благородного собрания. Но затем к ним прибавились сольное и два благотворительных выступления — в помощь малоимущим студентам Московского университета и «в пользу имеющих учредиться высших музыкальных классов» (консерватории). Один из благотворительных концертов состоялся 8 (20) апреля все в том же зале Благородного собрания, где на одной сцене с Кларой Шуман играл оркестр Московских Императорских театров под управлением Н.Г. Рубинштейна. На следующий день Шуман писала Д.В. Стасову: «Прием <...> был мне оказан настолько любезный, что я после многих уговоров решила провести здесь Страстную неделю и на Пасхе

<...> дать здесь свой собственный концерт, а 24-го сыграть еще концерт моего мужа в Русском музыкальном обществе. Оркестр прислал вчера ко мне депутацию и предоставил себя даром в мое распоряжение для моего концерта. Как это любезно, не правда ли? Кроме того, вчера еще мне был сюрприз: подарок от московских студентов; <...> (прекраснейшая сахарница тульской работы)»³.

Газета «Московские ведомости» от 15 апреля сообщала:

«Концерт в пользу недостаточных студентов — замечательное явление нынешнего сезона: в залу собралось до 1800 слушателей. Нет сомнения, что главным поводом такого стечения публики была прекрасная цель концерта, но надобно сознаться, что и его программа принадлежит к числу таких, которые делают громадные сборы. Имена знаменитой Клары Шуман, великолепного *cornet à pistons* Бурма, незнакомой здесь певицы г-жи Анненской, любимого в Москве тенора г. Никольского и г. Рубинштейна как дирижера оркестра могли служить задатком верного успеха. <...>

Г-жа Шуман, рожденная Клара Вик, еще до замужества пользовалась громкой известностью и в числе славнейших пианисток Европы никогда не встречала опасной соперницы. При необычной для женской руки силе игра ее отличается до совершенства выработанным туше и истинно мастерской фразировкой. Артистка в особенности превосходно исполняет сочинения Мендельсона и покойного своего мужа Роберта Шумана. Все знаменитые пианисты, вступая на артистическое поприще, ездят послушать г-жу Шуман и поклониться ее великому таланту, как правоверные посещают Мекку. <...> Конечно, наша огромная зала слишком велика для *Kammermusik* (камерная музыка. — Л. Е.), но, несмотря на то, г-жа Шуман имела здесь решительный успех»⁴.

Столь громкое событие в музыкальной жизни Москвы не могло пройти мимо П.Ю. Давидовой, выросшей в большой культурной семье, в которой «музыка играла значительную роль. <...> Карл Юльевич, тогда уже (1860 год. — Л. Е.) славился как один из лучших виолончелистов Европы, одна из дочерей, Паулина Юльевна, превосходно играла на фортепиано. Заслуги же двух старших сыновей доктора Давидова, Ивана и Августа

Юльевичей, в сфере общественной и ученой деятельности всем довольно известны»⁵.

«Полина Юльевна была среднего роста полная женщина, уже почти седая, всегда затянутая в корсет. Что-то было неподвижное во всей ее фигуре и в самом лице. Она была хорошая музыкантша, но сама не играла никогда. Говорили, что в молодости у нее был неудачный роман, после чего она будто бы дала обет не прикасаться к роялю. <...> Некоторым ученицам она давала уроки музыки. Как сейчас вижу у рояля ее неподвижную, затянутую в корсет фигуру с длиннейшим карандашом, которым она отбивала такт и указывала ошибки, не двигаясь с места. Думаю, что под ее холодной наружностью таилось горячее сердце, когда-то оскорбленное в своих лучших чувствах и навек застывшее. <...> Она никогда не сердилась, терпение ее было безгранично»⁶.

Давидовы наверняка были много слышаны о Кларе Шуман от Карла Юльевича, долгое время жившего в Германии и даже учившегося в Лейпцигской консерватории, где преподавал муж Клары — Роберт. Очевидно, Паулина не отказала себе в желании взять автограф у великой пианистки, о чем и свидетельствует памятная надпись на фотографии. Также в пользу того, что Клара Шуман расписалась на карточке именно во время своих московских гастролей, говорит следующий факт: Паулина вместе с сестрами (Розой, Теодорой и Анной) содержала пансион в Фурманном переулке и вряд ли могла отлучиться за границу во время учебного года.

Вообще личность и музыка Роберта Шумана занимали важное место в творчестве членов семьи Давидовых. Например,

Э.Б. Лейтон. Уроки музыки

2 ноября 1869 года в Санкт-Петербурге Карл Юльевич исполнил виолончельный концерт Шумана и впоследствии переложил для виолончели несколько его пьес. Племянница Карла Давыдова Мария Августовна написала биографию композитора для знаменитой серии Ф.Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей»⁷.

Алексей Августович Давидов, возглавлявший одно время Санкт-Петербургское Общество музыкальных собраний, настоял на постановке в России единственной оперы Р. Шумана «Геновева» и взял на себя руководство хором. Премьера состоялась 1 апреля 1896 года на сцене Михайловского театра в Санкт-Петербурге.

¹Основателем династии Давидовых был переехавший из Курляндии в Москву (1839) доктор медицины действительный статский советник Юлий Петрович Давидов (1804–1870).

²Выдающийся музыкант основатель русской виолончельной школы К.Ю. Давидов удостоился высочайшей награды, однако в соответствующем указе фамилию написали через «ы». Сообщить царю, что в документ вкралась ошибка, никто не посмел, а Карлу Юльевичу посоветовали «подправить» фамилию.

³Лосева О.В. Роберт и Клара Шуман: русские пути. К проблеме взаимодействия культур. Диссертация на соискание ученой

степени доктора искусствоведения. М., 2012. С. 450.

⁴Пановский Н. Концертный сезон // Московские ведомости. 1864. 15 апреля.

⁵Арнольд Ю. Воспоминания. Вып. 1. М., 1892.

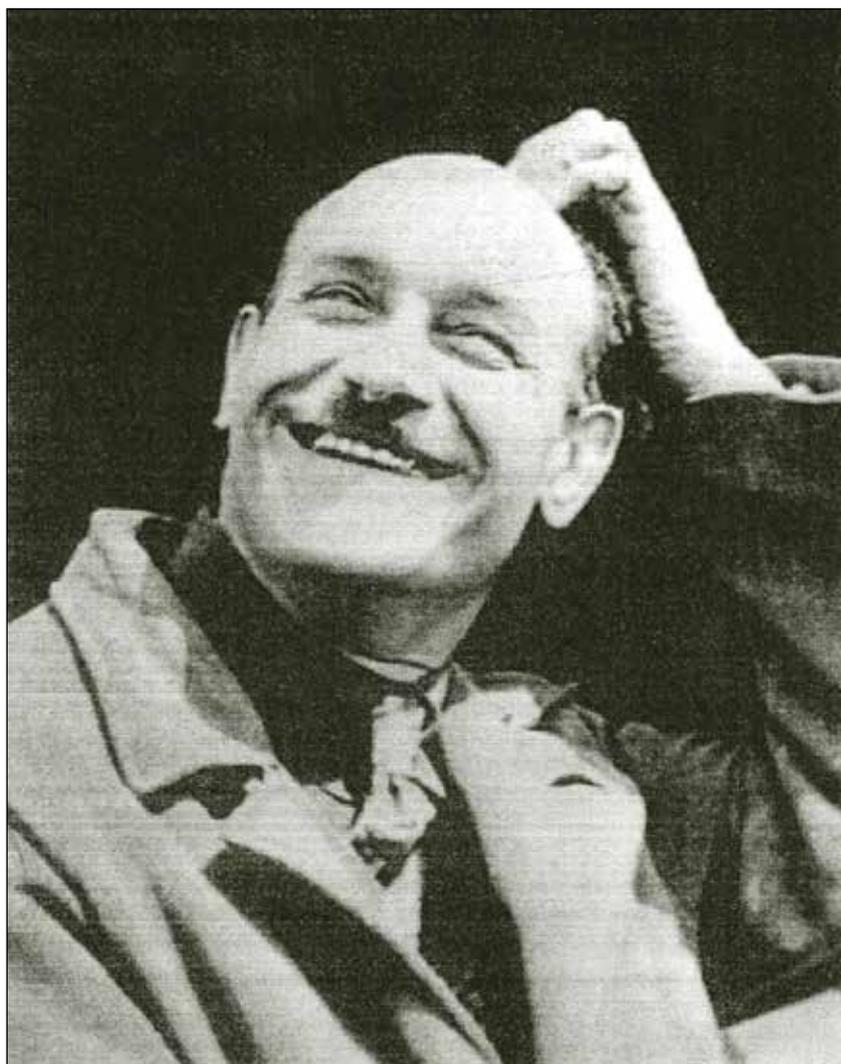
⁶Волконская Т.Е. Семья Давидовых. Рукопись (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 31; частично опубликовано в кн.: Сергеев И.Н. Царицыно. Суханово. Люди, события, факты. М., 1998).

⁷Давидова М.А. Роберт Шуман. Его жизнь и музыкальная деятельность. Биографический очерк. ЖЗЛ (Биографическая библиотека Ф. Павленкова). СПб., 1893.

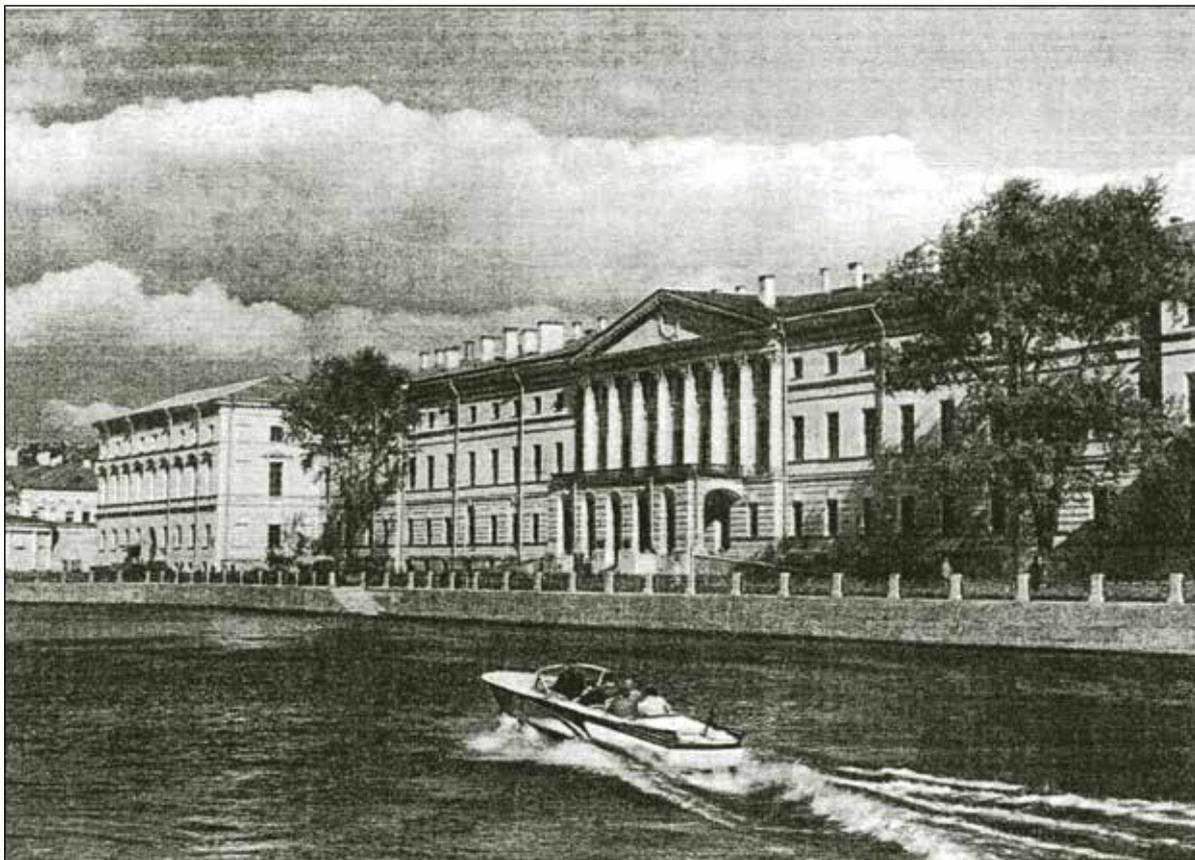
Михаил Николаевич Глазков

Обвинялся в шпионаже и терроризме...

**Жизнь и история ареста
директора Государственной публичной библиотеки¹
имени М.Е. Салтыкова-Щедрина
Мечислава Михайловича Добраницкого (1882–1937)**

Мечислав Михайлович Добраницкий

Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина

М.М. Добраницкий родился в польском городе Лодзь в семье купца 2-й гильдии. Юридическое образование получил в Германии (позднее, в 1912 году, подтвердил диплом доктора права на экзамене в Казанском университете). В молодости присоединился к революционному движению (1901) и в течение тринадцати лет оставался активным членом партии Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ)². За подпольную деятельность через два года после вступления в партию последовало заключение в Варшавскую крепость (1903–1904). Добраницкому грозила пятилетняя ссылка, но ему удалось бежать в эмиграцию, где в Лондоне, на V съезде РСДРП, он познакомился с В.И. Лениным. По приезде в Россию (1910) Добраницкий устроился в Санкт-Петербурге помощником присяжного поверенного.

Во время Первой мировой войны Мечислав Михайлович был приписан к одной из воинских частей Юго-Западного фронта в качестве ефрейтора запаса. После Февральской революции он — член фронтового Военно-революционного комитета, далее — член ЦИК Петроградско-

го совета рабочих и солдатских депутатов. В этот период Мечислав Михайлович (примкнувший, кстати, к меньшевикам) имел в личном пользовании легковой автомобиль — редкость, доступную только большому начальству. Хотя официально по должности он к явной высшей власти не принадлежал.

После Октябрьской революции Добраницкий, по невыясненным причинам, уехал (возможно, бежал) из Петрограда в Ростов-на-Дону, где два года служил в областном совете профсоюзов, после чего вернулся в Москву и вступил в РКП(б).

В 1920-х годах М.М. Добраницкий занимал ряд дипломатических должностей (Генеральный консул СССР в Гамбурге, заведующий отделом Наркомата иностранных дел по Прибалтике и Польше), пока Коллегия Наркомпроса РСФСР не назначила его директором Государственной публичной библиотеки (ГПБ) в Ленинграде (15 октября 1930)³. «Публичку» Мечислав Михайлович возглавил в разгар «Академического дела» (1929–1931), когда в Ленинграде и Москве было арестовано более 120 ученых, их родственников и друзей⁴. В 1934 году он писал, вполне разделяя

пафос эпохи: «Только в конце 1930 г., после чистки советского аппарата, когда была констатирована очень малая затронутость библиотеки вихрем революции, работники и новое руководство библиотеки решительно повернули ее к задачам социалистического строительства»⁵. В качестве директора Добраницкий реорганизовал кадровый состав подчиненных, привлекая «молодых сотрудников из рабочей среды и новой интеллигенции»⁶, квалификация которых, впрочем, оставляла желать лучшего. Сам он тоже нужным опытом не обладал, однако вскоре освоился и даже начал выступать с докладами в Институте книговедения при ГПБ, вести занятия на Высших курсах библиотечного дела, публиковать статьи по профильной тематике⁷.

Тем не менее в деятельности «Публички» имелись существенные недочеты. Их освидетельствовал посетивший библиотеку нарком просвещения А.С. Бубнов, о чем он сообщил на заседании Совнаркома РСФСР 7 сентября 1934 года. Правительство отреагировало Постановлением от 25 сентября «О работе Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина», в котором руководство ГПБ обязывали сделать ремонт здания, улуч-

шить систему отопления, водоснабжения, освещения, решить вопросы расширения штата и повышения профессионального уровня сотрудников, на что отпускались значительные финансовые и материальные средства⁸. Но дела не улучшались, и библиотеку продолжали критиковать: «Тесно, нет места для расстановки книг, для работы с ними. Книги лежат на открытых местах, где много людей и нет охраны. <...> До сих пор не израсходованы средства, выделенные на первое полугодие 1934 г. Странная экономия! <...> Ничего или почти ничего не сделала библиотека для подготовки кадров. Повышением квалификации своих работников низших разрядов здесь никто не занимается»⁹.

Некомпетентность в качестве директора «Публички», а также исключение из рядов ВКП(б) за меньшевистское прошлое привели к тому, что М.М. Добраницкого сняли с занимаемого им поста. До середины апреля 1936 года Мечислав Михайлович еще числился в ГПБ, после чего устроился помощником редактора ленинградского отделения Издательства социально-экономической литературы. Материалы для работы брал домой и на службе практически не появлялся¹⁰. В характеристике, состав-

*Выпуск стенной газеты членами жилищно-бытового кооператива дома № 4 на набережной Рошалья.
Фотография 1927–1928 годов*

*В Российской публичной библиотеке.
Фотография 1923 года*

ленной в издательстве на нового сотрудника по запросу НКВД, говорилось, что его редакторские замечания и поправки, в основном касающиеся стилистической стороны, а не содержания рукописей, большей частью ухуждают качество текста.

Основанием для ареста М.М. Добраницкого 23 августа 1937 года послужило обвинение в шпионаже в пользу Польши и Германии и организации терактов. Отметим, что в 1930-х годах формулировка «шпионаж» необязательно означала передачу государственных тайн спецслужбам других стран, а могла подразумевать и деятельность по распространению враждебных родине идей и подготовке антигосударственных мероприятий. Сегодня такого человека назвали бы агентом влияния. В НКВД считали, что Добраницкий работал на Германию именно в данном качестве, инкриминируя ему нелегальные связи с немецкими дипломатами.

Действительно, за почти три года службы в Гамбурге Мечислав Михайлович завел там тесные знакомства; был лично знаком с консулом Германии в Ленинграде; его жена Елена Карловна имела немецкое граж-

данство. Все это говорило не в пользу обвиняемого, однако на самом деле тот вряд ли сотрудничал с пришедшими к власти нацистами. Тем не менее следствие утверждало: Добраницкий «вредительски работал» на ослабление политического, научного, образовательного, культурного потенциала СССР накануне неотвратимо приближавшейся войны с Третьим рейхом. К тому же против арестованного свидетельствовали немецкие политэмигранты, проживавшие в Ленинграде, в том числе заведующий гаражом «Публички» Герман Грюнберг.

Учитывая происхождение М.М. Добраницкого и круг его ближайших знакомств, в который входил бывший товарищ по СДКПиЛ И.С. Уншлихт, арестованный 11 июня 1937 года, сотрудники НКВД сформулировали еще одно обвинение: шпионаж в пользу Польши. За несколько дней до задержания Добраницкого появился закрытый Оперативный приказ наркома внутренних дел Н.И. Ежова о борьбе со «шпионской, диверсионной, террористической деятельностью польской разведки в СССР». В приказе утверждалось, что

материалы следствия по делу так называемой «Польской организации войсковой» (ПОВ) свидетельствуют о проведении польскими нелегальными структурами на территории СССР «долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы». Несмотря на разгром московского центра организации, арест многих его членов и главных руководителей, среди которых, по данным НКВД, был И.С. Уншлихт, «ликвидация на местах польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ полностью не развернута. Темп и масштабы следствия крайне низкие. Основные контингенты польской разведки ускользнули. <...> Что касается агентурной работы, то она почти совершенно отсутствует. Больше того, существующая агентура, как правило, двойническая, подставленная самой польской разведкой». Между тем «польская разведка, предвидя неизбежность дальнейшего своего провала, пытается привести, а в отдельных случаях уже приводит в действие свою диверсионную сеть в народном хозяйстве СССР, и в первую очередь на оборонных объектах». В этой связи «основной задачей органов ГУГБ (Главного управления государственной безопасности. — М. Г.) в настоящее время является разгром антисоветской работы польской разведки и полная ликвидация нетронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР». Было приказано «с 20 августа 1937 г. начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций ПОВ. <...> О ходе операции телеграфно доносить каждые 5 дней»¹¹. Через три дня после начала операции Добраницкий был арестован.

Следующая линия в следственном деле Мечислава Михайловича — террористическая. Интересно, что в 1930-х годах по этой статье обвинили целый ряд библиотечных деятелей: бывшего директора «Ленинки» В.И. Невского, прежнего руководителя Московского библиотечного института Г.К. Дерман, экс-начальника Библиотечного управления Наркомпроса В.Г. Кирова и других¹². В числе арестованных были революционеры-ветераны с опытом конспиративной работы — люди суровые, решительные и зачастую недовольные сталинским режимом. Непредвзятый исследователь вправе допустить вероятность

существования в их среде террористических намерений, которыми могли воспользоваться более высокопоставленные заговорщики.

М.М. Добраницкий обвинялся в причастности к организации покушения на И.В. Сталина на сочинском курорте Мацеста, где Сталин периодически принимал лечебные ванны, всегда оставаясь во время процедуры в одиночестве. Сценарий покушения разрабатывал начальник Азово-Черноморского управления НКВД Г.С. Люшков, досконально знавший весь порядок омовений вождя. По ночам поступление воды в лечебный комплекс уменьшали и ее уровень понижался. Это позволяло добраться по водостоку до подземного накопителя, откуда планировалось через люк проникнуть в банный корпус, нейтрализовать двух техников и дожидаться прихода Сталина¹³. (В 1938 году Г.С. Люшков бежал в Японию, где предложил местной разведке разработанный им план убийства Сталина в Мацесте. План был настолько убедительным, что японские спецслужбы решили его реализовать, используя для этого эмигрантов-белогвардейцев. Для тренировки террористов японцы соорудили даже макет сочинского банного корпуса. Однако зарубежная агентура вовремя сообщила об этом НКВД, и в январе 1939 года группа из шести диверсантов была перехвачена на советско-турецкой границе, у селения Борчка.)¹⁴

Существовал ли в действительности сговор Добраницкого с Люшковым, сказать в точности нельзя, так как архивы ФСБ, содержащие дела репрессированных в 1930-х годах, недоступны. Поэтому просто изложим и прокомментируем имеющиеся в нашем распоряжении факты.

М.М. Добраницкий неоднократно поправлял здоровье в Мацесте, знал сотрудников Г.С. Люшкова и, возможно, его самого. Назначил Люшкова на должность начальника УНКВД по Азово-Черноморскому краю не кто иной, как Г.Г. Ягода (в период с 1934 по 1936 год — глава НКВД). На новом посту Люшков провел основательную чистку и — видимо, по договоренности с Ягодой — начал подбирать верных людей для осуществления покушения (в их числе, вероятно, был и Добраницкий). Также подчеркнем, что уголовное дело против бывшего директора Государственной библиотеки имени Ленина В.И. Невского возбудили после ареста

Ягоды (март 1937), который дал обширные признательные показания. На закрытом совещании Военной коллегии Верховного суда СССР 25 мая Владимира Ивановича приговорили к расстрелу за активное участие в антисоветской организации и создание в 1933 году террористической группы. А меньше чем через три месяца по аналогичной статье задержали бывшего начальника другой крупнейшей библиотеки —

М.М. Добраницкого. По мнению автора, подобные совпадения неслучайны.

29 октября 1937 года М.М. Добраницкий был приговорен к высшей мере наказания и 5 ноября расстрелян. При Н.С. Хрущеве (1960) его дело прекратили за отсутствием состава преступления, а при М.С. Горбачеве (1988) приговор отменили полностью. Однако истину в этом деле еще предстоит установить.

¹До 1917 г. — Императорская публичная, до 1925-го — Российская публичная, с 1932-го — имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, до 1992-го — Государственная публичная, ныне — Российская национальная.

²Социал-демократия Королевства Польского и Литвы — марксистская партия, действовавшая с 1893 по 1918 г.

³Глазков М.Н. Главная библиотека царской России 100 лет назад // Вестник МГУКИ. 2014. № 6. С. 30–35.

⁴Он же. Репрессированные советские библиотечно-библиографические деятели 1930–1941 гг. М., 2014. С. 26–28, 95.

⁵Добраницкий М.М. Ленинградская публичная библиотека на социалистической стройке // Красный библиотекарь. 1934. № 11. С. 43–48.

⁶История библиотеки в биографиях ее директоров. 1795–2005. СПб., 2006. С. 291.

⁷Красный библиотекарь. 1933. № 6.

⁸Там же. 1934. № 11. С. 42.

⁹Громадный мир // Вечерняя Красная газета. 1934. 19 сентября.

¹⁰История библиотеки... С. 295.

¹¹Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1997. С. 353–354.

¹²Глазков М.Н. Репрессированные советские... С. 106.

¹³Баландин Р., Миронов С. «Клубок» вокруг Сталина. Заговоры и борьба за власть в 1930-е годы. М., 2002. С. 309–311.

¹⁴Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000. С. 560.

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://www.mosjour.ru>

127015, Москва, Бумажный проезд, дом 14, строение 2.
Телефон: (499) 557-04-27 доб. 414
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Отдел распространения: (499) 557-04-07

13–17 мая 2016 года

(Москва – Верея – Великие Луки)

Десятые всероссийские краеведческие чтения

Участники Чтений во дворе ИАИ РГГУ у «Теремка».

13 мая. Фотография М.В. Кушниренко

Юбилейные Десятые всероссийские краеведческие чтения — очередной главный ежегодный форум краеведческого сообщества России — были организованы Союзом краеведов России (СКР), администрацией города Великие Луки (Псковская область), отделением краеведения и историко-культурного туризма Историко-архивного института РГГУ и Великолуцкой государственной академией физической

культуры и спорта (ВЛГАФК). Следуя сложившейся традиции, организаторы посвятили Чтения 2016 года двум юбилеям — 10-летию самих Чтений и отмечаемому в этом году 850-летию Великих Лук.

Следует признать, что в истории СКР и, следовательно, современного краеведческого движения Чтения уже стали своего рода феноменом. Ни в 1920-х годах — «золотом десятилетии» отечественного крае-

ведения, ни в период его возрождения в 1990-х, ни в начале 2000-х, когда проходили и всесоюзные, и всероссийские краеведческие конференции, не возникло подобного ежегодного общероссийского краеведческого форума с единым форматом и концепцией, с широчайшим кругом участников (и в смысле численности, и в смысле регионального представительства). Необходимо отметить и еще одну особенность мероприятия — издание материалов всех десяти Чтений в серии объемных сборников, ставших заметным явлением в сфере современной краеведческой историографии. Сборники выпускаются издательским центром «Краеведение» (в составе которого — преподаватели и сотрудники отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ) на средства самих издателей. Типографские расходы несколько лет частично брал на себя РГГУ, в последнее время типографский цикл финансируют соорганизаторы Чтений из регионов — местные отделения СКР или учреждения, на базе которых проводится выездная часть конференции (так было в 2013 и 2015 годах, когда выездную часть принимали Омский государственный историко-краеведческий музей

и Воронежский государственный университет соответственно, в нынешнем году средства выделены Великими Луками).

Традиция проводить Чтения в двухчастном формате (московская и выездная части) сложилась практически с первой конференции. Смысл выездной части видится в знакомстве краеведческого сообщества с коллегами из разных регионов, в обмене опытом, в формировании более прочных связей внутри сообщества. Выбор региона обусловлен именно этими задачами — предпочтение отдается городам и населенным пунктам, где действуют краеведческие объединения, региональные отделения СКР, активно ведется научная, просветительная и другая краеведческая работа. Именно из этих соображений Совет СКР еще два года назад принял предложение Великих Лук, в которых более 20 лет существует городское краеведческое общество, входящее в состав одного из самых активных региональных отделений СКР — Псковского.

Отметим также, что порой Чтения бывают даже трехчастными — когда наряду с «дальней» выездной частью организаторы проводят второй день работы в каком-нибудь подмосковном городе. Так было

*Заседание секции «Подвижники краеведения. Роль выдающихся деятелей в истории края».
ИАИ РГГУ 13 мая. Фотография М.В. Куширенко*

и в этом году: подмосковную секцию принимал самый маленький, самый удаленный от Москвы и одновременно один из самых древних (первое упоминание в летописях — от 1371 года) и интересных исторических городов Московской области — Верея Наро-Фоминского района.

В Десятых всероссийских краеведческих чтениях приняли участие представители 25 регионов (45 городов) России, а также гости из Республики Беларусь (Витебск) — всего 123 человека.

По традиции Чтения начались в Москве, в Историко-архивном институте на улице Никольской. Здесь 13 мая прошли утреннее и вечернее пленарные заседания, работали секции «Краеведение и краеведческое движение: история и современность», «Подвижники краеведения. Роль выдающихся деятелей в истории края», «Архивы и краеведческие исследования. Выявление и использование новых документальных источников для изучения истории и культуры края», «Современные краеведческие исследования: церковное краеведение, усадьбоведение, городоведение, военно-историческое краеведение», «Москововедение. Изучение истории и культуры Московского края», «Крымоведение. Исследования истории и культуры Крыма», «Преподавание краеведения в вузах. Краеведение и детско-юношеский туризм. Краеведческая периодика и электронные ресурсы».

В программу утреннего пленарного заседания были включены доклады председателя СКР, заведующего кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ профессора В.Ф. Козлова («Задачи Союза краеведов России и его региональных отделений в современных условиях») и первого заместителя председателя СКР, заведующей кафедрой москововедения ИАИ РГГУ доцента А.Г. Смирновой («Всероссийские краеведческие чтения — ежегодный главный форум Союза краеведов России: опыт десяти лет»). Еще одна тема — взаимодействие краеведческого сообщества и государственных органов в деле сохранения культурного наследия. Этому посвятил свой доклад заместитель руководителя Департамента культурного наследия города Москвы главный археолог Москвы Л.В. Кондрашёв, с которым в последнее время у Московского краеведческого общества (МКО) установились довольно тесные контакты. На заседании были также представлены разные срезы

Пленарное заседание в ИАИ РГГУ 13 мая

Л.В. Кондрашёв

В.Ф. Козлов

А.Г. Смирнова

современного краеведческого движения и краеведческой работы. О российской региональной энциклопедистике и важнейшей координирующей и аккумулирующей роли в ее развитии Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) говорил один из ведущих специалистов в данной области — заведующий группой исторической библиографии ведущий научный сотрудник РНБ А.И. Раздорский. Председатель Союза краеведов Владимирской области, член Совета СКР, заведующий кафедрой истории, археологии и краеведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых профессор А.К. Тихонов познакомил участников Чтений с большим опытом, накопленным владимирскими краеведами в области изучения местной церковной истории. А старший научный сотрудник подмосковного музея-заповедника «Дмитровский кремль», руководитель Дмитровского клуба краеведов, член Совета МКО Н.В. Табунова в своем докладе осветила работу Клуба, который, приняв эстафету от предшественников — дмитровских краеведческих объединений, возникших еще в дореволюционный период, — в этом году отмечает 100-летний юбилей.

Секционные заседания начались после небольшого перерыва, во время которого участники Чтений получили возможность

познакомиться с уникальным памятником средневековой Москвы и российского просвещения, находящимся в комплексе зданий Историко-архивного института РГГУ на Никольской, — палатами Государева печатного двора («Теремком»), где в 1564 году Иван Федоров и Петр Мстиславец закончили печать первой русской датированной книги — «Апостола». В ходе работы секций выступили 70 человек с 67 докладами.

Вечернее пленарное заседание традиционно было посвящено подведению итогов секционной работы. Кроме того, вначале прозвучало выступление заместителя председателя СКР, директора Омского государственного историко-краеведческого музея и руководителя Омского регионального отделения СКР П.П. Вибе, рассказавшего об основных направлениях и главных результатах деятельности омских краеведов в связи с подготовкой к 300-летию юбилею города (2016).

Важным итогом первого дня работы Чтений стало расширенное заседание Совета СКР, на котором приехавшие из регионов его члены рассказали о своей краеведческой работе, о ее важнейших результатах за прошедший год. Решением Совета в качестве региональных отделений СКР были оформлены краеведческие общества Оренбурга, Пензенской области, Кирова, Твери, Уфы.

Вечернее пленарное заседание 13 мая. Отчеты руководителей секций. Слева направо: А.Г. Смирнова, В.Ф. Козлов, Е.В. Морозов, С.И. Ярославцева, В.И. Вегерин, А.В. Гаврелюк, В.И. Первушкин

Участники выездной секции перед отъездом в Верею. 14 мая

14 мая участники выездной секции по теме «Малые и средние исторические города России: проблемы изучения, сохранения и популяризации культурного наследия», а также гости, прибывшие из разных регионов России, отправились в подмосковную Верею. Тема, вынесенная на обсуждение секции, сегодня весьма и весьма актуальна в нашей стране, где малые и средние города, как правило, — это древнейшие поселения с богатым историко-культурным наследием, дело сохранения, популяризации и использования которого далеко не всегда поставлено должным образом. Программный доклад, обозначивший все главные аспекты темы, представила главный специалист Института российской истории РАН профессор Э.Г. Истомина. Об истории и памятниках Вереи, о деятельности местного музейно-краеведческого сообщества рассказали представители Вереянского историко-краеведческого музея — его директор, бывший мэр города, главный современный историограф Вереи Ю.В. Комаровский (благодаря радушному приему, организованному им и его сотрудниками, работа выездной секции в Верее прошла успешно и на высоком уровне) и ведущий

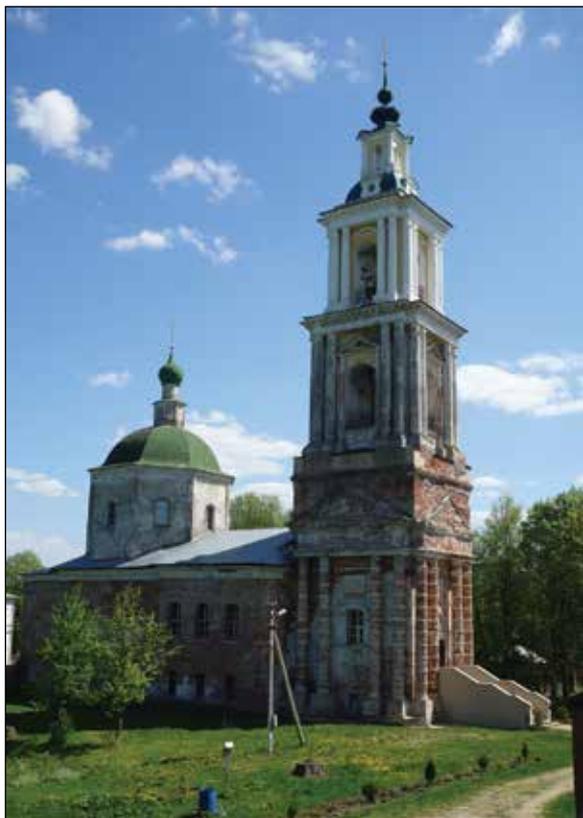

*Верея. У Входа-Иерусалимской церкви.
Слева направо: В.Н. Ревякин, Ю.В. Комаровский,
Ю.Ю. Каргин, Л.Н. Киселева. 14 мая*

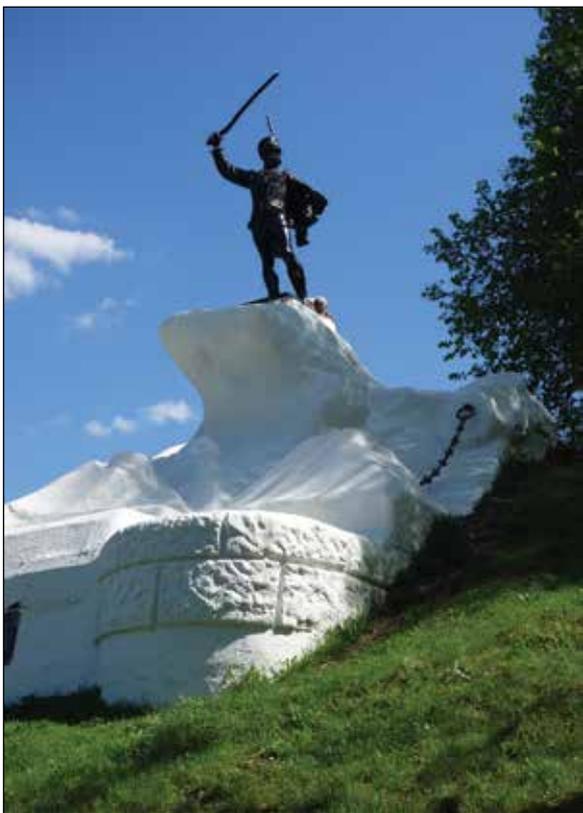

*Заседание выездной секции.
В.Ф. Козлов и Ю.В. Комаровский*

Верея

*Собор Рождества Христова
на городище*

*Памятник герою
Отечественной войны 1812 года
генералу И.С. Дорохову*

научный сотрудник А.В. Печкурова. Прозвучали также доклады, посвященные разным связанным с Вереей краеведческим сюжетам (О.В. Комаровская, А.Г. Смирнова). Ряд докладов был сделан представителями других малых и средних исторических городов. Об изучении, сохранении и популяризации памятников истории и культуры говорил председатель александровского клуба краеведов «Отечество» В.Н. Ревякин (Владимирская область). Те же вопросы были подняты в выступлении представителя города Тутаева (бывшего Романова-Борисоглебска) Ярославской области члена Совета МКО журналиста Ю.В. Стародубова. Краевед из ныне утратившего городской статус старинного Невеля (Псковская область) О.Н. Петровская поделилась своей болью, переживаниями о судьбе города, постепенно погружающегося в забвение.

Здесь же было объявлено об образовании в Верее на базе местного музея краеведческого общества как отделения МКО.

Участники Чтений совершили обзорную экскурсию по историческим достопримечательностям Верей.

Выездная часть Чтений, как уже было сказано, проходила в Великих Луках. От СКР сюда приехала делегация в составе 12 человек — членов Совета СКР и Совета МКО из Москвы и других регионов России. Состоялись два пленарных заседания (16 и 17 мая), работали секции (16 мая): «Краеведение Великих Лук: современное состояние, основные направления исследований», «Краеведческое изучение Псковской земли: церковное краеведение, усадьбоведение, городоведение, этнокультурные и социокультурные исследования, персоналии краеведов», «Архивные материалы в краеведческих исследованиях Псковского края. Краеведение сопредельных территорий».

Великолучане принимали Чтения на высоком уровне: в начале пленарного заседания 16 мая, прошедшего в Центре эстетического воспитания, участников от лица местной администрации приветствовали заместитель главы города С.Н. Агарев, председатель комитета по культуре В.И. Зандер, много сделавшая для организации великолукской части Чтений, и ректор ВЛГАФК В.Н. Шляхтов. На пленарном заседании прозвучало 7 докладов. С достижениями великолукского краеведения собравшихся познакомили председатель Великолукского городского

Великие Луки. 16 мая

краеведческого общества профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЛГАФК Г.Т. Трофимова (участница многих Всероссийских чтений) и член Совета СКР, сопредседатель оргкомитета Десятых чтений декан социально-гуманитарного факультета ВЛГАФК Д.А. Белоков (взявший на себя основные функции по организации и координации работы Чтений в Великих Луках). Достижения и проблемы псковских краеведов были темой доклада председателя Псковского регионального отделения СКР, члена Совета СКР Т.В. Вересовой. В связи с 10-летним юбилеем Чтений доклады В.Ф. Козлова и А.Г. Смирновой посвящались оценке роли и места этих форумов в истории отечественного краеведения: В.Ф. Козлов — «Всероссийские и всесоюзные краеведческие конференции золотого десятилетия и Всероссийские краеведческие чтения (2007–2016 гг.): два срезка научно-общественного краеведения в России»; А.Г. Смирнова — «Всероссийские краеведческие чтения (2007–2016 гг.) в контексте современного научно-общественного краеведения (1990–2010-е гг.)». С организацией школьного краеведения во всероссийском масштабе участников пленарного заседания познакомил член

*Пленарное заседание в Великих Луках.
Приветственное слово
председателя комитета культуры
администрации города Великие Луки
В.И. Зандер*

*Участники секционных заседаний у здания
Центральной городской библиотеки им. М.И. Семевского*

Участники (слева) и организаторы Десятых чтений (справа): сопредседатели оргкомитета В.Ф. Козлов, ректор ВЛГАФК В.Н. Шляхтов, Д.А. Белоков, А.Г. Смирнова

Совета СКР начальник отдела Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения А.Г. Озеров. Важнейшую проблему изучения событий и памятников Великой Отечественной войны, актуальную в том числе и для Великих Лук, ставших ареной героических и трагических событий — оборона города (1941) и Великолукская наступательная операция (1942—1943), — поднял в своем докладе член правления Можайского объединения краеведов (регионального отделения СКР) и Совета МКО М.М. Дехканов. Большой интерес вызвало выступление члена Совета МКО главного редактора «Московского журнала» А.Ф. Грушиной, рассказавшей об освещении темы военной истории края на страницах журнала и о роли этого издания в популяризации военно-краеведческих сюжетов.

Секционные заседания Чтений проходили в Центральной городской библиотеке имени М.И. Семевского, в них приняли участие 49 человек с 47 докладами.

Вниманию участников были предложены выставки, приуроченные к юбилейным торжествам: художественная («Великие города России»), архивные («Великие

Луки — город воинской славы. Из фондов Государственного архива Псковской области», «Адмирал Адриан Иванович Непенин — уроженец Великих Лук. Из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота, Санкт-Петербург»), книжные («Знаменитые имена земли Великолукской», «Муниципальные издания, посвященные 850-летию Великих Лук»).

Заключительное пленарное заседание утром 17 мая подвело итоги многодневной работы Десятых чтений в Москве, Верее, Великих Луках. Его непосредственной целью было ознакомление великолукских и псковских краеведов с общероссийским и региональным опытом организации краеведческого движения. Выступили члены делегации СКР, проинформировавшие собравшихся о деятельности своих местных краеведческих объединений. Прозвучали доклады А.К. Тихонова («Союз краеведов Владимирской области — опыт взаимодействия краеведческих объединений в рамках областного общества»); председателя региональной общественной организации краеведов Пензенской области, члена Совета СКР профессора кафедры истории России,

Заключительное пленарное заседание 17 мая

Г.Т. Трофимова

**На экскурсии в главном усадебном доме
Мемориального музея-усадьбы
М.П. Мусоргского в поселке Наумово**

Л.А. Штавдакер

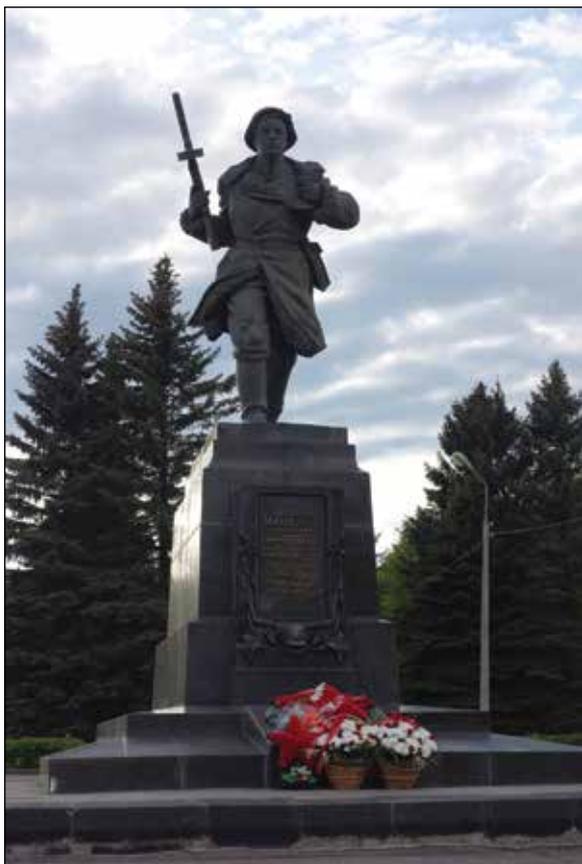
И.А. Новиков

краеведения и методики преподавания истории Пензенского государственного университета В.И. Первушкина («Региональная организация краеведов Пензенской области — модель местного краеведческого объединения в начале XXI века»); члена Совета СКР профессора кафедры истории России Воронежского государственного университета А.Н. Акиньшина («Современное краеведение и краеведческие объединения в Воронеже»); члена Совета МКО руководителя музея Зюзинской волости С.И. Ярославцевой («Организация

краеведческих объединений в городском районе и привлечение жителей к изучению и популяризации местной истории: из опыта работы в московском районе Зюзино»). Два доклада — членов Совета СКР доцента кафедры отечественной истории и права Челябинского государственного педагогического университета И.А. Новикова («Современные краеведческие конференции в Челябинске и Челябинской области») и главного библиографа-краеведа Донской государственной публичной библиотеки председателя Ростовского регионального отделения СКР Л.А. Штавдакер («Современные краеведческие конференции в Ростове-на-Дону и Ростовской области») — были посвящены теме организации и проведения местных краеведческих форумов. Великолукской краеведческой тематике уделили в своих докладах внимание В.Ф. Козлов (о документах Великолукской и Торопецкой епархии 1940–1950-х годов в Государственном архиве РФ) и Г.Т. Трофимова (об уроженце Великих Лук А. Малышеве). Опытом вузовского краеведческого образования и организации краеведческих практик поделился представитель Республики Беларусь член Совета СКР доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова Н.В. Пивовар.

Участникам великолукской части Десятых чтений, как и в Верее, была предложена превосходно составленная культурная программа, включавшая интереснейшие ознакомительные поездки по городу и его окрестностям.

*Выпуск «Летописца» подготовила
Александра Геннадиевна Смирнова*

*Великие Луки.
Памятник Александру Матросову*

*На родине Патриарха Тихона.
Погост Клин. Храм Воскресения Христова*

*Мемориальный музей-усадьба М.П. Мусоргского
в поселке Наумово Псковской области*

РЕПЛИКА

Вниманию читателей!

По техническим причинам в № 6 за 2016 год на странице 90 допущена ошибка.

В статье «Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны» вместо фотографии настоятеля московского Богоявленского Елоховского собора протоиерея Николая Федоровича Колчицкого помещен портрет Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского).

Приносим извинения нашим читателям.

*Местоблюститель Патриаршего престола
митрополит Московский и Коломенский
Сергий (Страгородский),
с 1943 года — Патриарх Московский и всея Руси.
1943 год*

*Настоятель Богоявленского Елоховского
собора в Москве кафедральный протоиерей
Николай Федорович Колчицкий*

ПОДПИСКА-2016

Уважаемые читатели!

Оформить подписку на наш журнал можно:

- В любом почтовом отделении.
Индекс в каталогах: «Роспечать» — 73371,
«Почта России» — 99716, «Пресса России» — 42158.
Подписку также можно оформить через агентство
«МК периодика»: (495) 681-91-37,
(495) 684-50-08 (для зарубежных подписчиков).
Подписной купон на обороте.
- На сайте www.vrn.ru
- В редакции по адресу: 127015, Москва, Бумажный пр-д, д. 14, стр. 2.
Телефон для справок: (499) 557-04-07.
Стоимость подписки с доставкой по почте — 900 рублей.
- В книжном магазине ТД «Библио-Глобус»
ежедневно с 10.00 до 19.00
по адресу: Москва, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1, зал 8, оф. 30.

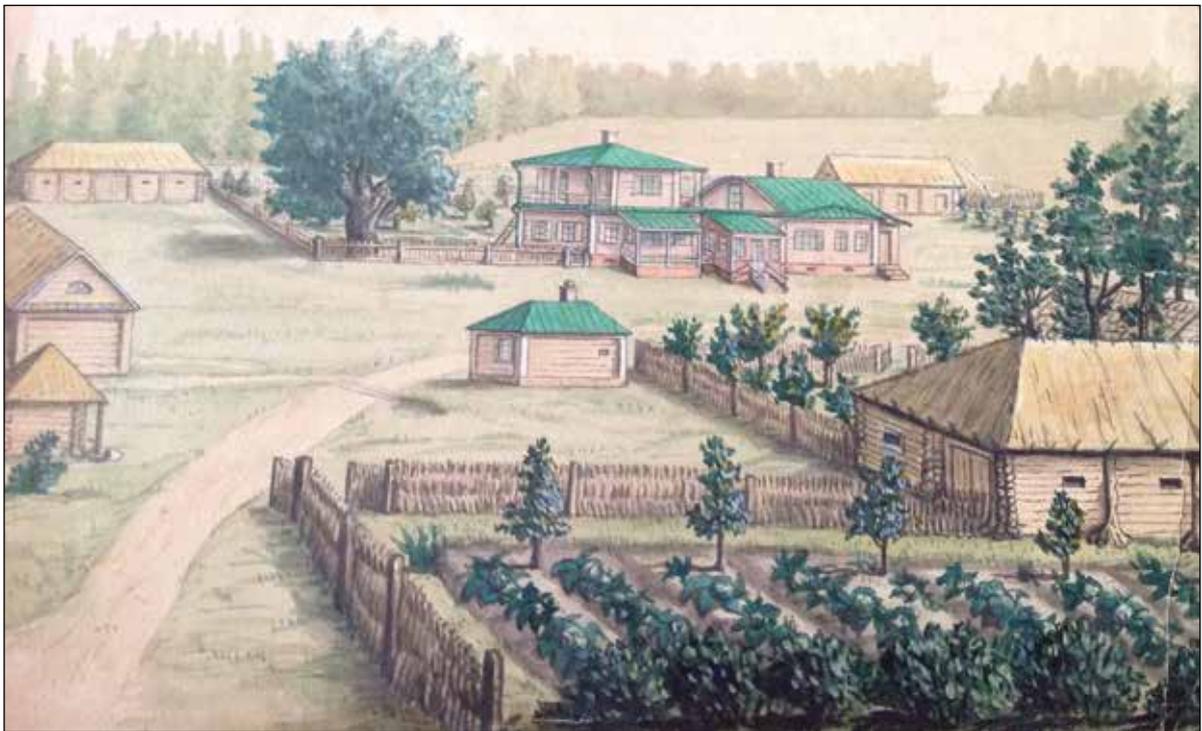
Электронная версия журнала — на www.pressa.ru

Наталья Александровна Филаткина

АРСЕНЬЕВЫ

Рассказ автора о своих предках

Усадьба Дорники.

Акварель А.С. Арсеньева. Публикуется впервые

От бабушки (маминой тети) я узнала, что прадед мой, Александр Александрович Розанов (1879–1959), был сыном Александра Сергеевича Арсеньева (1839–1917) — генерал-майора, участника Крымской и Русско-турецкой войн, предводителя дворянства Можайского уезда, и Татьяны Розановой, белошвейки по профессии, а по происхождению — крестьянки из деревни Тушков Городок под Можайском.

Позже мне многое поведали и другие родственники...

А.С. Арсеньев родился в семье чиновника особых поручений при московском губернаторе, податного инспектора Сергея Николаевича Арсеньева (1801–1860), и писательницы, поэтессы, переводчицы Надежды Васильевны Арсеньевой (урожденной Камыниной, 1804–1855)¹ — внучки (по матери) известного литератора

*Надежда Васильевна Арсеньева.
Из собрания Государственного
литературного музея*

*Дмитрий Сергеевич Арсеньев —
русский адмирал,
участник среднеазиатских походов*

XVIII века Василия Алексеевича Лёвшина (1746–1826)². В приданое мужу Надежда Васильевна приподнесла можайское имение Горячкино-Преображенское, о котором ее старшие сыновья Василий и Дмитрий (будущий воспитатель великих князей Сергея и Павла Александровичей) оставили воспоминания³.

Усадьба располагалась близ Бородинского поля. В 1812 году ее сожгли французы⁴, но к середине XIX века она была восстановлена. Уютный главный дом, построенный по образцу московского дома Гагариных на Новинском бульваре. За домом — большой хозяйственный двор: амбары, конюшни, коровник, птичник и так далее. Имелся вишневый сад и пейзажный парк. Перед главным домом — пруд на речке Войне, с островом; в стороне — сажальные пруды для разведения рыбы. Парк постепенно переходил в лес, летом изобиловавший грибами и ягодами. Д.С. Арсеньев:

«Хочу описать горячкинский дом и все, что его окружало и что было нам так мило и дорого. <...>

Перед домом был большой квадратный двор, середина которого была занята круглым сквером. Перпендикулярно к дому по обеим сторонам было по флигелю. На правой стороне — флигель, занимаемый конторой и помещением управля-

ющего, <...> а на левой стороне такой же флигель, в котором были все хозяйственные запасы. Эти флигели имели фронтоны с колоннами, и на крышах возвышались <...> красивые и оригинальные башни, что очень украшало двор и давало ему в наших глазах какой-то феодальный вид, и мы все жалели, что не было башни над самым домом.

На 4-й стороне двора, т. е. vis-à-vis дома, было тоже два одноэтажных строения с фронтонами и колоннами. В левом были конюшни и экипажные сараи, а в правом — комнаты для некоторых служителей и тоже для гостей. В середине между этими зданиями был колодезь, водой которого пользовалась вся усадьба, и за ним — деревянная стена, ограждавшая двор от окружающего усадьбу леса. Вне двора были три большие избы, в которых жили остальные дворовые со своими семьями.

Другой фасад дома выходил в сад, который был очень велик и приятен для прогулок, потому что в нем было много тени. Перед домом был большой луг,

*Николай Александрович Арсеньев.
Фотография 1900-х годов.
Публикуется впервые*

кругом которого были клумбы с цветами, и этот луг спускался до самой реки, которая несколько ниже усадьбы была запружена и потому в саду была очень широка; на середине реки (перед домом) был остров, покрытый высокими смолистыми тополями; на остров переезжали на плоту. Противоположный берег реки был крутой и покрытый лесом; этот берег был изрыт оврагами, тоже заросшими лесом, так что вид на сад и реку из дома был очень красивый. Луг перед домом был окружен купа́ми деревьев, и вообще сад был очень искусно разбит. Вправо от дома в саду были оранжереи и грунтовый сарай с чудными вишнями, а дальше шел английский сад — большой еловый старый лес с проведенными в нем дорожками. Тут была и беседка в виде греческого храма — с фронтоном и четырьмя колоннами. Эта беседка, окруженная высокими задумчивыми елями, была очень поэтична, перед ней была площадка с кучей песка, и здесь мы, будучи детьми, ежедневно проводили несколько часов. За садом на-

чинался опять лес, <...> куда мы очень часто ходили гулять и искать грибы, а за этим лесом был скотный двор, называемый Четверти, куда мы с родителями ездили пить вечерний чай. Это место было нам очень симпатично, и поездка на Четверти была всегда для нас радостна. <...>

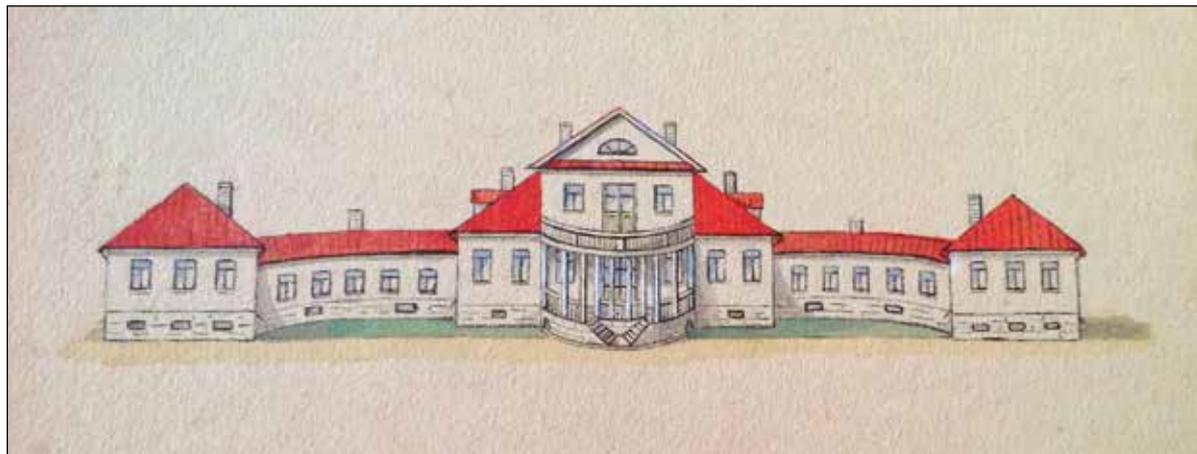
За двором нашей усадьбы был <...> очень старый лес, в котором водились волки; посреди его была узкая долина, называвшаяся “волчьей”, и в ней была устроена ловушка для волков»⁵.

Воспитывал братьев Арсеньевых губернатор мсье Пайен, который «был воином Наполеона, гусаром корпуса Даву. Участвовал во всех наполеоновских кампаниях, <...> в битве под Бородиным, <...> а во время отступления <...> был взят в плен, <...> сделался русским подданным. <...> К нам поступил он в 1838 году и провел у нас весь остаток многотрудных дней своих. <...> Замечательно, что он, хотя благоговел пред памятью Наполеона до того, что не мог без слезы смотреть на его изображения, но тщательно воздерживался от увлечения своих воспитанников этим чувством»⁶. Василий Арсеньев вспоминал: «Когда и братьев моих, Николая и Дмитрия, отдали родители одновременно в Морской <...> корпус, то мсье Пайен посвятил себя всецело брату нашему младшему Александру и до того к нему привязался, что Сашенька овладел им до деспотизма, свойственного детям несколько балованным»⁷.

Открытие в 1839 году мемориала на Шевардинском редуте ознаменовалось грандиозными торжествами. «Император Николай Павлович совершил воспоминательные битвы, <...> на которые собрано было 160 тысяч войска, и в том числе несколько полков императорской гвардии. Имение <...> родителей наших, находившееся в 6 верстах от Бородинского поля, гостеприимно принимало — так же, как и Тёсово⁸ — военных гостей. А села и деревни были полны солдат. Нашему другу мсье Пайену это оживило впечатления Бородинского сражения, в котором он в 1812 году участвовал, и задумывался он при виде находимых в земле Бородинской ядер, картечи, пуль, пуговиц, штыков и т. п. Памятник, поставленный на Шевардинском редуте, с иконой Спаса Нерукотворного и надписью “В нем спасение”, был освящен в присутствии государя и оставшихся в живых сподвижников

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

*Усадьба Горячкино.
Акварели А.С. Арсеньева. Публикуются впервые*

Главный усадебный дом

Пруд на реке Войне

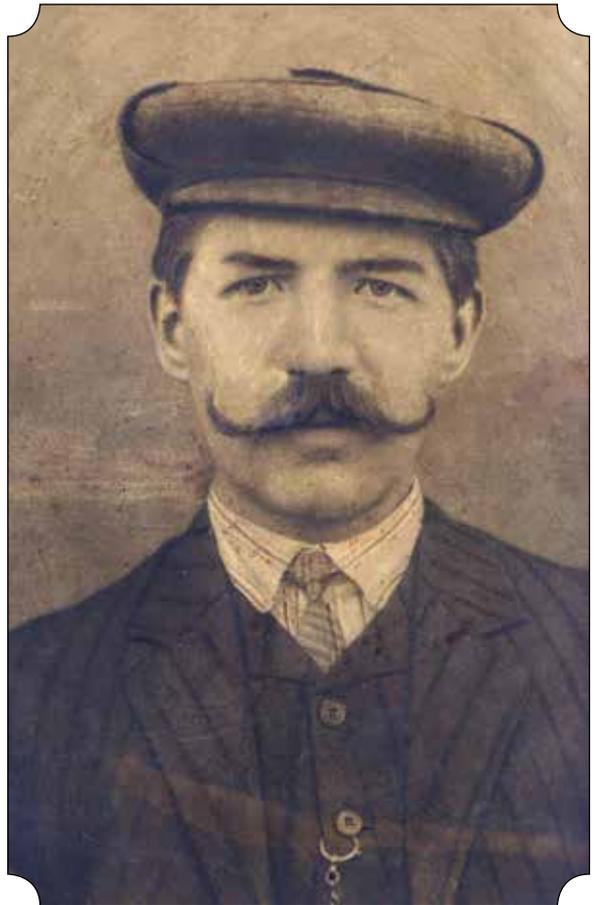

Хозяйственные постройки

Кутузова. <...> Впечатления наши детские, полученные от вида военных эволюций, были, понятно, сильные. В особенности при виде государя на коне своем, окруженного блестящей свитой и прибывшими иностранными посланцами на знаменитые маневры. Движение целых полков по горам и долинам было зрелищем, превышавшим обыкновенные разводы, нами когда-либо виденные; а нас одели <...> в форменные военные шинельки. <...> Сестра Геня, имев от роду лет 5, не отходила от военных посетителей, <...> угощения, им делаемые, были хлебосольством, немало стоившим, <...> а состояние родителей скорее требовало сбережений; впрочем, было такое время, что дворянство не знало состояния своего, никто почти не обращал никакого внимания на свои бюджеты»⁹.

По семейному разделу 1902 года усадьба отошла к родившемуся здесь Д.С. Арсеньеву. Однако жил он большей частью в Петербурге, и хозяйством управлял брат Александр, получивший имение Дорники¹⁰ в 8 верстах от Горячкина-Преображенского. Поступив на военную службу, Александр Арсеньев много лет находился вдали от родных мест — на Кавказе и в Закавказье. Долгое время не мог обзавестись семьей. Наконец к сорока годам, вернувшись с Кавказа, он полюбил Татьяну Розанову, которая, по семейным преданиям, была очень хороша собой. Однако через несколько лет Александр Сергеевич охладел к Татьяне, и ей пришлось покинуть арсеньевский дом вместе с детьми Александром, Петром и Надеждой, получившими фамилию матери. Татьяна, забрав младших отпрысков, уехала в Самару. У Арсеньева же появилась новая дама сердца — тоже крестьянка по происхождению — Анна Мурашева. У них родились сын Николай и дочь Александра. Этот брак и детей от него А.С. Арсеньев узаконил.

Александр Александрович Розанов (старший сын Татьяны) остался в Москве. С 12 лет он должен был сам зарабатывать себе на жизнь. Мальчик поступил на обойную фабрику Н.Д. Дмитриевой на Верхней Красносельской улице. Постепенно освоил профессию художника-колориста и с большим искусством создавал рисунки для новых изделий. В 22 года женился, затем родились дети: Екатерина (умерла во младенчестве), Зинаида, Ма-

*Александр Александрович Розанов.
Фотография 1920-х годов.
Публикуется впервые*

рия, Александра, Татьяна. Сводная тетка сестер Розановых — Александра Александровна Арсеньева — была классной дамой во 2-й московской мужской гимназии, а позже преподавала и в женских учебных заведениях Москвы. По воспоминаниям Марии, ее с сестрами не раз в детстве приглашали на праздничные утренники в женскую гимназию; ездили они пару раз и в Горячкино-Преображенское. На Рождество и на Пасху А.А. Розанов непременно навещал отца, который в начале XX века зимами жил в Москве, арендуя квартиру на Большой Алексеевской улице в приходе храма Святителя Николая в Студенцах. Марии запомнилось, что А.С. Арсеньев обычно принимал сына в кабинете с массивной мебелью, где стены были «отделаны темным деревом». О первом же своем визите к деду — совсем крошкой — Мария знала по рассказам родителей. А.С. Арсеньев не отпускал сына без угощения, один раз на обратном пути тот, охмелевший, задремал в санях

*А.А. Розанов (справа) проверяет качество продукции.
Фотография 1950-х годов. Публикуется впервые*

и не заметил, как Мария вывалилась из саней на снег. Александра Александровича разбудил громкий окрик городского: «Господин, господин, вы ребенка потеряли!» А ребенок, плотно закутанный, во время происшествия не издал ни звука.

А.А. Розанов жил сначала в районе Бабьегородских переулков в Замоскворечье. Приходской церковью была Никольская в Хамовниках. Здесь в 1902 году он крестил вторую дочь — Зинаиду, мою родную бабушку. Привожу выписку из метрической книги: «Родилась 28 сентября и крещена 1 октября. Звание родителей: Московской губернии Можайского уезда Глазовской волости деревни Тушкова Городка крестьянин Александр Александров Розанов и жена его Евгения Антонова, оба православного вероисповедания. Звание восприемников: Владимирской губернии Александровского уезда Константиновской волости деревни Кузьмина крестьянин Андрей Максимов Гловкин и Московской губернии Можайского уезда Глазовской волости деревни Тушкова Городка [крестьянка] Феодосия Яковлева Розанова. Таинство крещения совершил священник Михаил Добров с приход-

ским причтом. 4 ноября 1902 г.». Кем доводился прадеду А.М. Гловкин, не знаю, а Ф.Я. Розанова была женой его младшего брата Петра Александровича, которого он тоже со временем уговорил переселиться в Москву.

Забегая чуть вперед, расскажу, что удалось узнать о потомстве П.А. Розанова. Петр, переехав в Москву, со временем стал управлять гастрономом на Таганке. Он имел четверых сыновей, родившихся, видимо, еще в Зарайске, — Александра, Виктора, Бориса, Валентина — и дочь Антонину.

Александр Петрович так и остался жить в Зарайске. У него был сын Евгений и дочь Тамара. Во время Великой Отечественной войны зарайские родственники всей семьей приезжали к моему прадеду, о чем свидетельствует уцелевшая групповая фотография.

Виктор Петрович избрал военную стезю. Жenu его звали Антонина. Детей у них не было. В.П. Розанов участвовал в Сталинградской битве, почему-то остался после нее в Сталинграде и там погиб.

Борис Петрович служил в КГБ. Имел сына Дмитрия.

*Петр Александрович Розанов с сыновьями.
Фотография 1942 года. Публикуется впервые*

Валентин Петрович работал в Министерстве путей сообщения (в последние годы — начальником отдела кадров МПС).

Мария Розанова присутствовала вместе с отцом на отпевании «болярина Александра Арсеньева <...> в маленькой белой церкви [Святителя Николая в Студенцах]».

В 1910 году прадед с семейством переехал из Замоскворечья в четырехэтажный кирпичный дом №18 по 1-му Красносельскому переулку. Среди друзей Александра Александровича были сотрудники типографии И.Д. Сытина, известный собиратель и исполнитель народных песен музыкант Митрофан Ефимович Пятницкий. Прадед и сам очень любил русскую народную песню, обладал неплохим голосом.

Уже к началу XX века А.А. Розанов славился как художник-колорист высшей квалификации. А после революции он стал первым «красным» директором фабрики, спустя некоторое время — начальником производства, главным художником. Вся жизнь Александр Александрович разрабатывал оригинальнейшие, говоря современным языком, дизайнерские решения для обоев. Один из его ри-

сунков много позже был описан в посвященной деятельности фабрики газетной статье (Вечерняя Москва. 1952. 25 ноября): «По нежно-зеленому полю разбросанные серебристые ландыши». В семейном архиве долго сохранялись альбомы розановских эскизов. Известно также, что когда в Ульяновске восстанавливали дом Ульяновых, воссозданием обоев занимался мой прадед.

* * *

В 2011 году автор данного очерка и другие потомки А.С. Арсеньева посетили можайскую усадьбу. С утратой в 1950-х годах храма Горячкино превратилось в небольшую заустевающую деревню (даже указатель на трассе отсутствует). Главный дом и другие усадебные постройки исчезли. До 1960-х годов здесь была школа — теперь нет и ее. На месте храма в центре деревенского погоста стоит скромная часовня, проход к ней осеняют два старинных вяза — все, что осталось от усадебной некогда буйной растительности.

Долго не удавалось обнаружить изображения усадьбы. Наконец в одном из

Потомки А.С. Арсеньева

московских музеев были найдены дореволюционная черно-белая фотокопия акварели А.С. Арсеньева (усадебный дом) и черно-белый карандашный набросок на листке из школьной тетради в клетку (парадный двор)¹¹. А вскоре счастливый случай помог мне впервые встретиться с потомками сына А.С. Арсеньева Николая (от брака с Анной Мурашевой) — правнучкой Н.А. Арсеньева Е.Б. Кужевской и ее дочерью Юлией Мамаевой (обе по специально-

сти филологи), которые также увлеченно собирают всё относящееся к истории рода Арсеньевых. Мы обменялись фотографиями и некоторыми другими материалами. В числе прочего я получила от Е.Б. Кужевской искусно выполненные нашим общим предком А.С. Арсеньевым акварели, изображающие старинные усадьбы Горячкино и Дорники Можайского уезда. Теперь эти акварели смогут увидеть и читатели «Московского журнала».

¹Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 109–110.

²Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 198–201.

³См. в кн.: *Арсеньев В.С.* Воспоминания и дневники. СПб., 2005.

⁴ОХД до 1917 г. Ф. 392. Оп. 1. Д. 9. Л. 23 об.

⁵*Арсеньев В.С.* Указ. соч. С. 256.

⁶Там же. С. 161, 163.

⁷Там же. С. 162.

⁸Имение, принадлежавшее родственникам Арсеньевых Камыниным.

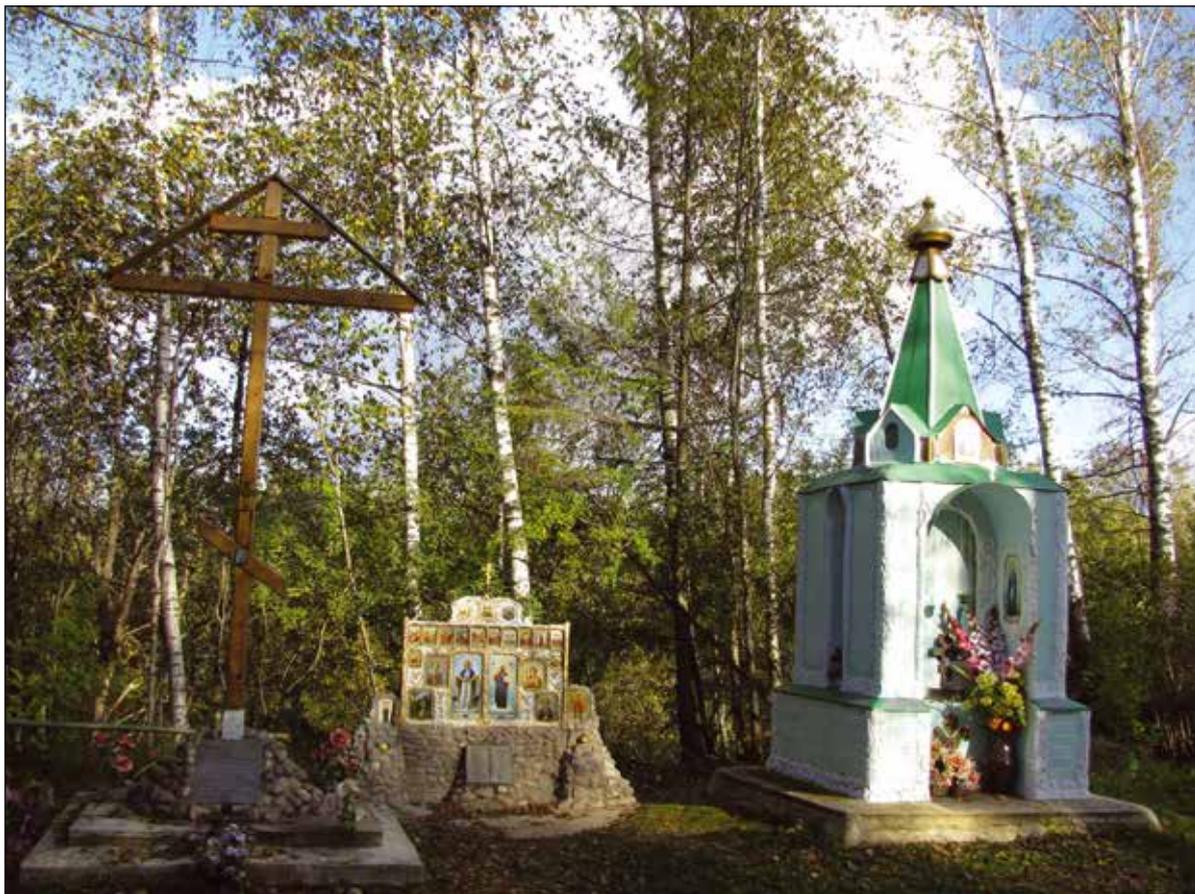
⁹*Арсеньев В.С.* Указ. соч. С. 166–167.

¹⁰«Дорник», по В.И. Далю, — печать на просфоре.

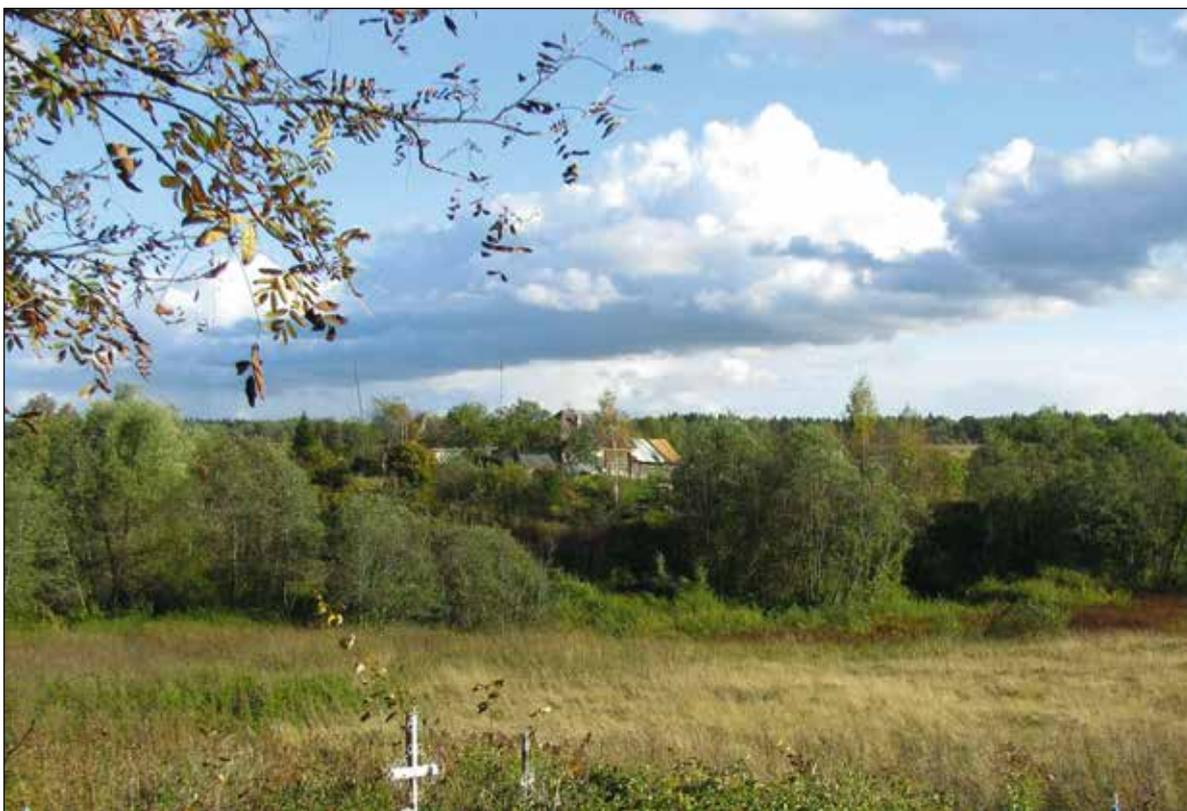
¹¹Впервые опубликованы: *Филаткина Н.А.* Усадьба Преображенское-Горячкино Можайского уезда // *Русская усадьба.* Вып. 20. СПб.—М., 2015. С. 427–438.

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Горячкино. Фотографии автора. 2011 год

Часовня на месте храма Преображения Господня

Вид от часовни на деревню

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**О ныне забытой
русской
оперной певице
и педагоге
Маргарите Тихоновне
Фитингоф (1899—?)**

**О селе Любичи
(ныне
Луховицкого
района
Московской
области)
и его уроженце —
известном купце
и благотворителе
Петре Даниловиче
Ларине
(1735—1778)**

